

Источник Живой

Священноисповедник
протоиерей Георгий Коссов

Н. Н. Усов

Источник Воды Живой

**Священноисповедник
протоиерей Георгий Коссов**

Москва
2004

*По благословению
Его Высокопреосвященства
архиепископа Орловского и Ливенского Паисия*

© Усов Н. Н., 2004

© ООО «ПолиграфАтельеПлюс», 2004

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Вы — соль земли... Вы — свет мира... Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного.

(Мф. 5:13, 14, 16).

Будьте святы во всех поступках, ибо написано: «Будьте святы, потому что Я свят».

(1 Петр. 1:15–16).

«...Нам удалось обрести святые мощи священноисповедника протоиерея Георгия Коссова из села Спас-Чекряк Болховского района Орловской области, канонизированного на юбилейном Архиерейском Соборе 2000 г. Мощи священноисповедника Георгия ныне пребывают в Спасо-Преображенском соборе г. Болхова для всеобщего поклонения. Все подтверждения о подлинности святых мощей налицо и подтверждаются антропологом, археологом и священ-

нослужителями. Сохранились митра и требник, святой крест и святое требное Евангелие, все кости и сам череп, волосы пышной бороды и длинные волосы, нательных 3 креста, фрагменты священнической одежды, пуговицы от епитрахили и часть крестов покровца и облачения. Доски гроба лишь поддались гниению. Гроб был обложен дубовыми досками и лежал на кирпичном фундаменте.

За 72 года после захоронения не осталось в живых ни единого свидетеля, и за эти годы гонений могильный холмик многократно уничтожался, а близкие о. Георгия преследовались, поэтому были затруднения с обретением места захоронения», – писал в своем рапорте на обретение мощей святого священноисповедника Георгия Коссова архиепископ Орловский и Ливенский Паисий.

Теперь христиане получили возможность обращаться к новому святому молитвеннику. Отныне 9 декабря будет днем обретения святых мощей священноисповедника Георгия Коссова. Теперь, когда небожители пребывают духом в Церкви, торжествующей на Небесах, подтверждают они, что через святых прославляется великое имя Божие, к которому они имели беспредельную любовь. Горние жители, как небесные светила, близки к нам и свидетельствуют, что они не забывают свое земное Отечество и особенно покровительствуют там, где они трудились во временной жизни, проливали пот и кровь во имя неиссякаемой любви к Богу и ближним, своим святым образом благочестивого жития назидали верую-

щих своих современников и их потомков. Как и прежде, они ярко напоминают нам о суетности и ничтожности кратковременной жизни, показывают нам пример, как надо искать горнего Отечества, как надо любить нашу Мать Святую Церковь Православную. Они живы и по смерти, и мы слышим их утешающий и ободряющий голос. Пройдет еще много-много лет, будут сменяться поколения, а святые навечно останутся жить в людской памяти, и благодатная помощь их никогда не оскудеет.

БАТЮШКА ЕГОР И БОЖИЙ ПРОМЫСЛ

о недавнего времени деятельность лиц духовного звания всячески замалчивалась или подвергалась острой критике. «Но не стояло село без праведника», и в каждом из них был свой. Память о них по сей день надежно хранят пожелтевшие страницы журналов и книг да еще народные предания. Одним из таких праведников был священник Георгий Алексеевич Коссов, или отец Егор, как ласково называли его в народе.

Впервые я услышал о нем от Клавдии Ильиничны Минаевой, жительницы города Болхова. Просматривая у нее фотографии с видами старого Болхова, я вдруг увидел на одной из них пожилого священника. «Это наш батюшка Егор из Спас-Чекряка, — сказала она. — Святой человек был. Советы давал, лечил, пророчил. Со всех сторон к нему люди шли. Всех принимал, никому не отказывал».

С сильно пожелтевшей фотографии глядел священник лет шестидесяти. Седая пышная борода, чуть приоткрытый рот, зоркие глаза. Я ненадолго за-

держал свой взгляд и отложил фотографию в сторону. В Бога я тогда не верил и духовными подвижниками не интересовался. В тот день разговор о нем мы больше не заводили. Прошел год, а может, и больше, и снова батюшка Егор напомнил о себе, на этот раз через старинную открытку. Зашел я как-то в Москве в клуб имени IV Интернационала, где по выходным дням собирались филокартисты, и там ее случайно приобрел. На ней был изображен большой каменный храм, а рядом с ним двухэтажный дом явно городской постройки. Надпись на лицевой стороне указывала, что церковь эта и приют находятся в селе Спас-Чекряк Болховского уезда. И вновь вспомнил я батюшку из Спас-Чекряка. «В такой глуши и такой храм построил, — подумал я. — Наверное, владельцы села были богатые дворяне или князья. Иначе где может взять столько средств простой сельский священник?»

Сколько времени прошло с тех пор, как я приобрел открытку, и до того дня, когда я услышал самый первый о нем рассказ, я не знаю. Но как это произошло, хорошо помню.

Приехал я как-то к родителям — они на окраине Орла живут — а в это время соседка Прасковья Власовна Будаш к ним зашла. Завязался у них разговор между собой. Вначале говорили о разном. А потом вспомнила она свою мать Агриппину Андреевну Мельникову, 1888 года рождения, и стала рассказывать, какая та была религиозная. Девяносто лет прожила и до самого последнего дня канон Пресвя-

той Богородице с Псалтырью читала. Бывало, если не было времени у нее днем прочитать, так она потом до поздней ночи читала. И рассказала историю, как в молодые годы заболела она странной и непонятной болезнью. Временами на нее находили припадки. Муж ее Власий не знал, что с ней делать. И во Мценск ее возил и в Орел, но все без толку, пока кто-то из односельчан не посоветовал отвезти ее в Спас-Чекряк к отцу Егору. Вылечил батюшка ее, но, чтобы болезнь не повторилась, наказал каждый день Псалтырь и канон Пресвятой Богородице читать, что она свято до последнего дня исполняла.

Услышал я этот рассказ и удивился. Столько лет его нет уже в живых, а люди о нем не только в окрестных деревнях, но и в Орле помнят. Надо съездить, посмотреть, что там от батюшкиного хозяйства осталось. Несколько раз я собирался поехать туда, но каждый раз по разным причинам откладывал. Пугала меня дорога. «Ну, до Болхова доехать пустяк, — думал я. — А там еще двадцать верст. В районе это не шутка. Автобусы вряд ли ходят туда, придется добираться попуткой. К вечеру, возможно, доберусь. А где ночевать? Гостиницы там, конечно, нет. А кто вечером пустит переночевать?»

А потом как-то быстро мелькали суетливые дни, появлялись неотложные дела, и я забывал думать не только о поездке в Спас-Чекряк, но и о батюшке Егоре. А если когда и вспоминал, то на помощь мне всегда приходили утешительные мысли: «Да мало ли было разных праведников и всяких хра-

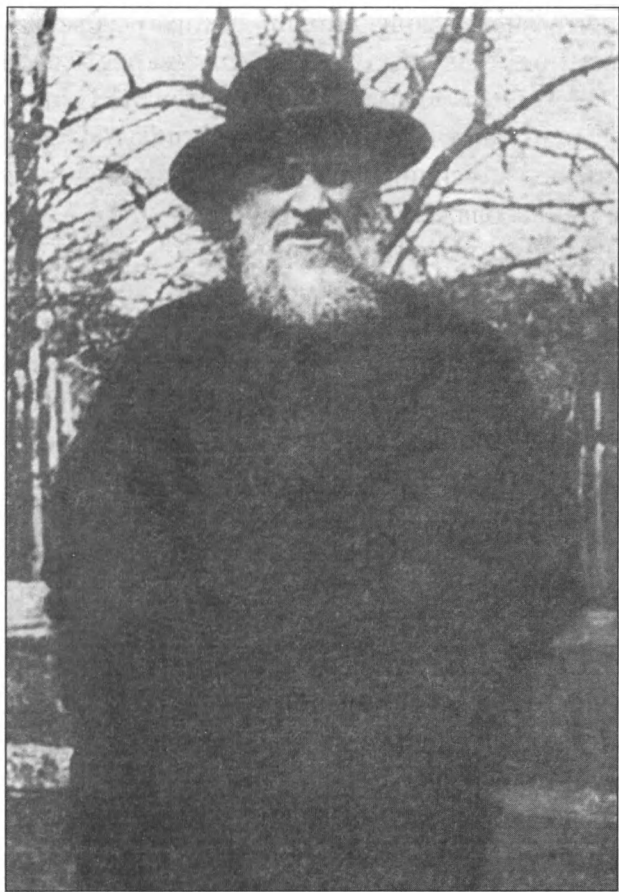
мов на земле. Все не объедешь и не посмотришь». И я соглашался. Но, видно, недаром мудрые люди утверждали, что ничего само по себе в нашей жизни не происходит и все кажущиеся нам случайности являются действиями неведомых и таинственных сил. Часто бывает, что само действие мы видим, а о причине не только не ведаем, но даже не задумываемся. Такой вот и я, грешный.

Зашел я как-то в часовню, что в Орле рядом с церковью Архангела Михаила стоит. Лет десять назад, когда она бездействовала и была на балансе в управлении культуры, начальник производственной группы по охране памятников Юрий Викторович Семеняко отдал ключи от нее мне, чтобы я в ней разместил выставку фотографий с видами старого Орла. Ходил я туда, прикидывал, сколько потребуется материалов и средств, чтобы привести ее в приличный вид, и даже пытался что-то сделать, но ничего из этого не вышло. А вскоре ее епархии передали, и стала она действующей. В тот раз я зашел туда из-за любопытства, посмотреть, как ее внутри отделали. А женщина, что там свечи продает, стала мне книгу С. А. Нилуса «Великое в малом» предлагать. «Замечательная книга, – говорит. – Только что получили». О Нилусе как о православном писателе я слышал давно. Знал, что он наш земляк, но читать что-либо из его книг мне не доводилось. Приобрел я книгу, а дома открыл и сразу на Егора Чекряковского наткнулся. Там ему целая глава посвящена. «Ну вот, – подумал я. – Опять мне батюшка Егор попался». Пе-

релистал я книгу, пересмотрел главы и заметил, что первые две главы посвящены святым: Сергию Радонежскому и о. Иоанну Кронштадтскому. Потом несколько глав преподобному Серафиму Саровскому и Амвросию Оптинскому, а затем батюшке Егору из Спас-Чекряка. Подивился я на это и подумал: «Вот он в каких рядах стоит. Истинный и великий подвижник». И тут же стал читать о нем.

Сергей Александрович Нилус писал, что «еще при жизни старца Амвросия Оптинского, хотя и очень незадолго до его праведной кончины, по нашим Орловским местам прошла слава среди народа про отца Георгия Коссова из села Спас-Чекряка Болховского уезда. Последние годы (автор был там зимой 1903 года) о нем заговорили с особенным интересом, и, как водится, заговорили на разные лады: одни с восторгом, усматривая в нем непосредственного преемника по благодати о. Амвросия, нового прозорливца, которому открыто сокровенное человека, для которого и в будущем нет тайного, что не было бы ему явным; другие... отнеслись к нему предвзято-недружелюбно, даже прямо враждебно...

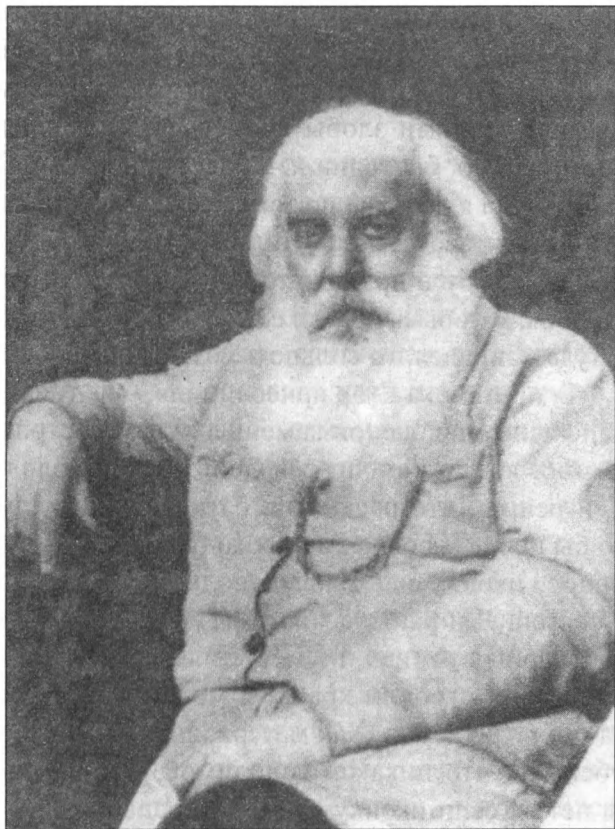
Рассказывали, что кем-то подосланные убийцы хотели убить его в церкви, но что внезапно у них отнялись руки и ноги и только по молитве батюшки убийцы были исцелены, покаявшись в своем злодейском умысле. О даре прозорливости о. Егора создались целые легенды со слов очевидцев, на себе испытавших силу этого дара.

Георгий Алексеевич Коссов – «батюшка Егор»

Как бы то ни было, а о. Егор стал известен не в одной только Орловской губернии, и толпы богомольцев разного звания потекли потоком отовсюду в захолустное, безвестное село Спас-Чекряк Болховского уезда Орловской губернии. Поток этот вот уже лет двенадцать не только не иссякает, но с годами все более и более усиливается. Особенно возрос он со дня кончины блаженной памяти старца отца Амвросия Оптинского».

Далее Нилус описывал свою поездку в Спас-Чекряк, и делал это искусно. Подробно описал дорогу туда, службу отца Егора в маленькой деревянной церквушке, а затем встречу и разговор с батюшкой у него дома. Читал я рассказ с удовольствием. Усиливало мое внимание к нему еще то, что казался мне батюшка Егор давним знакомым. «Облик отца Егора в старой, заношенной ризе, обвисшей на его высокой, сухощавой фигуре мятыми складками потертой от времени парчи; его темные с большой проседью волосы, закинутые со лба назад непослушными, мелко вьющимися, точно крепированными прядями, с одной прядкой, непокорно сбившейся на дивный, высокий лоб; реденькая бородка, небольшие усы, открывающие характерный, сильный рот, в котором так и отпечатлелся характер стойкий, точно вычеканенный из железа; небольшие глаза, горящие каким-то особенно ярким внутренним огнем, и взглядом, глубоко, глубоко устремленным внутрь себя из-под глубоких, резких складок между бровями... Глаз не мог я оторвать от отца Егора. Вихрем в голове моей

Писатель С. А. Нилус

проносились вся история Христовой Церкви на земле, вся история ее младшей дочери, Православной Русской Церкви, исполненная дивных образов ее верных воинов, несших ей победные венцы в борьбе с внутренними и внешними врагами, с врагами земными и врагами злобы поднебесной... Передо мною, очевидно, был один из таких воинов...»

Но когда я дочитал до того места, где батюшка Георгий стал рассказывать Нилусу, что при поступлении на службу в приход стал он слышать страшные голоса, которые грозили ему и требовали, чтобы он оттуда убирался, то сильно засомневался.

«Тут батюшка Егор присочинил», — подумал я. И стало ясно мне, как он каменный храм построил. Вспомнил я, что там по сей день святой колодец есть, и решил, что распустил батюшка Егор слух, будто бы нечистая сила ему проходу не дает, да еще, наверное, иконку на колодец подкинул. Вот он и стал святой. Я и раньше много раз слышал и читал о чудотворных иконах, на местах явлений которых впоследствии строили храмы и монастыри, но никогда этому не верил. Как материалист, я был твердо убежден, что никакой невидимой, но разумной силы нет. И если иконку кто-нибудь специально не подбросит, то сама она ниоткуда не появится. А происходят эти чудеса только потому, что нужны священникам средства на постройку храмов и монастырей, вот они и пускаются на хитрости. Оттого к ним и народ идет. Ведь наш народ, его хлебом не корми, дай только поглядеть на чудо. Я был убежден в этом

и батюшек за это не осуждал. «А где же брать им еще средства, — думал я. — Вот они и подкидывают иконки». А что касается таинственной и невидимой силы, способной поднять человека вверх, то это я и всерьез даже не принимал. Так в тот день книгу я и не дочитал.

На следующий вечер начал я читать с того места, где в прошлый раз бросил.

«...Но когда я сюда приехал, меня оторопь взяла — что мне тут делать? Жить не в чем, служить не в чем. Дом — старый, престарый; церковь, пойдешь служить, того и гляди — самого задавит. Доходов почти никаких... Прихожане удалены и от храма, и от причта. Народ бедный; самим впору еле прокормиться... Что мне было тут делать?! Священник я в то время был молодой, неопытный, к тому и здоровьем был очень слаб, кровью кашлял. Матушка моя была сирота бедная, без всякого приданого. Поддержки, стало быть, ни оттуда, ни отсюда не было, а на руках у меня еще были младшие братья. Оставалось бежать. Так я и замыслил.

На ту пору велика была слава отца Амвросия. Пустынь Оптиная от нас верстах в шестидесяти. Как-то по лету — ночь бессонная — взгомозился я от думушек... Ни свет — ни заря, котомку за плечи, да и пошел к нему отмахивать за благословением уходить мне из прихода. Часа в четыре дня я уже был в Оптиной. Батюшка меня не знал ни по виду, ни по слуху. Прихожу в его келью, а уже народу там — тьмы: дожидаются выхода батюшки. Стал и я в сторонке до-

жидаться. Смотрю – он выходит да прямо меня через всех и манит к себе:

– Ты, иерей, что там такое задумал? Приход бросать? А? Ты знаешь, Кто иереев-то ставит? А ты бросать?! Храм, вишь, у него стар, заваливаться стал! А ты строй новый, да большой каменный, да теплый, да полы в нем чтоб были деревянные: больных привозить будут, так им чтоб тепло было. Ступай, иерей, домой, ступай, да дурь-то из головы выкинь!.. Помни: храм-то, храм-то, строй, как я тебе сказываю. Ступай, иерей, Бог тебя благословит!

А на мне никакого и знака-то иерейского не было. Я слова не мог вымолвить.

Пошел я домой тут же. Иду да думаю: что же это такое? Мне строить каменный храм? С голоду дома чуть не умираешь, а тут храм строить! Ловко утешает, нечего сказать!

Пришел домой; кое-как отделался от вопросов жены... Ну, что ей было говорить? Сказал только, что не благословил старец просить перевода. Что у меня тогда в душе происходило, кажется, и не передашь! Напала на меня тоска неотвязная. Молиться хочу – молитва на ум нейдет. С людьми, с женой даже не разговариваю. Задумываться стал.

И стал я слышать и ночью и днем – больше ночью – какие-то страшные голоса: «Уходи, говорят, скорей! Ты один, а нас много! Где тебе с нами бороться! Мы тебя совсем со свету сживем!»... Галлюцинации, должно быть... Что бы там ни было!.. Только дошло до того, что не только во мне молитвы

Преподобный Амвросий Оптинский

не стало, — мысли богохульные стали лезть в голову; а придет ночь, — сна нет, и какая-то сила прямо с постели стала сбрасывать меня на пол, да не во сне, а прямо въяве: так-таки поднимет и швырнет с постели на пол. А голоса-то все страшнее, все грознее, все настойчивей: — ступай, ступай вон от нас!

Я в ужасе, едва не мешаясь рассудком от перенесенных страхов, опять кинулся к отцу Амвросию.

Отец Амвросий как увидел меня, да прямо, ничего у меня не расспрашивая, и говорит мне:

— Ну, чего испугался, иерей? Он один, а вас двое!

— Как же это так, — говорю, — батюшка?

— Христос Бог, да ты — вот и выходит двое! А враг-то — он один. Ступай — говорит, — домой, ничего вперед не бойся; да храм-то, храм-то большой каменный, да чтоб теплый, не забудь строить! Бог тебя благословит!»

Как только дочитал я до этого места, стало и мне легче. словно не отцу Егору, но и мне было старцем Амвросием сказано: «Ну, чего испугался? Он один, а вас двое! Ты и Христос!» Эти слова меня не только ободрили, но и укрепили духом. Я уже из собственного опыта знал, что как бы бесы ни были сильны, все они не только молитв, но даже имени Иисуса Христа боятся. И, ободренный, читал я дальше.

После второго визита к Оптинскому старцу Амвросию стало отцу Егору лучше. Страхи прошли, и в молитве стал он сосредоточение иметь.

Вначале народ в церковь не ходил. Придет отец Егор один, зажжет лампадку перед иконой Царицы Небесной и один в пустом храме читает ей каноны и акафисты. А затем стали приходить люди. То один, то другой, то третий... А как умер старец Амвросий, то народ со всех сторон повалил в Спас-Чекряк к ба-тюшке Егору.

И все-таки построил он храм. Большой, каменный и теплый, как и наказывал ему старец Амвросий. «Орловские епархиальные ведомости» в своих выпусках подробно описывали его освящение: «В шесть часов вечера (накануне освящения) в новоустроенном храме собравшимся многочисленным сонмом духовенства во главе с протоиереем о. Д. Рудневым было отслужено торжественное Всенощное бдение. На другой день, в шесть часов утра, местный благочинный о. И. Феноменов, в сослужении с некоторыми другими иереями, совершил освящение придела, устроенного во имя Пресвятыя Богородицы, а затем отслужил литургию в новоосвященном приделе, причем им же в обычное время сказано поучение по поводу настоящего торжества. Затем в девять часов протоиереем Д. Рудневым также соборне было совершено освящение другого придела – во имя святого Архистратига Михаила, после чего была отслужена литургия, за которой протоиереем Д. Рудневым было произнесено поучение о значении храмоздательства. По окончании литургии всем собравшимся духовенством был отслужен Благодарственный Господу Богу молебен. За всеми Богослужениями весь-

ма стройно и умирительно пел ученический хор местной второклассной школы.

Из церкви все духовенство и почетные гости перешли в здание приюта для девочек. Здесь и духовные, и светские лица в одушевленных речах выражали отцу Георгию свои чувства и пожелания по поводу только что совершившегося торжества. Между прочим, была сказана речь и от местных прихожан одним почтенным крестьянином. Последний, в своем бесхитростном, но искреннем и глубоко почувствованном слове вспомнил то еще сравнительно недавнее время, когда село Спас-Чекряк было бедно и убого и в духовном, и в материальном отношении, шаг за шагом проследил многополезную деятельность о. Георгия в этом селе и закончил свою речь пожеланиями многих лет достойнейшему пастырю».

Да и не только храм построил отец Егор. Больницу, приют для девочек-сироток, второклассную школу, гостиницу и несколько церковно-приходских школ. А начал он с того, что устроил в селе Спас-Чекряк небольшой кирпичный завод, а затем, когда поток денежных средств возрос, купил лесной участок. Вот и пошли у него дела. Кроме перечисленного построил он столовую, слесарную мастерскую, амбар и баню. А землю, что выделили второклассной школе и приюту, использовал он под сад, пасеку и огород.

С тех пор начал я помаленьку собирать материалы и о селе Спас-Чекряк, и о батюшке Егоре. Собирал, где придется. Часто ходил в областную библио-

Спас-Чекряк. Спасо-Преображенская церковь.
1903 г.

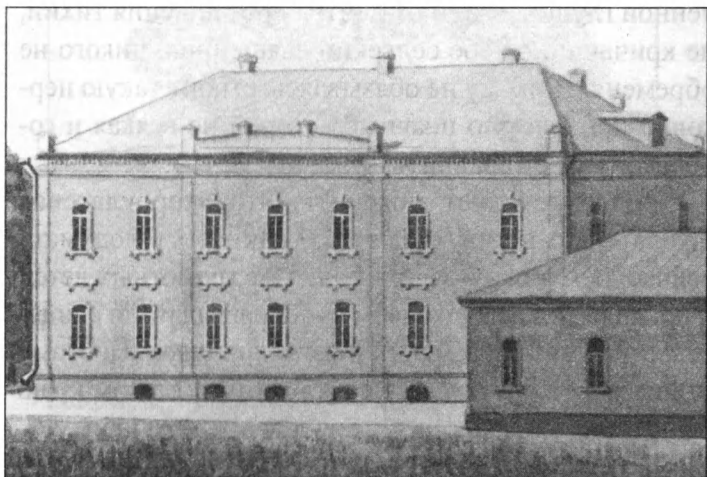
теку и перелистывал старые подшивки «Орловских епархиальных ведомостей». Из них о батюшке Егоре узнал я немало. «На участке земли, пожертвованном для этой цели свящ. Г. Коссовым и г-жею Всеволожскою, на постройку школьного здания было затрачено до восьми тысяч рублей из средств свящ. Г. Коссова. К следующему году здание было приспособлено под второклассную школу. Средства на перестройку школьного здания в размере пять с половиною тысяч были пожертвованы свящ. Г. Коссовым и в размере 1600 рублей ассигнованы от Училищного Совета при Святейшем Синоде, а к школьному участку земли свящ. Г. Коссовым была подарена еще одна десятина земли. В 1901 году школьное здание было капитально отремонтировано на 2600 рублей, пожертвованных свящ. Г. Коссовым, и на 400 рублей, ассигнованных Училищным Советом при Святейшем Синоде, а к школьному участку земли свящ. Г. Коссовым была прибавлена еще одна десятина земли. В настоящее время участок школьной земли равняется 5 десятинам и 600 квад. саженьям. На нем разведен фруктовый сад в 400 корней, имеется пасека из 30 ульев, вырыт пруд, наполняемый водою из родников...»

Его пастырской и хозяйственной деятельностью восторгались многие современники. Епархиальный наблюдатель священник М. Космодамианский, по его словам, повидавший немало всяких школ в Орловской губернии, в своих отчетах по поводу открытия в 1896 году в Спас-Чекряке второклассной

школы сообщал: «Чарующее впечатление произвела на меня эта школа своим устройством, внутренним расположением и обстановкою. Но эта внешняя, чисто материальная сторона школы окончательно ступсевалась, заслонялась перед внутренним, так сказать, содержанием ее, перед строем, духом и общим направлением учебно-воспитательного дела в ней, обуславливаемых личностью самого священника, хозяина этой школы. Живя в одном из самых бедных и малочисленных приходов, где, как надо думать, священнику мало работы по отправлению разного рода треб, и, следовательно, много в распоряжении досужего времени, – священник Коссов ни днем, ни ночью не знает покоя. Изю дня в день, с раннего утра до глубокой ночи он подвигом добрым подвизается. Всегда окруженный целыми десятками, сотнями осаждающих его людей, стекающихся к нему не только из разных мест Орловской губернии, но и из разных концов обширного нашего отечества, он или ведет с притекающим к нему людом душеспасительные беседы, или молится с ними в его маленьком и ветхом храме, не выходя из него часто по целым полусуткам. Выстроивший великолепное школьное здание, принявший на себя все его содержание, увеличивающий из доступных ему только средств жалование учительницам <...> вечно занятый своими пастырскими обязанностями или неутомимыми хлопотами по сооружению нового храма в своем бедном, захолустном селе, священник Коссов все же находит и время, и возможность не только посещать свою

школу, но и обучать в ней детей закону Божию <...> «Без Бога – не до порога» – вот девиз этого пастыря, законоучителя и в школе, и вне ея; и он настойчиво проводит этот девиз своею деятельною жизнью, одухотворяемою любовью во всю окружающую среду...» Он писал: «Когда отец Георгий подвез меня к подъезду <...> чувство восторга охватило меня, слезы радости подступили к горлу. Помню: хотел я что-то сказать отцу Георгию, но не мог и, с благоговением перекрестясь на икону Спасителя, вделанную в парапете подъезда, вошел в здание, оказавшееся Спасо-Чекряцкою школою.

Согласитесь, что я ни на йоту не преувеличу, когда скажу, что здание школы и в прошлом ее виде, и тогда уже было само великолепие. Каменное, на высоком фундаменте, крытое железом, в 36 арш. длины и 15 ширины при высоте в 5 арш. – такое здание для школы разве не есть великолепие? Оштукатуренное внутри, с красивыми в несколько стяг карнизами по стенам, окрашенными полами и дубовыми подоконниками, чуть не под мрамор масляною краскою колодами окон, с высокими двустворчатыми филенчатыми дверьми, с рельефными узорчатыми кругами для ламп в потолках, все это только усиливало прелесть впечатления от этого здания, состоявшего из пяти больших комнат с удачно расположенными в них пятью голландскими печами и одной пекарней в кухне сторожке. Полная совершенно приличная школьная обстановка, полный хозяйственный школьный инвентарь, все удобства школьного

Спас-Чекряк. Приют для девочек-сироток.
1903 г.

расположения, масса свету, масса воздуху дают мне право еще раз сказать, что найденная мною школа было само великолепие. И это великолепие создал один человек!.. Я невольно преклоняюсь перед хозяином этого азбучного университета <...> В отдаленной глуши, вдали от центра просвещения тихий, не кричащий о себе сельский священник, никого не обременяя, никому не обязываясь, строит такую церковно-приходскую школу, с которой не всякая и городская может сравниться...».

Здесь следует пояснить, что второклассная школа – это не двухгодичная, как могут подумать сейчас. В эту школу принимали уже грамотных детей и после пятилетнего срока обучения выдавали свидетельство учителя земских и сельских школ. Поэтому открытие такой школы в отдаленном и глухом краю было действительно делом необычным и дивным.

Незадолго до первой мировой войны в Спас-Чекряке побывал писатель – наш славный земляк Михаил Пришвин. День, когда он прибыл туда, был ясным и теплым. Приютские девочки-сиротки, одетые в красные сарафаны, сажали на старом кладбище яблони. Залюбовавшись большой плотной у пруда, которую три года насыпал батюшка Егор с детьми, он вдруг услышал сзади себя шум. Оглянувшись назад, писатель увидел отца Георгия. Батюшка шел в церковь, а за ним следовала большая масса людей. Кого там только не было! В своем рассказе «Спас-Чекряк» М. Пришвин писал, что к отцу Георгию идут на совет не только крестьяне или помещи-

Писатель М. М. Пришвин.
1914 г.

ки, но даже городская управа в Болхове присылает ему на утверждение свои сметы. И еще одно важное наблюдение, сделанное нашим знаменитым земляком. В церкви батюшка Егор делает все сам. Сам убирает и подметает пол, сам наливает масло в лампадки, сам ставит и зажигает свечи. Каждый день служит он в церкви. С девяти часов до часа служба и молебен. Затем тут же, не выходя из церкви, батюшка иногда до семи-восьми часов вечера лечит и дает прихожанам советы. Затем час отдыхает и принимает людей у себя дома.

В своих воспоминаниях князь Жевахов писал об отце Егоре: «...и скоро прошла о нем молва по всей Русской земле, как об Угоднике Божьем, великом прозорливце и молитвеннике... Потянулись к о. Егору и простолудин, и знатный, и богач, и бедняк, и протест, и ученый».

Так постепенно у меня стал накапливаться материал о батюшке Георгии, и я уже давно пожалел, что не переснял его фотографию, которую видел у Клавдии Ильиничны, когда переснимал у нее виды старого Болхова. И я бы давно съездил к ней, но за шесть лет забыл и имя ее, и фамилию, и место, где она живет.

Отвела меня к ней Алла Алексеевна, с которой познакомился я на улице случайно, когда снимал в Болхове по заданию управления культуры церкви и старые купеческие дома. Старых фотографий у Клавдии Ильиничны было так много, что все я их в тот день так и не переснял. Спешил домой. Но, уез-

жая, записал на листке ее адрес и пообещал, через два дня вернуться. В этом я тогда не сомневался. И, чтобы не таскать лишний раз, оставил у нее осветители и штатив.

Но по возвращении домой мне пришлось заниматься уже другими делами, и в Болхов я так больше не попал. Оставленные мною там штатив и осветители были старые и не единственные, и я о них не жалел.

С тех пор прошло шесть лет. Бумажку с адресом Клавдии Ильиничны я давно потерял, а где жила она, совсем не помнил. И тут случилось чудо. Полез я случайно в висящий на кухне шкаф и вижу: на видном месте бумажка свернутая лежит. Развернул ее, а там адрес и фамилия: Минаева К. И. Тянуть после этого с поездкой я не стал и вскоре выехал в Болхов.

И вот Болхов. Шесть лет не был я здесь, а каких-либо перемен не заметил.

Первая попавшаяся мне на пути Георгиевская церковь, гордо взметнувшая свою пятиярусную колокольню к небу, стояла вся в строительных лесах.

Казалось, что ее реставрация идет полным ходом, но я-то помнил, что и шесть лет назад она была точно такая. Мне было известно, что в 1920-х годах в ней служил сын Георгия Алексеевича Коссова – отец Николай. Здесь в небольшом домике, что стоял через дорогу, он и жил с семьей. После смерти отца Николая храм закрыли, а здание стали использовать под склад торговой конторы.

Я перешел мост и, поднявшись на Соборную, ныне Земляную гору, вышел к Спасо-Преображенскому собору. «И тут такая же картина», – подумал я, глядя на кучи строительного мусора ихлама, оставленного реставраторами. На моей памяти этот собор реставрируют уже около сорока лет, а он так и стоит в одной поре. Правда теперь, когда я пишу эти строки, его отдали епархии, и дела сдвинулись в лучшую сторону.

Обойдя несколько раз собор и стоящую рядом с ним Троицкую церковь, я пошел по центральной улице вверх.

Был ясный и теплый весенний день. Шел я не спеша, любуясь дворянскими и купеческими постройками, которых в Болхове сохранилось еще немало.

Клавдию Ильиничну я нашел быстро. За средней школой № 1 (тоже, между прочим, памятник старины) я свернул вправо и, спустившись по крутому спуску вниз, оказался у ее дома. Клавдия Ильинична меня узнала сразу, но только когда увидела, смутилась и немного растерялась. Вскоре, однако, выяснилось, из-за чего. Оказалось, что гостивший у нее прошлым летом внук из Орла разобрал и куда-то забросил мои осветители, и она сильно переживала. «Да не волнуйтесь. Бог с ними», – сказал я ей. Уж если я не нашел времени за шесть лет, чтобы за ними приехать, то, стало быть, они так мне и нужны. И, чтобы успокоить ее, перевел разговор на другую тему.

Старый Болхов.
Вид на Кафедральный собор

Мы поговорили о старых временах, о сегодняшних трудностях и потом завели разговор об отце Егоре. Вновь пересмотрели фотографии с видами старого Болхова, но батюшку Егора среди них не нашли.

Клавдия Ильинична недоумевала: «И куда она могла запропасться», — говорила она, продолжая искать фотографию уже в других местах. Наконец, когда я уже окончательно потерял надежду увидеть еще раз его, она вдруг нашла среди старых газет и тетрадей еще одну копию. Вид батюшки Егора был тот же, что я видел в прошлый раз, но размер фотографии был раза в четыре больше, и от этого качество фотографии было примерно во столько же раз хуже. Глянув на нее, я пришел в уныние. «Что толку ее переснимать, — думал я, — если отретушировать и восстановить ее я не смогу». Но ту копию мы так и не нашли, и мне все же под конец пришлось ее переснять.

Возвратившись домой, я стал думать, к кому бы обратиться, чтобы сделать хороший батюшкин портрет. Прошло то время, когда мастеров-портретистов было, как говорится, хоть пруд пруди. В совсем еще недавние времена они сами ходили по домам, предлагая свои услуги. И могли даже с самой маленькой и плохой фотографии сделать хороший портрет. Некоторых из них я знал. Это были в основном старые мастера. Я стал перебирать в памяти всех их, и вдруг вспомнил одного художника, который мне как раз сможет помочь. И недолго думая, отправился к нему.

«Рад бы помочь, но не смогу», – отказывался он. Но отказывался как-то нетвердо, и я это чувствовал и продолжал его просить. «Батюшка Егор был святой человек, так что тут работа во славу Божию». – «Ну ладно, оставляй фотографию, – наконец согласился он, – попробую, но только как смогу». И велел мне прийти через месяц.

Месяц пролетел быстро. И когда я в назначенный день вновь пришел к нему и увидел батюшкин портрет, то от неожиданности даже растерялся. Мало того, что портрет получился вялый и плохой, но на нем батюшка Георгий даже не похож был на священника. Явно выделялись взлохмаченные волосы на голове и нечесаная борода, а взгляд получился такой лихой и удалой, как у бродячего актера или разбойника.

Я ничего не сказал, принес портрет домой. И стал снова искать мастера-портретиста.

Вскоре я обратился в фотоателье, которое находится на Черкасской улице у Красного моста. Знакомые фотографы, к кому я обращался, посылали меня туда. Через пять дней портрет был уже готов.

Когда я смотрел портрет в фотоателье, он мне понравился. Был он отчетливый и контрастный. Я поблагодарил и отправился домой, а дома посмотрела на портрет жена и говорит: «Батюшка-то на бизнесмена похож. Ну прям как новый русский». Тут уж и у меня пелена с глаз спала. Глянул я еще раз на портрет и вижу: действительно получился батюшка,

как новый русский. Лицо справное, холеное, а глаза наглые. А чуть приоткрытый рот превратился в презрительную улыбку. Но больше всего поразила меня слишком уж выраженная у него самоуверенность и довольство. И в то же время на батюшку Георгия он был похож. Долго я сидел и смотрел то на фотографию, то на портрет, поражаясь необычной и странной двойственности. И было ясно, что сошла с батюшкиного лица на портрете какая-то едва видимая тень или даже полутень, и вместе с ней исчезла и духовность.

«Ну, пересниму я сейчас этот портрет, – думал я. – Сделаю фотографии. И будут люди считать, что это «батюшка Егор». А он и на священника даже не похож. Нет, не буду я брать грех на душу, а лучше поищу художника и попрошу его заново на холсте батюшку красками нарисовать. Ведь нарисованный красками это не то что фотографический портрет. Во-первых, выглядит внушительней и солидней, а во-вторых, память уж действительно на века. Надо только найти хорошего художника. Только я об этом подумал, как тут же вспомнил художника, к которому можно обратиться. Как я и предполагал, он мне не отказал. Он выслушал меня и, услышав об отце Георгии Коссове, заметно оживился и сказал: «А ведь и моя покойная бабушка в детстве тоже в каком-то приюте за Болховом жила. Может быть, даже у этого священника». «Конечно же, у него» – ответил я, обрадовавшись такому совпадению. Ведь других-то приютов там не было. Мы поговорили о разном еще

с полчаса, и я ушел в полной уверенности, что портрет будет удачный.

Месяца через три портрет был наконец готов. Вставленный в хорошую массивную рамку, действительно выглядел внушительно и солидно. Но я, как только увидел его, понял, что опять получилось не то, чего мне хотелось. Я, глядя на него, пытался внушить себе, что батюшка Егор вышел хорошо, но душа моя этот портрет не принимала. Дома я уже окончательно пришел к выводу, что переснимать и размножать его все же не стоит.

Но отчаиваться я не стал, а решил написать о батюшке Егоре статью. Материал о нем к этому времени у меня кое-какой уже был.

Начал я с воспоминаний его внучки Евгении Николаевны Потаповой, но как только я сел за стол, мысли мои тотчас охватывали меня, вначале увлекали, а затем рассеивались, и охватить всю статью и осмыслить я не мог. Статья пролежала в незаконченном виде целый год.

Что бы я дальше делал, даже не знаю. Но тут вдруг случилось событие, которое было хоть и незначительное, но я его расценил как Божий Перст.

А именно, вычитал я из газеты «Литературная Россия», что Православный Свято-Тихоновский институт собирает материалы о духовных подвижниках и мучениках, живших в нашем веке. И решил сообщить им о батюшке Егоре. «Они наверняка заинтересуются им, — думал я, садясь за стол, — и, может быть, даже своего сотрудника пришлют. Ведь батюшка в

конце концов был не просто духовный подвижник, каких было во все времена не мало на Руси, а духовный преемник, как многие считают, знаменитого старца Амвросия Оптинского и безусловно истинный святой. Я подробно написал, как впервые услышал о нем, о старинной открытке, о его пастырской и хозяйственной деятельности. В конце письма я писал, что есть еще люди, которые помнят батюшку Егора и могут немало о нем рассказать. И хорошо бы было сейчас эти сведения собрать и где-нибудь опубликовать. Но если мы упустим момент, то уже в самое ближайшее время сделать это будет невозможно.

Письмо получилось длинное, на восьми больших листах. Священник Ахтырского собора в Орле отец Дмитрий благословил меня, и я отправил его в Москву.

«Ну, вот и все. Дело сделано, — подумал я, — там все-таки специалисты». И сразу же стало у меня на душе легко и хорошо.

Прошло два месяца, и пришел мне из Православного Свято-Тихоновского института ответ, из которого я узнал, что хоть батюшка Егор и заинтересовал их, но никто из сотрудников не приедет. Мало того, они сами просили, чтобы я узнал и сообщил им, подвергался ли батюшка Егор арестам и был ли кто-либо репрессирован из его родных. Заинтересовались они также и братом отца Георгия, священником Покровской церкви в Болхове о. Константином, впоследствии арестованным и утопленным в реке Лене под Красноярском.

Отца Константина в своем письме я упомянул мельком, так как знал о нем совсем мало. «Ну вот, — подумал я, прочитав письмо, — все вернулось на круги своя. Где я эти сведения найду?» Все, что знал, то и написал.

В то время, когда казалось, что я уже забыл о батюшке Егоре и думать, вдруг явился ко мне приехавший на каникулы из Москвы Володя Неделин и принес мне две великолепные батюшкины фотокопии. И я, радуясь им, еще раз подумал, что батюшка Егор, безусловно, играет в моей жизни какую-то роль. Сколько сил потратил я, чтобы иметь батюшкин портрет! И вот наконец моя мечта сбылась.

Вскоре, осмотревшись, понял я, что напрасно оробел. И все, что происходит вокруг меня, идет мне на пользу. Вот и с работой так. Если раньше в Орле меня каждый день на работу заставляли ходить, хотя день у меня был ненормированный, то в Моховое ездил один раз в неделю. А когда попал в Чернь, то с меня совсем спрос был невелик. Достаточно было приехать с отчетами один раз в месяц. И больше меня не беспокоили.

А тут вдруг нашлись у меня и спонсоры. К начальнику производственной группы по охране памятников старины Ю. В. Семеняко добавились еще директор Чернского краеведческого музея В. А. Новиков и начальник Орловского участка реставрации А. П. Юдин. Они помогли мне не только с заказами, но и с фотоматериалами. И тут у меня созрел план.

Я решил делать батюшкины фотографии и раздавать верующим по всем церквам. «Не важно, что многие пока ничего не слышали о нем, – думал я, раздавая всем подряд. – Они начнут показывать батюшку Егора другим, пойдут разговоры о нем, и в конце концов отыщутся те, кто его знал или что-либо слышал о его деятельности от родных или близких. А потом эти вести дойдут и до меня». Расчет оказался верным. Вскоре о нем действительно заговорили, и многие свидетели стали сами разыскивать меня. Забегая немного вперед, сообщу, что таких набралось более семидесяти человек. А еще через некоторое время потянулись в Спас-Чекряк паломники. Многие, правда, и прежде ездили туда, но теперь число их значительно возросло.

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ СЕМЬИ КОССОВЫХ

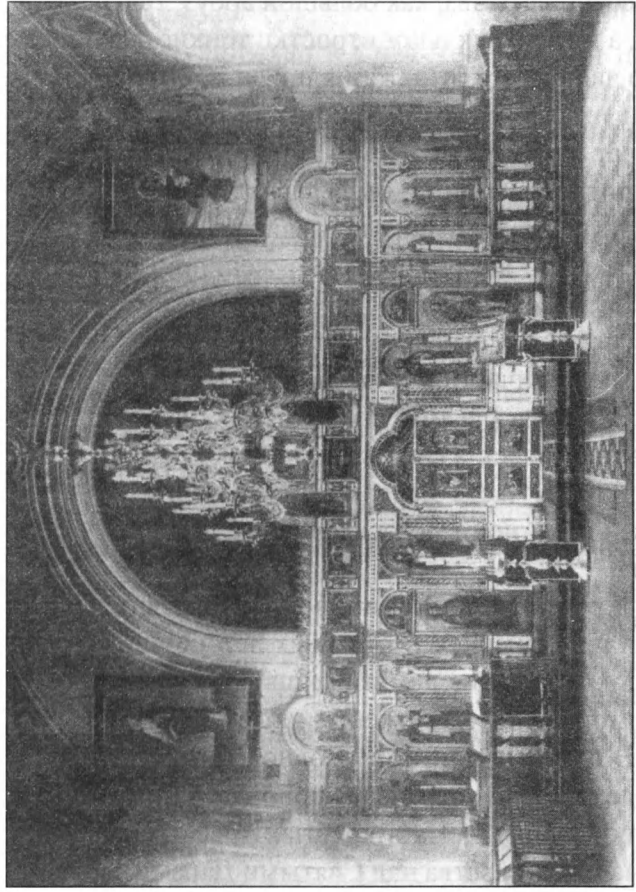

Н юблю приезжать в Болхов! Невелик этот город, зато какой уютный и древний. В прежние времена славился он кожевенными мастерами, церквами, благочестивыми людьми и духовными подвижниками. Одним из таких подвижников был священник Георгий Алексеевич Коссов, «отец Егор». В этот раз я специально приехал в Болхов из-за него. Длинная и прямая улица Свердлова, прежде Георгиевская, привела меня к дому № 51, где живет его внучка. С Евгенией Николаевной Потаповой я знаком давно, бывал у нее и прежде, но на этот раз приехал, чтобы встретится с ее сыном Владимиром Николаевичем, бывшим полковником Советской Армии, тоже моим старым знакомым. Он приехал из Риги погостить и привез хранящийся у него альбом с семейными фотографиями. Я листаю этот альбом и особенно внимательно рассматриваю старые пожелтевшие фотографии. Евгения Николаевна сидит рядом со мной и рассказывает: «Мама моя, Глафира Алексеевна, в девичестве

Богословская, училась в Орле, там и с папой познакомилась. В 1912 году он закончил духовную семинарию, в тот же год они и обвенчались». Ласково и задумчиво глядит с фотографии куда-то в сторону девушка в белом платье с тонкими бровями. И в одежде и в манере держать себя чувствуется что-то давно ушедшее. Какие далекие времена и почти сказочные воспоминания...

«Ты, мама, про икону расскажи, – вступает в разговор Владимир Николаевич. – Забыл, как она называется. Ну, про ту, что у меня хранится». – «Это образ Божией Матери «Взыскание погибших», – говорит Евгения Николаевна. – Ты, Володя, ее береги. У нас ее чудотворной считали. Только отболела я тифом, а он меня снова свалил. Лежала, как мертвая, уже и не дышала. Фельдшер пришел, посмотрел и сказал, что надежды нет, ночью умру. Велел к похоронам готовиться. Жили мы тогда в селе Шумово. Пошли мои родители в церковь. Папа перед иконой молебен отслужил. Болезнь отступила вмиг. Пришли они из церкви домой, а я жива и здорова. Сажу на полу и с куклами играю».

Потом разговор зашел о деде. «Деда своего Георгия помню хорошо, – рассказывает Евгения Николаевна. – Ростом был высокий, с большой седой головой. На вид суровый, а на самом деле добрый. Любили мы с братом Лелей к нему в церковь ходить, смотреть, как он людей лечит. И каких только больных к нему не привозили. Один раз вышла на улицу, вижу: около церкви телега стоит, а в ней на подушке

Иконостас храма Иоанна Богослова в Духовной семинарии г. Орла

большая голова лежит и в разные стороны глазами вращает. Оторопь меня взяла. Думаю, что за чудо? И только когда поближе подошла, рассмотрела. Лежит ребенок, голова, как большой арбуз, тельце с кулачок, а вместо рук и ног отростки тонкие, как веревка. Но чаще всего буйных и кликуш привозили. Начнет он их святой водой кропить, а они извиваются и кричат разными голосами. Дивно нам с братом на них смотреть. А мама, бывало, рядом с нами стоит и предупреждает: «Не оглядывайтесь, дети, назад, а то бесы в вас вселятся». А раз женщину привезли, чтобы исповедать и причастить. Когда исповедовалась, спокойная была, а как только подвели ее к дедушке для причастия, то в один миг вдруг переменилась. Схватила руками чашу Святых Даров и давай ее трясти. Трясет, а сама визжит что есть мочи. Пока оттащили ее, часть Даров вылилась на пол. Так это место, чтобы не было осквернения, дедушка огнем выжег».

Я расспрашиваю Евгению Николаевну о революции и о событиях тех бурных лет, но она не помнит. Сохранились в памяти лишь разговоры родителей о моральном разложении людей и падении нравов. «В то время с людьми словно что-то произошло. Молодежь стала устраивать попойки на кладбищах, сквернословить, ломать кресты. Повсюду совершались надругательства над Святыми Дарами, мощами и иконами. Мы жили в селе Шумово и натерпелись там много всяких бед. А когда папе служить стало невозможно, родители мои бросили все и приехали

в Спас-Чекряк к деду. Но там тоже было беспокойно. Нашлись священники, которые из-за страха отреклись от Иисуса Христа и создали свою обновленческую церковь.

Как-то приехал в Спас-Чекряк один из главных иерархов «обновленцев», чтобы склонить деда к своей церкви. Дед принял его холодно, в церковь не пустил, а папа ему вообще не показался. Уехал тот иерарх от нас злой и недовольный. Для нас не было секретом, что за «обновленцами» стоит ГПУ, и нам стало ясно, что скоро последуют аресты. Ночью папа, мама, Леля и я спешно уехали в Болхов.

Вскоре до нас дошел слух, что в Спас-Чекряк нагрянули красноармейцы и арестовали деда. Больше месяца просидел он в орловской тюрьме. Следователи на допросах спрашивали, куда он спрятал какой-то мифический золотой крест, ходили в то время слухи, будто закопал он его в землю, и какие у него есть богатства. И хотя многих священников из нашего уезда выслали на Соловки, а некоторых даже расстреляли, дедушку все же отпустили. Спасло его то, что слишком известен он был в народе, и еще имел на своем попечении больницу и содержал приют для девочек-сироток. А это, надо отдать должное, властями одобрялось.

Освободившись из тюрьмы, по дороге домой дед заехал к нам и заночевал. Мы жили в Болхове напротив Георгиевской церкви. Помню, долго сидел он и рассказывал что-то матери и отцу, но из всего запомнила я только одно: как тюремные власти с

целью унижить его заставляли подметать двор, а заключенные за него заступались.

Потом я уже видела дедушку больным. В это время близилась вторая волна репрессий против священнослужителей. До нас дошли слухи об аресте некоторых священников. Вновь тучи сгущались и над Спас-Чекряком. А дедушка был уже настолько болен, что не вставал с постели. Что было у него на душе, когда он думал о судьбе своих родных и близких, одному Богу известно... Как-то раз бабушка Александра Моисеевна, стоя у его постели, спросила: «Отец, ты многим пророчил. Скажи и мне, что ждет меня? Какой конец будет?» – «Умрешь в бане», – коротко ответил дедушка. В какой бане – он ей не сказал, и мы подумали, что в той, что стояла в нашем саду. Нас это тогда не удивило и не обеспокоило.

Вскоре после смерти дедушки многие члены нашей семьи были арестованы, и долгое время мне о них ничего не было известно. И только в начале 1960-х годов меня разыскал муж моей тетки Елены – Николай Говоров, который рассказал, что высланы они были в Архангельск. Жили и работали там вначале все вместе. От него я узнала, что в живых уже никого нет. А бабушка наша, как дедушка предсказал, действительно, умерла в бане. Случилось это вскоре после высылки.

Конец свой дед предчувствовал задолго до смерти. Последние дни жизни он, почти неподвижный, прощался с родными и близкими. Приходившим к нему людям он тихо говорил: «Оставляю вас,

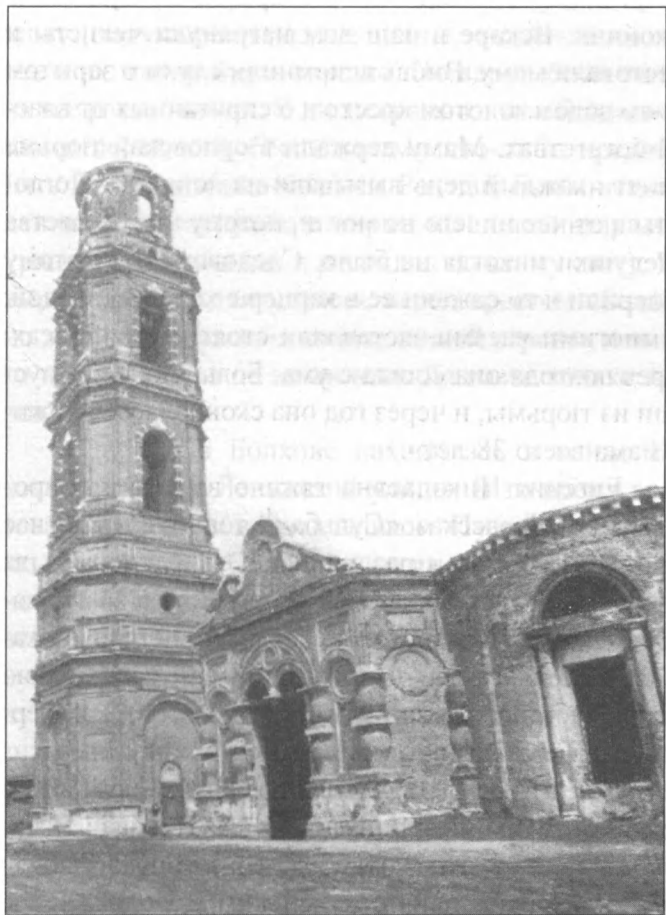
теперь надейтесь на Бога». Смерть у него была тихой и спокойной. Священник отец Иоанн дочитал канон на исход души, и дедушка тихо скончался. Последние слова его были: «Вода, кругом одна вода». Смысл этих слов мы поняли потом, а в тот момент посчитали, что он бредит.

Святостью жизни и своими полезными делами дед был известен многим, и народ со всех сторон спешил в Спас-Чекряк, несмотря даже на то, что время было тревожное и опасное. Тело дедушки было выставлено в Спасо-Преображенском храме и, как утверждали потом очевидцы, не издавало даже в малой степени тлетворного запаха. На похороны приехали более сорока епископов и священников. Это был необычный и трогательный день. Гроб с пением «Святой Боже...» под колокольный звон несколько раз обнесли вокруг церкви. Девочки-сиротки раскидали повсюду цветы. И всем нам казалось, что происходит не печальный обряд погребения, а какое-то неведомое и чудесное торжество. Священники трогательными словами почтили память усопшего. Перед погребением стал нам ясен и смысл предсмертных дедушкиных слов. Могилу вырыли с правой стороны от алтаря, но из-за близости подземных вод она вскоре наполнилась водой. За день до похорон воду вычерпали, а могилу обложили кирпичом и обмазали глиной. Но за ночь она вновь набралась водой. Хотели копать новую могилу, но потом почему-то передумали. Воду вновь вычерпали, и дедушку так в той могиле и похоронили. Хорошо помню, что

в тот момент, когда опускали гроб, было чудное явление. Шел теплый августовский дождь, и одновременно ярко светило солнце.

Когда стали класть деда в гроб, то державший его за ноги папа вдруг как-то неловко оступился, сделал шаг назад и сел в стоящий сзади него открытый гроб. Помню, как дико и страшно закричала мама. И все вокруг заговорили, что это плохой знак и папа умрет вслед за дедом. Все мы почувствовали, что над нами нависло что-то тревожное и роковое. Беда не заставила себя долго ждать. Вскоре папа простудился и смертельно заболел. Помню умирающего отца. Словно совсем недавно это было. Лежит он навзничь, тяжело дышит и из стороны в сторону мечется. Повернет голову налево, лицо у него потемнеет и перекосится от ужаса. А потом повернет направо, и оно радостно засветится. Мы стоим с Лелей и смотрим на папу, а мама нам говорит: «Это, детки, он справа ангелов видит, а слева лезут к нему бесы». Перед смертью сознание вернулось к отцу, и лицо у него просияло. Радостный, он подозвал маму и сказал: «Глафира, вижу Христа как в панораме». Мама поняла, что это – конец, и попросила, чтобы он меня с Лелей благословил. Брата он успел благословить, а меня нет. Только поднял руку вверх, и сразу стала она опускаться. Тут мама подхватила ее, и сама уже безжизненной рукой меня перекрестила.

Хоронили отца в солнечный и безветренный день, но, когда стали с ним прощаться, вдруг резко подул ветер, и, сорвав покрывало с гроба, сбросил

Разоренная в 1930-х гг. Георгиевская церковь
г. Болхова, настоятелем которой с 1920 по 1929 гг.
служил о. Николай Коссов

его в могилу. И опять все заговорили, что будет еще покойник. Вскоре в наш дом нагрянули чекисты и арестовали маму. Вновь вспомнили слухи о зарытом где-то дедом золотом кресте и о спрятанных от властей богатствах. Маму держали в орловской тюрьме и почти каждый день вызывали на допросы. Но добиться от нее ничего не могли, потому что богатства у бабушки никогда не было. Следователи же этому не верили и то сажали ее в карцер с холодной водой, то многими часами заставляли стоять на допросах. Через полгода она сошла с ума. Больную, ее выпустили из тюрьмы, и через год она скончалась. Прожила мама всего 38 лет».

Евгения Николаевна тяжело вздыхает и продолжает свой рассказ: «Судьба не только сделала нас сиротами, но еще и разлучила. Я вынуждена была завербоваться чернорабочей на стройку в Магнитогорск, а брат Леля после некоторых мытарств оказался в Москве. Там и прожил он почти всю свою жизнь. Работал художником-оформителем. Я же вернулась в Болхов и поступила в педтехникум.

В 1941 году грянула война. Я уже была замужем. Мой муж – старший лейтенант Николай Потопов погиб в боях при освобождении города Рыбницы, и я осталась одна с маленьким Володей. Более сорока лет проработала я учителем. В 1966 мне было присвоено звание «Заслуженный учитель школы РСФСР».

Вот так и прошла вся моя жизнь. И теперь, оглядываясь на прожитое, на жизнь и судьбу своих

близких, я часто размышляю и делаю выводы. Люди живут, задумывают разные планы, и кажется им, что все в их жизни будет хорошо. Но вдруг какая-то сила все расстраивает. И люди оказываются беспомощными перед ней, бессильными что-либо предпринять. Так произошло и с нами. Род наш был многочисленным, жили дружно и мирно, но словно незримый ураган подхватил нас и раскидал по всему свету. Четирем моим дядям удалось перед арестом сбежать, но жили они в разных концах нашей страны, и никого из них я больше не видела. Да разве только наш род?

Тюрьма в Болхове находилась в конце Никольской, ныне Ленинской улицы. В то время арестованных водили в Орел пешком. Путь их лежал мимо нашего дома. Однажды, когда папа был еще жив, но уже не вставал с постели, мимо нашего дома провели большую партию священников. Мама распахнула окно, и мы совместными усилиями подвели папу к нему. Это были священники нашего уезда, все знакомые папе. Они поворачивали головы и смотрели на наше окно. Папе оставалось жить дни, а их судьба была, по крайней мере для них, еще не определенной. И, Бог весть, кто кому из них завидовал... В этой партии был и родной брат дедушки Егора — отец Константин».

Вот уж и длинный летний день подходит к концу. Настало время мне уходить. Я тепло простился с гостеприимными хозяевами и вышел на улицу. Был уже вечер. Остывшее за день солнце спешило спря-

таться за горизонт. Над городом стояла необычная чарующая вечерняя тишина. Я неторопливо пошел на автостанцию, думая о разных превратностях человеческой жизни. Шел и ясно чувствовал вокруг себя древний патриархальный дух, которым проникнуты были улицы этого небольшого старинного города. А в бескрайнем и бездонном небе уже появлялись и блестели звезды.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Об Анне Николаевне Рязанцевой, духовной дочери отца Георгия Коссова, я узнал случайно. Как-то в один из дней, когда я просматривал в областной библиотеке подшивки старых «Епархиальных ведомостей», ко мне подошла Римма Афанасьевна Полунина и спросила: «Вы интересуетесь священником Коссовым?» — «А вы что, знаете что-либо о нем?» — в свою очередь спросил я и почувствовал, что какие-то новые и важные сведения о батюшке Георгии я от нее получу. «Да нет. Просто слышала о нем от своей знакомой. Она к его духовной дочери Анне Николаевне Рязанцевой часто в гости ходит. А недавно книгу дала мне почитать. Может, слышали о ней? Называется она «Светлый и отрадный уголок в душе России». — «Еще бы не слышал», — подумал я и про себя отметил, что мне крупно повезло.

Листать подшивки «Епархиальных ведомостей» после этого мне показалось делом утомительным и скучным, и я стал собираться домой». — «А

сколько же ей лет?» — поинтересовался я перед уходом. — «Девяносто пять было или скоро будет», — ответила она.

Адрес Рязанцевой Римма Афанасьевна не знала. Она назвала только улицу и примерно место, где находился ее дом. Дальнейшее установить было трудно. И вот в один из дней я отправился к ней. Жила Анна Николаевна на 2-й Курской совсем недалеко от моего дома. По Речному переулку я вышел к мебельной фабрике, затем повернул вправо и, пройдя несколько домов, свернул в один из дворов. И там, в самом конце его, увидел сиротливо отстоящий ото всех ветхий дом.

Я постучал в дверь сначала несильно, потом сильней. За дверью раздались неловкие шаги, и, звякнув запором, на порог вышла благообразная старушка.

«Вы Анна Николаевна Рязанцева? — спросил я и, получив утвердительный ответ, продолжал: — Мне бы хотелось с вами о батюшке Георгии Коссове поговорить. Вы, говорят, его хорошо знали».

Несколько секунд она молча смотрела на меня, явно раздумывая, впустить или нет, а затем тихо сказала: «Ну, входите». Мы прошли коридор и вошли в кухню, пахнущую сухими вениками и дымом. Я хотел было расположиться у стоящего около окна стола, но Анна Николаевна повела меня в зал. Там было просторно и прохладно. В углу висело много икон и чуть горела лампадка. Мы сели у окна почти под образами, и тут уж я получше ее рассмотрел. Была

она небольшого роста, сухая и узкая в плечах. Глубокие рубцы морщин на ее прозрачно-восковом лице говорили не только о старости, но и о тяжелой жизни и усталости. Но вместе с тем в ее облике, движениях и разговоре присутствовала какая-то легкость и благородство. Я попросил ее рассказать о детстве, о том, как судьба привела к батюшке Георгию в Спас-Чекряк. И она начала свой рассказ.

«Родилась я в 1901 году в Болхове. Родители были мои сапожниками. Когда мне исполнилось 6 лет, умерла моя мать, а года через полтора или два скончался и отец, и стала я круглой сиротой. Кормить меня стало некому, и моя дальняя тетка Евдокия отвезла меня в Спас-Чекряковский приют. Так вот и попала я к отцу Георгию. В народе называли его батюшка Егор, а в приюте все без исключения — папаша.

Одели меня в синюю кофточку и синий сарафан, дали простую обувь и определили учиться в первый класс. Было это в 1909 году. Первое время пришлось мне нелегко из-за своей стеснительности и боязливости. Боялась не только что-либо попросить, но даже спросить. Держалась от всех обособленно, а потом прижилась и привыкла. Жили и учились в приюте девочки из очень бедных семей или такие же, как я, сироты. Зимой нас учили Закону Божьему, русской и славянской грамоте, арифметике и другим предметам, но все вкратце, как в церковно-приходских школах. В свободное же от занятий время нас обучали разным навыкам и мастерствам. Учи-

ли, как шить белье, вязать спицами, осваивали мы также ткацкое и башмачное ремесло. Но и это не все. Кроме этого, приучали нас к повседневному домашнему труду. Мы мыли полы и убирали в приюте, стирали и штопали свое белье, оказывали помощь больным. Старшим воспитанницам поручалось по очереди ухаживать за самыми маленькими. Они умывали и одевали их, кормили из ложечки, выводили на прогулку. Летом вместо занятий в классах все воспитанницы работали на поле, в саду или на пасеке. Каждая из нас умела сажать и возделывать овощные грядки, ухаживать за плодовыми деревьями, подкармливать пчел и качать мед. Все это потом пригодилось в жизни.

Но не только учились и трудились мы в приюте, но много времени и отдыхали. Летом часто купались в пруду. Его мы вместе с батюшкой Егором выкопали сами. Старшие копали, а младшие на легких и удобных носилках относили землю; за прудом, в березовой роще, у нас устроены были разные качели. Но особенно весело бывало у нас на праздники. В те дни мы наряжались в парадную одежду и ставили концерты, посмотреть которые приходили многие жители близлежащих деревень. «А каким был приют? – спрашиваю я Анну Николаевну. – Почему во всех источниках называли его трехэтажным, а на фотографии мы видим здание в два этажа?» – «Приют находился в двухэтажном здании, но так как там было еще полуподвальное помещение, то все считали его трехэтажным», – говорит она. Внизу у нас на-

ходилаась столовая, кухня, умывальник и вся отопительная система. На среднем этаже были у нас классные комнаты и большой зал. В зале висели киоты с иконами и портреты государя Николая II, государыни Александры Федоровны и их наследника Алексея. Там проводились торжественные мероприятия, ставились концерты, а на Рождество устраивали и украшали елку. На верхнем этаже, по обе стороны коридора, располагались спальные комнаты, очень светлые и с высокими потолками.

Приют был всегда открыт и доступен всем. У нас ничего не скрывалось. К нам ежедневно приходило много крестьян и приезжих богомольцев. Они толпами ходили по коридорам, открывали стеклянные двери и, заглядывая в классные и спальные комнаты, поражались и умилялись. «Надо же, какой тут рай батюшка Егор устроил, — говорили они, — Нигде такого нет».

«Ну, а наказывали ли вас? И заставляли ли молиться, посты соблюдать?» — интересуюсь я. — «А за чем заставлять и наказывать? — изумляется она. — Батюшка Егор наоборот запрещал служащим нас наказывать. Но мы и сами, чтобы не огорчать его, старались вести себя достойно. И еще. Мы ведь ежедневно видели страждущий народ, пришедший к батюшке Егору со своими бедами. Видели его беззаветный труд. Целые дни проводил батюшка Егор в храме. Закончит обедню, служит молебен, а потом до 7–8 часов вечера принимает людей. И не уйдет домой до тех пор, пока не примет последнего. Это

действовало на нас, и мы старались его не подводить. Все мы без исключения читали утреннее и вечернее правила. Молились перед учением и после.

А кроме того, молились за Государя, за Государыню, за Царевича, за Священный Синод, за Преосвященного и за батюшку Егора. Посты соблюдали также все, а к Покаянию и Причащению относились особенно благоговейно. Да и как же могло быть иначе, когда сам батюшка Егор своим благочестием и трудом являлся для нас образцом исполнения христианского долга. Таких он и помощников себе подбирал».

Анна Николаевна встала и достала из комода старинную с вензелями фотографию, на которой были изображены три женщины. И стала рассказывать о каждой по очередности. Это матушка Александра, жена нашего батюшки Егора. Она заведовала распорядительной и хозяйственной частью и являлась попечительницей нашего приюта. Родилась она в Елецком уезде, в семье бедного священника. Вспоминая свое детство, она рассказывала нам, как ходили они с матерью пешком в Задонск, чтобы поклониться святым мощам святителя Тихона Задонского. Оставшись без средств после смерти своего отца, матушка Александра вынуждена была оставить Орловское епархиальное училище и поступить учительницей в дальнее село. Это послужило тому, что она не только узнала быт крестьян, но и на себе испытала их нужду. Женщиной она была доброй, умной и являлась хорошей помощницей своему мужу. Вскоре

после смерти батюшки Егора ее арестовали и выслали в Архангельск. Там она и скончалась.

Рядом с матушкой ее дочь Елена Георгиевна. В то время, когда фотографировались они, была она еще незамужняя. В дальнейшем Елена вышла замуж за псаломщика Николая Говорова, родила двух детей, а потом вместе с семьей была также выслана в Архангельск. Как сложилась дальнейшая ее судьба, мне не известно.

А вот следующая, в белом платочке — это бывшая наша учительница Евдокия Павловна Ремезова — оживилась Анна Николаевна. Была она добрая, кроткая и работающая. Все свои силы Евдокия Павловна направляла на то, чтобы как можно больше принести пользы приюту. Она никогда не кричала на нас. На ее уроках мы чувствовали себя свободно, но слушались и подчинялись ей беспрекословно.

Как-то в приюте вспыхнула эпидемия кори. Занятия в классах прекратились, тут можно бы ей отдохнуть, но она, не желая оставаться без дела, взяла с собой нескольких старших девочек и поехала в Болховский женский монастырь, чтобы получше изучить ткацкое ремесло. Игуменья монастыря не только разрешила им пожить и поучиться в монастыре, но и помогла потом установить в приюте купленные батюшкой Егором новые ткацкие станки. Зимой Евдокия Павловна вела почти по всем предметам уроки, а летом вместе со старшими воспитанницами выезжала на хутор и там исполняла все огородные и полевые работы. Родом она была из Калуги и после

того, как приют закрыли, уехала к себе. Но самой яркой личностью, разумеется, после батюшки Егора, была заведующая приютом княжна Ольга Евгеньевна Оболенская. Приехав случайно в Спас-Чекряк, она полюбила заведенные у батюшки Егора порядки так, что решила остаться у него навсегда и посвятить свою жизнь воспитанию сирот. Все свои средства она пожертвовала приюту. Ольга Евгеньевна преподавала музыку и учила нас, как правильно надо читать молитвы. А летом гуляла с нами в березовой роще или работала в саду. Она каждой воспитаннице старалась заменить мать. Мы все ее очень любили и за чуткость и доброту к нам называли – мамашей. Если кто-нибудь крикнет: «Мамаша!» – она тут же бросала все свои дела и спешила на зов.

В 1918 году чекисты хотели ее арестовать как заложницу, и ей пришлось уехать из Спас-Чекряка.

Да и остальных служащих приюта нельзя не помянуть добрым словом. Ведь работали они не за деньги, а во славу Божию, получая только пищу и одежду. Все они были бессребрениками и ставили перед собой одну цель – воспитывать сироток и служить Богу. Батюшка Егор сам был истинный бессребреник. Несмотря на то, что церковь, приют и все его хозяйство возникли благодаря доброхотным пожертвованиям, у него было заведено, чтобы не выставлять кружек для сбора денег и не ходить по церкви с тарелкой для пожертвований. Батюшка Егор старался даже не напоминать об этом, а каждому прихожанину предоставлял возможность действо-

вать по расположению своей души. Некоторые доброты это даже ставили ему в вину. «Мол, на сирот пожертвует каждый». Но батюшка Егор говорил: «А зачем принуждать людей? У меня вся надежда на Бога. Я Его прошу, и Он через людей мне подает. Кому сколько внушит, тот столько и пожертвует. Предположим – один, два, десять ничего не дадут, но Господь по Своей милости пошлет одиннадцатого человека и расположит его сердце так, что он и за себя и за десятерых подаст. Об одном прошу Его только, чтобы не отступился от меня, грешного».

Анна Николаевна зевает, прикрывая белым платочком свой небольшой рот, а я, пользуясь паузой, задаю ей новый вопрос: «А до каких лет содержались воспитанницы в приюте? И что ожидало их, когда становились они взрослыми?» – «А это уж кому как Бог положит, – отвечала она. – Батюшка Егор всем предоставлял волю». Каждая воспитанница по своему желанию могла уехать в Болхов или Орел. Пойти учиться или поступить на производство, определиться в монастырь или выйти замуж. Батюшка давал напутствие, благословлял, а многим и пророчил. Но по желанию каждая могла и после совершеннолетия в приюте остаться. Многие так и поступали. А если кто из старших девушек выходил замуж, тогда у нас было настоящее торжество. Матушка Александра готовила ей приданое, одевала, давала денег и отправляла из приюта, как родную дочь. На большие праздники они с мужьями приезжали в приют, и матушка встречала их, как своих родных. Но и те,

кто уезжал от нас учиться или работать в города, в большинстве своем связь с нами не теряли. Они часто приезжали в Спас-Чекряк. Приют для всех был родным домом. И каждая твердо знала, что там она всегда получит совет, помощь и поддержку».

Тут вдруг кто-то постучал в дверь. Анна Николаевна пошла открывать, и следом за ней в комнату вошла почти таких же лет сухонькая старушка. Это была Мария Иосифовна Абакумова. Жила она, как выяснилось, под одной крышей с Анной Николаев-ной уже много лет. Я ей рассказал, по какому пово-ду пришел, и она тут же включилась в наш разговор. «Когда вернулся батюшка Егор после разговора со старцем Амвросием из Оптинского монастыря, то взялся за дело. Начал с того, что устроил в селе Спас-Чекряке небольшой кирпичный завод, а затем, когда поток денежных средств возрос, купил лесной учас-ток. И вскоре в приходе у него такие перемены про-изошли, что, глядя на все это, невольно уверуешь в Божию силу, для которой все возможно. Прошло время, и выстроил батюшка Егор, как ему Оптин-ский старец Амвросий наказал, большой каменный трехпрестольный храм. А старую полуразвалившуюся деревянную церковь под руководством батюшки Егора тщательно разобрали и на том же месте поста-вили вновь. С Божьей помощью построил он также приют на 150 мест и второклассную школу, а к ней общежитие и две мастерские – слесарную и столяр-ную. Второклассная школа – это не двухгодичная, как могут подумать теперь. Вы-то, молодые, не зна-

ете. В то время существовало три вида школ. Церковно-приходские с одногодичным и трехгодичным сроком обучения, земские или народные школы грамоты с двухгодичным и второклассные школы, в которых учились пять лет. Принимали туда уже грамотных и готовили в них сельских учителей. А кроме того, открыл батюшка Егор в Спас-Чекряке гостиницу и больницу, а в близлежащих деревнях построил пять церковно-приходских школ. Улучшил он и жизнь своих прихожан. Крестьяне по его совету взяли кредит у Крестьянского банка и купили тысячу десятин земли, и вскоре из бедных превратились в достаточно обеспеченных. Ко всему батюшка Егор свою руку приложил. Вместе с воспитанницами приюта и учениками второклассной школы выкопал пруд, святой колодец, развел сады и огороды, устроил образцовое пчеловодство. На проводившихся в Болхове каждую осень сельскохозяйственных выставках мы постоянно занимали призовые места».

«А какой был батюшка Егор? – интересуюсь я у Анны Николаевны. – Чем привлекал людей? Почему они толпами шли к нему в Спас-Чекряк? Ведь просто за хорошие утешительные слова люди за много верст не пойдут. Тем более у многих из них и в своих приходах были хорошие священники». – «Какой был? – переспрашивает она и задумчиво смотрит в окно. – Ростом высокий, а телосложением крепкий. На вид грозный, но на самом деле кроткий и добрый. Взгляд у батюшки Егора был легкий, а лицо светлое, словно освещенное изнутри. Божия благодать исхо-

дила от него так сильно, что, находясь рядом с ним, чувствовали присутствие Бога. И от этого в душе появлялась невыразимая радость и легкость. Люди, может быть, по каким-то таинственным и незримым каналам чувствовали это за много верст и шли к нему с полной уверенностью, что он поможет. Батюшка Егор принимал всех, помогал даже в самых незначительных и мелких делах, а о себе никогда не думал. От этого, может быть, и такую славу имел. Он никогда не гнушался садиться за стол и есть с грешниками. В устроенной им гостинице всегда было много приезжих богомольцев и нищих. Часто вечерами, когда батюшка Егор был свободен от своих дел, он приходил туда, садился с ними за стол и в непринужденной обстановке вел беседу. Нам казалось странным, как при своей постоянной занятости у батюшки Егора на все хватало времени. Мы спрашивали его, а он нам отвечал: «Молитва чудеса творит. Она и день растянет. Двадцать четыре часа в сутках – это общее время для всех, но у каждого течет оно по-разному. У кого медленно идет, и он все успевает, а у кого так летит, что дня не замечает. Молитесь и возьмите себе за правило, чтобы молитва была выше и главней всех ваших дел. Тогда и будете все успевать». А в другой раз по этому же поводу батюшка говорил следующее: «Молитва помогает нам стяжать Святой Дух, а когда мы этого достигаем, тогда он уже нам во всем помогает». Мы видели, что это не просто слова, а так оно и было. Батюшка Егор брался за все и везде успевал. Раньше обувь в приюте для

своих нужд мы шили самую простую, но батюшке Егору этого показалось недостаточным, и он закупил специальные станки и направил несколько воспитанниц в Орел. Девочки выучились, а потом обучили и других. И вскоре мы стали шить у себя в приюте разную обувь: мужскую, женскую и детскую. Батюшкиными молитвами хорошо было налажено у нас и ткацкое производство. Мы сами сеяли и убирали лен, пряли, красили нитки и ткали материю. Из нее делали одежду, одеяла и коврики на пол. Капиталов приют не имел. Жили мы своим трудом, но с батюшкиными советами и молитвами.

Истинным и великим подвижником был батюшка Егор. Мы часто сравнивали его со святыми преподобными отцами и всем говорили: «Преподобный отец Серафим Саровский из такой же сиротской общины, как наша, создал Дивеевский женский монастырь. Старец Амвросий Оптинский основал женский монастырь в Шамордино, где прежде тоже был сиротский приют. А наш батюшка Егор непременно создаст женскую обитель в Спас-Чекряке». И если бы не произошел переворот в 1917 году, так бы оно и случилось. Все к этому шло. У нас в приюте уже свои монахини были. Мы своего батюшку Егора еще при жизни святым считали, и не без основания. Ведь сам старец Амвросий Оптинский видел в нем Божий Дар, и все Оптинские старцы признавали его, как наделенного большой силой Божьего угодника. Об этом даже Нилус писал. Проповедей в церкви батюшка Егор не любил говорить, но поучал

нас часто. Его духовные советы и наставления были всегда простыми и короткими и всегда западали в душу. «Не живите умом, — поучал он, — а живите сердцем. Ум наш лукавый, куда угодно нас заведет. Не ищите выгоду в жизни и не мечтайте о легкой и красивой жизни, — это все уловки лукавого врага. Всегда помните, что все наслаждения и удовольствия, которыми враг прельщает нас, быстротечны, они губят лучшее в человеке — его душу. Не отвергайте жизнь вечную ради сиюминутного благополучия и благоденствия.

Не стремитесь к славе и почестям, все это проходит, как дым. А стремитесь своими молитвами и делами расположить к себе Бога. Всегда помните о Нем и считайтесь с Богом во всех своих делах, намерениях и поступках».

«Христианство — это не учение, а сама жизнь, — говорил батюшка Егор. — Если мы даже верим и признаем Бога, но не чувствуем Его своей душою, как живого и реального, то находимся еще далеко от Него. Если мы знаем Святое Писание и заповеди, но не живем по ним и не сверяем с ними свою жизнь, то что нам в этом проку. И бесы знают заповеди и Святое Писание, да еще лучше нас».

Будучи истинным бессребреником, батюшка Егор не любил говорить о деньгах. Нас он предостерегал: «Деньги опутывают и порабащают людей, делают из них своих жалких и послушных рабов. Они соблазняют и требуют жертвы, но благополучия в жизни не дают. А зла от них много. Не порабащайте

им свою душу. Бог каждому дает, сколько нужно. А если их не хватает, обратите внимание на себя и свою жизнь. Правильно ли вы живете? Цена денег, помимо их номинальной величины, зависит также и от правильной жизни и благополучия души. Знайте, что копейка может быть как рубль, а рубль как копейка», – учил нас батюшка Егор. Сам же он пользовался деньгами разумно.

«Не бойтесь страданий и скорбей, – предупреждал он нас. – Нам, христианам последних времен, духовных сил с каждым годом будет отпускаться все меньше и меньше, и все невзгоды, что выпадут на нашу долю, будут нам ко спасению. Не ищите совершенства ни в людях, ни в их учреждениях. Совершенен только один Бог. А поэтому прощайте им все обиды и грехи. Ведь в Святом Писании сказано: «Если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный; а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших». Не смотрите на чужие недостатки и грехи. За чужие грехи вас судить не будут, а за свои ответите.

Если вы видите, что духовный багаж ваш пустой и за вами нет ни добрых дел, ни раскаянных слез, ни усердия в молитве, не отчаивайтесь, а спасайтесь милостыней. Жертвуйте на храмы и на монастыри, помогайте своим ближним. Сам Господь Бог сказал: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». А еще батюшка Егор говорил, что нет высшей заслуги перед Богом, как помощь ближним. «Живи-

те со всеми дружно, — советовал он, — и мир держите между собой, насколько это возможно».

О том, что произошел октябрьский переворот, мы узнали на следующий день. Тревоги особой не было у нас. Просто думали и гадали, что нас ждет. В тот день в Спас-Чекряк прибыл наш Преосвященный Владыка Орловский и Севский архиепископ Серафим. Он пробыл у батюшки Егора целый день, а к вечеру уехал в Болхов. О чем шел у них разговор и пророчил ли что батюшка ему, я не знаю, но уезжал он от нас грустный. Впоследствии горькую чашу ему пришлось испытать до дна. Множество бед, гонений и унижительных оскорблений перенес он за Христа. В начале 1920-х годов Владыку осудили на 7 лет лагерей, потом второй раз на десять, а в 1937 году приговорили к расстрелу. Позднее я не раз думала, что, может быть, уезжая от нас в тот день, Преосвященный уже знал свою судьбу. А еще через несколько дней приехал к батюшке Егору его родной брат о. Константин. Он жил и служил в Болхове. Жена его Ольга Васильевна была дочерью знаменитого настоятеля Спасо-Преображенского собора в Болхове о. Василия Попова, прослужившего более пятидесяти лет в том соборе священником, но в то время, к счастью, уже умершего. Семья у отца Константина была такой же, как и у батюшки Егора, большой. На иждивении находилось четверо детей. Высокий ростом, с веселыми глазами и небольшой бородкой на бледно-розовом лице, он всегда производил на нас благоговейное впечатление. Обычно веселый и ра-

достный, в этот раз он приехал озабоченный и хмурый. На вопрос, что в Болхове, он только махнул рукой и устало проговорил: «Соблазнили народ легкой жизнью, теперь добра не жди». Знал ли он, предвидел ли свою судьбу, но она была к нему немилосердна. Позднее отца Константина арестовали и отправили на этап, но по дороге к месту заключения ему как-то удалось бежать. Ночью он вернулся в Болхов и спрятался у знакомых на чердаке. Одна женщина узнала об этом, пошла и выдала его властям. Отца Константина вновь арестовали, и назад он больше уже не вернулся.

Мы спрашивали у батюшки: «Что нас ждет?» На все наши тревожные вопросы он неизменно отвечал: «Печалиться и унывать не надо. Что Бог даст, то и будет. Все делается по Его Святой Воле».

А вести отовсюду с каждым днем приходили все страшней и тревожней. Новая жизнь, явно безбожная, начиналась с того, что Церковь отделили от государства, и было ясно, что делалось это для того, чтобы потом со всей яростью подвергнуть ее нападкам. Власти умышленно стали разжигать всеми средствами ненависть к духовенству. Говорили, что они обманывали народ, наживая себе на этом несметные богатства. По всему уезду прошел слух, что будто бы чекисты нашли в подвале Троицкого мужского монастыря 17 пудов золота, спрятанного монахами от народа. А вслед за этим все духовные лица и их родные стали подвергаться преследованиям и репрессиям.

Тучи сгущались и над Спас-Чекряком. В приюте, с каждым днем все острее, стала ощущаться нехватка хлеба и дров, и постепенно расстраивались установленные батюшкой Егором правила и порядки.

Но это было только начало. Вскоре в Спас-Чекряк зачастили разные уполномоченные лица и всякие комиссии. Они устраивали обыски, описывали казенные и личные вещи, ставили на какой-то особый учет людей. Покоя нам уже не было.

Осенью 1918 года батюшку Егора вызвали в Болхов и арестовали, но, продержав несколько дней в местной тюрьме, отпустили. Он явно не вписывался в тот образ врага, какой новые властители давали священникам. Все люди, не только в уезде, но и далеко за его пределами знали, что батюшка Егор был человек бескорыстный и добрый. Всем помогал и не требовал за это никакой платы, да еще содержал на своем попечении пять школ, приют и больницу.

Власти хоть и выпустили батюшку Егора, но в покое его все равно не оставили. Они решили бороться с ним другим способом. Вскоре все батюшкино хозяйство преобразовали в сельскохозяйственную артель. Управлять артелью назначили других людей, а батюшка Егор остался не у дел.

Вскоре из Орла пришло распоряжение, чтобы новых сироток в приют не принимать, а тем, кому исполнилось 18 лет, приказывалось искать себе другое пристанище.

Старшие воспитанницы стали уезжать кто в Болхов, кто в Орел, а кто в Белев. Но уехали не все.

Полина Сазонова, Аня Фокина, Надя Дивногорская и другие не захотели уезжать из Спас-Чекряка. Они, покинув приют, перешли жить на частные квартиры.

В 1919 году мне исполнилось 18 лет, и я уехала в Болхов. Устроилась на работу в кожевную артель, но связь с батюшкой Егором не теряла. Часто приезжала к нему за благословением и советом или просто погостить. По всему уезду шли аресты и расстрелы. Ослепленная безбожной властью молодежь камнями била стекла в церквях, рубила и жгла иконы. Большой грех лежит на людях и по сей день.

В начале 1920-х годов в Спас-Чекряк прибыла специальная комиссия по изъятию церковных ценностей и потребовала сдать все изделия из золота и серебра. А так как ценностей у батюшки Егора не было, то его обвинили в укрывательстве и, вновь арестовав, отправили в орловскую тюрьму.

Начались каждодневные и бесконечные допросы. Больше месяца держали его в тюрьме, требуя, чтобы он выдал якобы спрятанные сокровища. Но, видно, Господь Бог сильно берег своего подвижника. Власти не смогли предъявить батюшке Егору ни доказательств, ни улики и снова были вынуждены его отпустить. Позднее прошел слух, что своей прозорливостью и убедительными ответами батюшка Егор удивил даже затвердевших душой надзирателей и следователей. Некоторые ему сочувствовали и помогали, как могли.

После второго ареста он немного осунулся, постарел, но по-прежнему был бодр и весел. Как и

прежде, заботился больше не о себе, а о людях. Одних лечил, другим советовал, третьих, несмотря на свое тяжелое материальное положение, кормил и помогал, чем мог. Бывали случаи, когда к нему приходили люди со злыми умыслами, но после встречи с ним раскаивались в своих помыслах и намерениях и обращались к Богу.

«Главной причиной людских бед, – говорил батюшка Егор, – является наша грешная жизнь и отступление от Бога. Но это пройдет. Скорбями и страданиями Россия очистится от грехов и обратится к Богу. Царица Небесная не оставит наш народ и будет просить за нас Сына Своего, нашего Спасителя Иисуса Христа. И Господь Бог простит нам грехи наши и даст людям спокойствие и благоденствие. Когда это случится, вновь явится икона Казанской Божией Матери и будет прославлена в третий раз».

Может, эти слова дошли до новой власти, а может, боялись они авторитета батюшки Егора в народе, но не было ему от них ни дня покоя до самой смерти. В то время произошел церковный раскол, и часть священников, отступившись от Иисуса Христа, создали свою «обновленную» церковь. Эти священники поддерживали закрытие монастырей, ликвидацию святых мощей и в открытую говорили, что они с новой властью идут к одной цели – к устроению Царствия Божьего на земле. Сами себя они гордо считали образованным и прогрессивным духовенством, но в народе получили презрительное название «живцы». В Болховском уезде руководил ими

священник Покровский. О его несчастной и печальной жизни и участии особый разговор. Власти умело использовали новое духовенство в борьбе с Православной Церковью. Не обошли они стороной и Спас-Чекряк. По их заданию обновленцы часто приезжали к батюшке Егору. Вначале льстили и заигрывали с ним, но после окончательной неудачной попытки склонить его в свою церковь повели с ним открытую борьбу. Они стали писать доносы в ГПУ, что батюшка Егор настраивает народ против Советской власти, что принимает у себя бывших помещиков и дворян и ведет с ними контрреволюционные разговоры. Но батюшка Егор на это внимание не обращал. Каждый день служил он Пресвятой Богородице молебен. Она в те дни была его особой заступницей. А еще батюшка чтит и хранил благоговейную память о своем духовном наставнике старце Амвросии Оптинском и в трудные минуты обращался к нему за помощью.

От тяжелых жизненных невзгод и постоянных пастырских трудов батюшка Егор заболел. Вначале мучил желудок, а потом стала не давать покоя и печень. Болезнь прихватывала так, что иногда не было сил даже встать с кровати. Но и в такие дни не отказывал он приходящим к нему за помощью людям и принимал их, лежа в постели. Родные и близкие старались ему помочь, но состояние батюшки Егора ухудшалось с каждым днем. Смерть свою батюшка предчувствовал заранее и еще за месяц всем приходящим к нему говорил: «Все. Оставляю вас. Надейтесь теперь на Бога. А ко мне с вашими бедами при-

ходите на могилку, как к живому». Умер он 26 августа, по старому стилю, на 74-м году. Смерть его поразила всех в округе. Толпы народа шли в Спас-Чекряк со всех сторон. Все горько плакали и чувствовали себя осиротевшими. Хоронили батюшку 29 августа 1928 года, в день Усекновения главы Иоанна Крестителя. Похороны, несмотря на большое количество епископов и священников, а приехало их более 40, были по-христиански простые, но в этой простоте чувствовалось что-то необычное и торжественное. Погребен батюшка Егор был с правой стороны у алтаря построенной им каменной церкви. Мы, все его духовные дочери, знали, что батюшка расстался с нами только телесно, но духовно продолжал жить среди нас. И не только жить, но и молиться за нас, влиять на наши дела и нам всячески помогать. Позднее в этом нас не раз убеждали многочисленные чудотворные случаи». Несколько таких случаев Анна Николаевна мне рассказала.

Я вижу, что Анна Николаевна устала и мне пора уходить, и напоследок прошу разрешить мне переснять ту старинную фотографию, что она показывала мне. Анна Николаевна не возражала, а на вопрос, когда можно прийти, говорит, что в любой день.

Летний день длинный, и я вечером, часам к пяти, вновь пришел к ней, полагая, что на этот раз не задержусь у нее надолго. Но едва успел переснять фотографию, как пришла ее знакомая Антонина Николаевна Новикова, работающая в Михайло-Архангельской церкви, и разговоры вновь увлекли нас. И

вдруг я подумал: «Что же я не сфотографировал Анну Николаевну. Ведь ни одной фотографии ее нет. А ведь она, как живая нить, связывающая нас с отцом Егором». Но Анна Николаевна стала отказываться. «Батюшка Егор не любил фотографироваться, и я не буду». И мы стали ее уговаривать. «Батюшка, может, и не любил фотографироваться, но фотографии его все же есть, — убеждали мы ее. — А если бы он не сфотографировался, то мы бы сейчас и не знали, какой он был. А то вот, пожалуйста, можем на него теперь посмотреть». Это убедило ее, и она согласилась. Я сфотографировал ее несколько раз. Вначале одну, затем троих, а потом мы еще долго на улице говорили о делах насущных. Теплый летний вечер тянулся на удивление долго, и чарующая вечерняя тишина размягчала наши души, сближала нас и располагала к откровенному, доверительному разговору. И мы обменивались своими сомнениями, предчувствиями и надеждами.

Наконец я попрощался и ушел, несколько не сомневаясь, что сюда еще не раз приду. Мне казалось, что для этого у меня будет много времени, чуть ли не вечность. И я, каюсь, не особенно и спешил. Несколько раз я собирался, но все откладывал. А когда наконец пришел, оказалось, что ее уже нет в живых.

Мария Иосифовна рассказала мне, что похоронили Анну Николаевну на Платоновском кладбище, недалеко от храма Иоанна Богослова, а те немногие вещи, что остались у нее, в том числе фотографии и

редкую книгу о приюте в Спас-Чекряке, передала она в женский монастырь.

Вскоре мне пришлось быть в Спас-Чекряке. Уезжая, набрал я с батюшкиной могилки земли, а из святого колодца воды и, возвратившись в Орел, передал Марии Иосифовне, чтобы отнесла она это все к Анне Николаевне на могилку. А когда передавал, подумал, что с батюшкой Егором она уже давно встретилась.

Помяни их, Господи!

ЗНАМЕНИЕ

С тояли удивительные дни, тихие и нежаркие, с голубым и ясным небом, хотя сентябрь уже отсчитывал свои последние деньки. Я несколько раз собирался поехать в Спас-Чекряк, но разные дела задерживали отъезд. А дни летели удивительно быстро, и я с сокрушением думал, что скоро пойдут дожди, начнется грязь и слякоть, и тогда прощай, поездка, до следующего года. Но вот наступил момент, когда я понял, что откладывать больше нельзя и, бросив все свои дела, отправился в поездку.

Ехать до Спас-Чекряка пришлось двумя автобусами. Вначале рейсовым из Орла до Болхова, а потом местным Болхов – Близна до деревни Герасимова. У первого добротного дома, выложенного из белого кирпича, автобус остановился, и шофер, повернувшись ко мне, сказал: «Во-он Чекряк. С километр, не более», – и указал рукой в сторону. Автобус дернулся и помчался дальше, а я перешел шоссе и, пройдя несколько шагов по пыльной, проселочной

дороге, остановился и осмотрелся. Позади меня начиналась деревня Герасимова, а впереди лежал бескрайний русский простор с торчавшими кое-где кудрявыми, но уже сильно пожелтевшими перелесками.

«Живет ли кто там, в этом Спас-Чекряке?» — подумал я. Мне было известно, что автобус, который меня сюда привез, дойдет до Близны и вернется в Болхов. А следующий будет только завтра. И хочешь не хочешь, а придется ночевать в Спас-Чекряке. Змейкой промелькнула беспокойная мысль: «Может, вернуться назад, пока еще недалеко отошел» — и внесла в душу сумятицу и тревогу. Но я ее решительно отогнал: «Не куда-нибудь, а к святому угоднику еду. Если что, он поможет». И, взвалив на плечо свою походную сумку с фотоаппаратом и одеждой, я пошел в Спас-Чекряк.

Идти было легко и хорошо. Свежий воздух, наполненный нежным ароматом доцветающих полевых цветов, после городского смрада пьянил и напоминал мне о чем-то далеком.

Я знал, что по поводу названия села существует предание, которое утверждает, что название село получило от татарского слова «чекряк», что в переводе означает «непроходимое урочище».

А еще говорят, что в незапамятные времена тут было языческое капище. Первая построенная здесь христианская церковь ушла в землю, а на ее месте образовался родник, и зимой полынья не замерзала даже в лютые морозы. Прежде такую полынью

называли «чикреком», от этого будто бы и произошло название села.

Место, куда я шел, было и впрямь оваяно недоброй славой. Окрестные места известны колдунами и знахарями. И когда приняли на Руси христианство, то первые проповедники Христовой веры встретили здесь упорное сопротивление. В окрестных местах стали устраиваться крепости. В расположенном по соседству Хотынецком районе до сих пор существует древнее село Девять Дубов, образованное на месте известного гнезда атамана Соловья-разбойника. События, рассказанные в былинах, безусловно не выдуманы, и в образе Соловья-разбойника, по всей видимости, лежат черты действительно жившего в те времена князя вятичей Магуты, который так же был пленен и привезен на великокняжеский двор. И хоть был он позднее казнен в Киеве, но остались в этих местах его родственники и последователи.

А в другом, расположенном по соседству районе, между Мценском и Болховом, приняли лютую смерть служители Киево-Печерского монастыря св. мученик Кукша и его ученик Пимен, которые проповедовали тут христианство.

А в начале XVII века, когда прошла смута по всей стране, поселились здесь лихие разбойники. Темными ночами выходили они на большую проезжую дорогу, и горе было запоздалому купцу или путнику. О том времени и по сей день напоминают заросшие диким бурьяном глубокие ямы и земляные

валы. Предание рассказывает, что прежде в Большом и Малом Гнездилове были устроены разбойничьи гнезда. А в соседнем селе Середичи располагался их главный стан, который находился посредине других разбойничьих гнезд.

Я шел не спеша, часто останавливался и в Спас-Чекряк пришел, когда спешившее спрятаться за горизонт солнце всю золотило своим светом верхушки больших деревьев, а над окрестными полями и лугами повисла чарующая вечерняя тишина, присущая только сельской местности. Собираясь в дорогу, я, конечно, предполагал, что увижу здесь глушь и запустение, но действительность превзошла все мои ожидания. Все вокруг заросло кустами дикой сирени и большими старыми деревьями. Многие из них были уже мертвы, и они, словно страшные лесные великаны, стояли, растопылив свои руки-сучья. Казалось, что вокруг заколдованное царство. Я лазил по кустам, но кроме остатков фундаментов, заросших бурьяном, да двух развалившихся сараев так ничего и не нашел.

«Ну и глушь, — думал я, — где жилые дома? Где люди? Ведь за всю дорогу, когда шел сюда, сколько уже здесь ни брожу, никого не встретил. Будто и впрямь все здесь кто-то околдовал».

Я не на шутку встревожился и не знал, что делать, но тут вдруг залаяла собака, и я пошел на ее лай.

Перейдя густой кустарник, я увидел вначале двухэтажный школьный интернат, а потом и школу.

Здание школы было большим и великолепным, и было удивительно видеть его в такой глуши. Занятия давно закончились, но директор школы и несколько учителей все еще были там.

Разговор об отце Георгии Коссове вызвал у них повышенный интерес. Тут же вспомнили и рассказали историю двадцатилетней давности о том, как юные краеведы напугали районные власти, когда стали писать историю своей школы и села. Те, как только узнали, сразу прикатили в школу и строго-на-строго запретили даже имя батюшки Георгия упоминать. «А как можно было его не упоминать, – возмущались теперь учителя, – когда он столько здесь всего понастроил». А мне вдруг припомнилось то время, когда почти в каждой школе были свои краеведческие музеи или кружки. Школьники собирали старинные предметы, записывали легенды и предания, которые они слышали от старых людей. Потом эту работу почему-то посчитали ненужной и забросили. И когда я на следующий день попросил учителей, чтобы мне показали папку, где были собраны материалы об истории школы, то ее сколько ни искали, но так и не нашли.

Все дальнейшее для меня в тот день сложилось удачно. Видно, батюшка Георгий мне и вправду помогал. Директор школы Алевтина Александровна Ермакова пригласила меня к себе. Они с мужем Николаем Петровичем, учителем той же школы, уже многие годы жили в школьном интернате, занимая почти весь первый этаж.

Время для фотографирования было уже позднее, но я все же успел в тот день сходить и к батюшке на могилку и на устроенный им святой колодец. Возвращаясь с колодца, пошел не в ту сторону и попал на кладбище. Старые покосившиеся кресты да заросшие, почти сровнявшиеся с землей могильные бугорки говорили о бренности нашего земного существования. «Сколько людей жили в этих местах прежде, – думал я, осторожно ступая по мягко шуршавшей листве. – И у каждого из них была своя личная жизнь, а вот теперь все прошло, развеялось, как дым, и что там осталось под могильными бугорками... А ведь такой конец каждого из нас ждет».

Кладбище было настолько заросшим, что в глубь его я так и не прошел, а, немного попетляв среди могил, повернул назад.

Был уже давно вечер. И в полумраке теней сгущавшихся сумерек, казалось, проступали очертания пляшущих и кривляющихся на могилах людей. «Бесы теперь тут радуются вовсю», – подумал я и заспешил в интернат.

«А все-таки день удачно прошел», – подводил я итог первого дня, погружаясь в сладкий сон. Добрался сюда благополучно и устроился хорошо.

А утром встал, вышел на улицу и обомлел. Весь горизонт был черным от туч. «Пропал денек», – с горечью подумал я. Все мои планы рухнули. Вечером мне рейсовым автобусом нужно уезжать. «Успеть бы уж сходить на то место, где церковь ушла под землю», – подумал я. Вчера вечером Нико-

лай Петрович обещал меня туда проводить. И хоть времени у него до начала уроков было немного, слово он свое сдержал.

Мы вышли из дома, когда тучи, словно черные драконы, уже подползали к Спас-Чекряку. Было в них что-то величественное, но вместе с тем и грозное. Место это оказалось гораздо ближе, чем я предполагал. Дойдя до школы, мы свернули вправо и пошли по дороге вдоль посадок. Затем перешли лощину и шли, пока не остановились у небольшого родника. «Здесь, – сказал, остановившись, Николай Петрович и указал на родник. – Старые люди утверждают, что если прийти сюда в тихий день, на зорьке, то можно услышать даже, как звенят колокола».

Николай Петрович заспешил в школу. Я оглядел родничок. Чистая как слеза вода была ключом из-под земли и стекала из лунки в небольшой водоем. Однако надо было торопиться. Порывы холодного и резкого ветра все сильнее и яростней налетали на кусты и деревья, срывая с них золотой наряд. Я щелкнул фотоаппаратом всего несколько раз, как вдруг стало темно и крупные, но пока еще редкие капли дождя дробно застучали по траве и дороге.

«Ну, началось», – подумал я и заспешил в укрытие, которое заметил, когда шел сюда. Но тут вдруг поднялся встречный ветер и, налетев на тучи, стал рвать их на части. Я стоял и смотрел на происходящее, как замороженный. Прошло не более 15 минут, и от грозных туч, так пугавших всего несколько минут назад, остались жалкие куски, которые ветер

тут же прогнал за горизонт. Внезапно выглянуло солнце, и все небо стало по-летнему чистым и ясным.

День выдался великолепный и почти сказочный. Желтые листья, падая на землю, словно золотые большие бабочки долго порхали в воздухе, а небо было чистым и, хорошо помню, голубым, что необычно для осени. И было у меня на душе необычайно хорошо.

Я все успел сфотографировать, и даже больше, чем запланировал, а перед отъездом домой зашел к бывшей учительнице Марии Александровне Думчевой и ненароком разговорился. «Нет, не зря я все-таки приехал в ваши места. И, уезжая от вас, знаю точно я, что Бог благословит ваши места. И вновь здесь построят и церковь, и приют, и Дом старчества и даже то, чего не было и при батюшке». И еще многое говорил я в тот день ей. Но видел, что Мария Александровна в этом даже и не сомневается.

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

искал свидетелей, тех, кто знал батюшку Георгия Коссова, в Болхове и в дальних селах и деревнях, а оказалось, что главные свидетели, его духовные дочери, жили на соседних с моей улицах.

С одной из них, Анной Николаевной Рязанцевой, умершей на 96-м году, я успел встретиться, а вот с другой – Доминикой Несторовной Ноздрачевой – нет. К этому времени она уже умерла, но выяснилось, что жива ее дочь Елена Алексеевна Снеговая, и мы с Марией Иосифовной Абакумовой, сухонькой благообразной старушкой, пошли к ней.

Жила Елена Алексеевна в конце 3-й Курской, недалеко от женского монастыря.

Мы позвонили, и дверь нам открыла сама хозяйка. «Заходите», – весело и приветливо сказала она, и мы прошли и расположились в кухне.

О том, что мы придем, Елена Алексеевна была уведомлена, и это облегчило наше знакомство. Мерно тикали, отсчитывая секунды, настольные часы, и

в такт им так же чинно и не спеша она стала нам рассказывать.

«Родилась моя мама Доминика Несторовна, в девичестве Жиголенко, в 1892 году в селе Жуковка, что находится недалеко от Брянска. Ее родители рано оставили этот свет.

Вначале умерла мать, а вслед за ней преставился и отец. И стала она круглой сиротой. Знакомая монахиня Фотия отвезла ее в Спас-Чекряк к батюшке Егору. Так мама оказалась у него в приюте.

А у папы моего, Алексея Николаевича Ноздрачева, в это время находилась в приюте сестра Наталия, и он часто к ней приезжал. Когда маме подошли года, батюшка Егор благословил и обвенчал их, а матушка Александра устроила пышную свадьбу, на которую были приглашены многие приютянки. После свадьбы уехали они в Орел.

Поначалу моим родителям пришлось нелегко. Своего угла у папы не было, а на квартиру в то время брали неохотно. Когда ему надоели эти мытарства, поехал он к батюшке Егору в Спас-Чекряк и пожаловался ему на свою неустроенность и бездомность. А батюшка выслушал и сказал: «Потерпите немного. Скоро будет у вас свой дом. Там и будете жить, пока тройку не подадут».

Вернулся папа из Спас-Чекряка радостный и довольный.

А вскоре он действительно купил за очень низкую цену на Борисоглебской улице старый полуразрушенный дом. Позднее папа разобрал его и перенес

на Огородную, ныне эта улица Колпакчи, где он и стоит поныне.

Таким образом, одно предсказание было исполнено тут же и в точности, а вот над другим мои родители долго ломали голову. «Кто и какую тройку им подаст?» – думали они.

Не до конца разгаданной тайной осталось это для нас и по сей день. Было время, когда нам казалось, что смысл батюшкиного пророчества нам будет открыт, но полностью это не исполнилось. А случилось вот что.

Первой в 1969 году умерла монахиня Фотия. Она все эти годы с нами была в большой дружбе. Прошло 13 дней, и вдруг вслед за ней внезапно умирает и наша мама. Похоронили мы ее, а тут, как снег на голову, новая беда. И что удивительно, опять на 13-й день паралич разбил и приковал к постели нашего папу. Вспомнили мы тут батюшкину тройку и решили, что третий гроб будет. И даже смертное ему приготовили. Но папа на удивление и радость нам прожил еще 10 лет. И в 1979 году тихо и мирно скончался. Тут Елена Алексеевна вздохнула и, выждав некоторое время, продолжила свой рассказ.

А на свадьбу батюшка Егор подарил моим родителям две иконки. Отцу святителя Николая Мирликийского, а матери образ Тихвинской Божией Матери. Они в нашем роду сейчас еще хранятся. В трудные времена защищают нас от напастей и бед. Благодаря им наш дом всю войну простоял, хотя и

был деревянный, тогда как большинство домов на нашей улице были разрушены или сгорели.

В 1943 году, перед тем как освободить Орел, наши самолеты особенно сильно бомбили город. И вот как-то во время такой бомбежки загорелась вдруг немецкая машина со снарядами, стоящая впритык к нашему дому. Мы в это время сидели в подвале и все видели. Думали, что уже конец. И нам и нашему дому. Но немцам все же удалось горящие ящики сбросить на землю и пламя потушить. Все мы тогда решились, что это иконы спасли наш дом.

Ныне в этом доме живет племянница моего отца Вера Николаевна Сергеева. Это к ее маме Наталии Николаевне в приют батюшки Егора ездил отец. А работает она алтарницей в Богоявленском храме». И тут я вдруг вспомнил, что был я в том доме, встречался с Верой Николаевной и даже напечатал несколько ее рассказов.

«Мир тесен», — сказал я. И рассказал об этом Елене Алексеевне. Но она знала и даже читала мои статьи.

«Все в жизни повидали, и радости, и печали, — рассказывала она дальше. — Если приходила беда — знали, что все проходит, и беда пройдет. А счастьем тоже не обольщались. Потому что сегодня так, а завтра может быть по-иному. Ведь враг рода человеческого день и ночь ищет, кого бы ему поглотить. А после войны наш папа ему чуть в лапы не угодил. И если бы не батюшка Егор, то вряд ли бы это благополучно окончилось. А случилось это так.

Вскоре после войны, кажется, в 1948 году, заболела и умерла папина сестра Наталия Николаевна, и решил он, чтобы отпевали ее в церкви. Это стало известно администрации завода, где он работал, и его уволили.

Время тогда было голодное, и устроиться на работу было очень трудно.

А тут к тому же, как на беду, уехали мы с братом из дома. Он в Щекино Тульской области, а меня после окончания железнодорожного техникума направили в Брянск.

Вот и начались у него дни, полные скорби и печали. Загрустил он и расстроился так, что хотел уже руки на себя наложить. И так, может быть, и поступил бы, но тут вдруг приснился ему батюшка Егор и гневно говорит: «Ты, Алексей, эту дурь из головы выкинь. Скоро все образуется. Жди своих детей». И правда, первым месяца через три вернулся брат, а за ним вслед приехала и я.

За давностью лет я уж не помню, что случилось у брата, а меня по болезни списали с железной дороги и вернули домой. А уже в самом конце 1940-х годов жить стало значительно легче. Папе удалось устроиться на работу в мебельную артель. Располагалась она на 2-й Курской, там, где ныне находится мебельная фабрика. Оттуда он и на пенсию ушел».

Елена Алексеевна вышла в другую комнату и принесла старые фотографии.

«А вот какими были наши мамы, когда жили у батюшки Егора в приюте, – сказала она. – Справа

моя мама, а слева Веры Николаевны. С изрядно выцветшей фотографии глядели две девочки-подростка. А это наш отец со своей матерью. В это время он служил в армии. Тогда шла первая мировая война.

А вот наша знакомая монахиня Фотия с подругой. Та, что маму привезла к батюшке Егору в приют.

А здесь заведующая приютом в Спас-Чекряке княжна Оболенская». Тут я даже вздрогнул: об Ольге Евгеньевне Оболенской читал и слышал я немало, но фотографию ее тут увидел впервые. Когда-то, теперь уже почти в сказочные времена, приехала она к батюшке Егору «погостить», да так ей понравилось в Спас-Чекряке, что решила она расстаться с прошлым и посвятить себя воспитанию девочек-сироток.

«А здесь на фотографии, – продолжала хозяйка, – Марфа Акимовна Селищева – Заслуженный врач РСФСР. Большим специалистом была она по глазным болезням. А в прошлом тоже сирота. Вместе с моей мамой воспитывалась у батюшки в приюте».

О ней я прежде не слышал и прошу Елену Алексеевну что-нибудь рассказать, и она охотно исполняет мою просьбу. Была у нее верная подруга Мария Николаевна Гудхова. Дружили они с ней с приюта и до конца своих дней. Та тоже в большом почете была – Заслуженный учитель школы РСФСР. У меня есть фотография, где они сняты вдвоем. Когда вышло распоряжение закрыть в Спас-Чекряке приют, приехали они в Орел. Жили вначале на монастырке. Марфа поступила учиться на медицинские

курсы, а после окончания курсов ее направили работать медсестрой в Змиевку. Там она работала до самой войны, а как только началась война, добровольно ушла на фронт. Вместе с ней ушла и Мария. В Орле она работала учительницей, но на фронт поехала простой санитаркой. Всю войну подруги прошли вместе. Каждая имела боевые награды. А после войны судьба их забросила в Николаевскую область в город Вознесенск. Там они и прожили свою жизнь до конца, там их и похоронили. Первой умерла в 1972 году Мария Николаевна, а через два года и ее неразлучная подруга Марфа Акимовна.

Помяни их, Господи, в Твоих селениях!

Разговор наш зашел на потусторонние темы. Заговорили о тех, кто жил прежде и перешел уже в мир иной. Как там им и какая у них дальнейшая жизнь в отличие от нашей. Ведь у Бога все живы. И только тонкая невидимая грань отделяет нас от них.

И тут уже пришлось рассказывать мне.

С раннего детства я страшился смерти, казавшейся мне почему-то сплошной беспросветной тьмой. «Как это так, – думал я, – меня не будет, а здесь, на земле, будет светить солнце, зеленеть трава, и будут жить другие люди». Это казалось мне ужасной и вопиющей несправедливостью. В будущую вечную жизнь я не верил и старался об этом не думать. А потом как-то случайно вдруг увлекся старыми фотографиями. Я стал собирать старинные, еще дореволюционные открытки с видами города Орла и его уездов. И одно время даже считался краеведом, но это

было не совсем верно, так как интересовали меня больше не виды улиц и памятники старины, а изображенные на них люди. Старая фотография стала для меня словно окно в прошлое. Я раскладывал их на столе и смотрел. Вот ловят удочками рыбу на Орлике рыбаки. Вот Ильинская площадь с торговыми и праздными людьми. А вот задумался о чем-то у Мариинского моста гимназист. Объектив фотоаппарата вырвал его у времени и почти через сто лет перенес в наши дни. Были еще барышни, извозчики, заглядывающие в объектив, любопытные мужики и пацаны. Когда-то они, как и мы сейчас, жили в нашем городе. У каждого из них была своя личная жизнь с радостями и печалью, свои беды, заботы и дела.

А теперь уж поди узнай, на каких кладбищах разбросаны их косточки. «И вроде не такие уж и отдаленные нас разделяют времена, — думал я. — Еще сохранились многие дома, у которых они стояли или шли, ограды и заборы, где сидели. А между тем прошло уже сто лет. Пройдет время, и мы все, живущие на земле, умрем, и никогда уже больше ничья жизнь не повторится. Жизнь наша всего миг». Мне было непонятно, для чего мы все живем.

Я подходил к этому вопросу с разных сторон, но ответа не находил. Интуиция мне подсказывала, что все наше мироустройство имеет какой-то смысл, но здесь, как казалось мне, он отсутствовал.

«Жизнь коротка и быстротечна, — размышлял я, — но хоть бы уже она благополучной была. А то как в муках рождается человек, в муках живет, в муках

потом и умирает. Страдания, горести, болезни и утраты, а также постоянная нужда, часто граничащая с крайней нищетой, так и преследуют его до конца. И это я имею в виду человека здорового и полноценного, а о калеках и инвалидах уже не говорю. А венцом каждому, как ни береги себя, в конце концов, является неизлечимая болезнь и смерть». В будущую вечную жизнь, как я уже сказал, я не верил, но и в то, что люди напрасно живут на земле и бесследно исчезают, разум мой никак верить не хотел.

Вскоре прочитал я Евангелие и увидел, что свидетельств о будущей вечной жизни было там сколько угодно. Прежде всего совершенно определенно сказал об этом Сам Иисус Христос: «Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы» (Лк. 20: 38). Или: «Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь» (Ин. 5: 24).

А вслед за Евангелием прочел я весь Новый Завет и там тоже нашел подтверждение, что смерть — это не конец жизни и что душа живет вечно. Апостол Павел в 1-м Послании к Коринфянам разъяснял: «Есть тела небесные и тела земные; но иная слава небесных, иная земных. Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся. Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие».

А вскоре мне попало письмо святого епископа Феофана Затворника, написанное им своей уми-

рающей сестре. «Прощай, сестра, — писал наш прославленный земляк. — Господь да благословит исход твой и путь твой по твоём исходе. Ведь ты не умрешь. Тело умрет, а ты перейдешь в иной мир живая, себя помнящая и весь окружающий мир узнающая. Там встретят тебя батюшка и матушка, братья и сестры. Поклонись им и наши передай приветы и попроси попечись о нас. Тебя окружают твои дети со своими радостными приветами. Там лучше тебе будет, чем здесь. Так не ужасайся, видя приближающуюся смерть. Она для тебя дверь в лучшую жизнь».

Письмо это тронуло меня так, что я несколько дней ходил под его впечатлением. Но сомнения меня не оставляли. А может, он написал это письмо, чтобы успокоить умирающую сестру. Или еще для чего-нибудь в том же роде. И в то же время с тревогой подумал и о себе:

«Вот, мол, какой маловер. Ни Богу, ни апостолам и ни святым угодникам — никому не верю. Конечно, — думал я, — счастлив тот, кто может без всяких доказательств в это верить. А как быть всем нам, таким как я, когда даже и святой апостол Фома и то одной верой не поверил в воскресение Иисуса Христа и попросил материальных доказательств. Сказал, если не увидит на руках Его ран от гвоздей и не вложит руки своей в ребра Его, не поверит. Иисус Христос за малую веру и за сомнения не отверг апостола Фому, а дал ему наглядные доказательства. А нас 70 лет с самого детства воспитывали на материалистических идеях. И убеждение, что никакого другого

мира, кроме нашего земного, не существует, стало почти всеобщим».

Шли годы, постепенно менялось мое мировоззрение.

Теперь я понял, что особенно унывать и печалиться по поводу кончины своих родных и близких не следует. Все у Бога живы, и значит, все мы в конце концов на том свете встретимся...

Короток зимний день! Вот уже вечерние сумерки сгущаются за окном, и нам пора уходить. Мы прощаемся и выходим во двор. Среди сугробов темнеют сараи и полуразрушенный большой дом. Я смотрю на Марию Иосифовну, на ее старенькое пальто и сгорбленную фигуру и думаю: «Сама она батюшку Егора не знала. И казалось, зачем ей нужно? Ходит со мной по домам. А ведь ей почти 90 лет».

Прежде она много лет прожила с Анной Николаевной Рязанцевой. Когда та по старости лет стала беспомощной, то помогала ей, как могла. А теперь вот помогает мне, и без ее помощи я сюда вряд ли попал. У нее истинная православная душа. И в этом я не сомневаюсь, потому что хорошо знаю и другой тип людей, которые к каждому делу подходят с мыслями «А что я буду с этого иметь?».

А тут корысти никакой. Одно лишь желание Богу послужить и ближнему помочь.

«Нет, — думаю я, — недаром же враги России бросили такие силы и средства на то, чтобы все лучшие качества в человеке убить. И главную свою цель они даже не скрывают. Когда это произойдет, тогда и

наступит всем конец, а пока еще есть такие люди, как Мария Иосифовна Абакумова, положение наше не так уж и безнадежно».

На улице Русанова мы с ней прощаемся и расходимся в разные стороны. Ей на 2-ю Курскую, а мне – на Фомина.

«А все-таки день сегодня прошел не зря», – думаю я. И на душе у меня становится светло.

Побольше бы таких дней. И к дому подхожу, когда в окнах больших и малых домов уже горят золотые огни.

СЛАВНЫЙ БАТЮШКА ИЗ СПАС-ЧЕКРЯКА

том, что батюшка Егор обладал чудотворными дарами, говорят многие факты. Много людей писали ему письма, прося у него молитвенной помощи или житейского совета. Так эти письма батюшка Егор даже не вскрывал, а брал в руки конверты и, не читая, писал сам или диктовал ответы. Он наперед знал, кто с чем к нему идет. Тех, кто действительно в нем нуждался, батюшка Егор принимал, а если видел, что человек пришел по-пустому, старался ограничиться коротким, но вежливым разговором.

«На все запросы, на всяк крик сердечного, давно наболевшего горя у отца Егора находилось слово привет, утешения, совета. В каждом его слове, в каждом совете чувствовалось такое знание человеческого сердца, такое проникновение в самую глубь народного быта, душевной жизни народа, что ни один подходивший, иногда приступавший к нему с глазами, красными от невысохших слез, не уходил от него с лицом непросветленным. Чувствовалось,

что каждый получал от него именно то, которого жаждала и без отца Егора не находила, его скорбная, измученная душа», – писали об отце Егоре его духовные дети.

Множество свидетельств благодатной помощи о. Георгия собрано разными людьми. И количество их все растет. Это наглядно и убедительно свидетельствует, что он истинный угодник Божий!

Чуть по миру не пошли...

История эта случилась в 1924 году. Родители мои Коскины Иосиф Семенович и Татьяна Васильевна жили в деревне Герасимова Болховского уезда. Приехал к нам как-то из деревни Кабановка колдун Федор. В то время наш край был известен колдунами и знахарями, но этот считался – особенный. Знающие люди говорили про него, что не наследственный он был, а природный. Остановился Федор у маминой тети. Начали к ним сходитья люди. Прибежала к нам мама с сестрой Анна и стала звать нас, мол, пойдемте на знатного колдуна посмотрим. Мама убирала по дому и поэтому не пошла, но поглядеть на колдуна ей было все же охота. К вечеру убралась она и говорит отцу: «А не пойти ли нам, Иосиф, посмотреть на этого Федора? Люди говорят, что он очень знаменитый, только я им не верю». «Я не пойду, – сказал отец. – А ты, как хочешь. Иди, если тебе охота».

Пришла она к тетке домой, а там народу полная изба, на лавках сидят, а колдун Федор им что-то рас-

сказывает. Стала мама у дверей, слушает, как он несет всякую чушь, а сама улыбается. Это не понравилось колдуну, глянул он на нее и сказал: «Что-то ты, молодайка, очень уж веселая». А она: «Такой у меня характер». – «Характер твой можно и изменить». – «Не получится, муж менял, ничего не вышло». – «Ну, тогда я на твою улыбку накинута узду», – пригрозил колдун. – «А я оберегусь!» – «Как?» – «В церковь пойду!» – «Это – пустое дело, – сказал Федор. – От попов толку нет. Они только дурят народ». – «Ну, тогда я к вам обращусь». Тут он смягчился и сказал: «Если ко мне, тогда другое дело».

Наступила ночь. Послал колдун людей на колодец за водой. Налили воду в большую чашку, стал он перед ней и давай кривляться. Смотрит мама на него, а сама думает: «И зачем я сюда пришла?» А на душе у нее нехорошо. Покосоротился Федор так с полчаса и сказал: «Ну вот, очистил водичку, всех бесов пословил. У меня их полные карманы». Начал он воду в бутылки наливать и раздавать людям. Кому для лечения, а кому для какой другой цели. Налил и матери воды. Взяла она ее и пошла домой. А по дороге ей плохо стало. «И на что мне нужна эта вода», – подумала она. Дошла до ракушек и под них бутылку с той водой забросила. Тут на нее такой страх напал, что нет мочи. Кинулась она со всех ног бежать домой, а за ней сзади топот. Прибежала домой, а отец спит давно. Легла на кровать, с головой укрылась и еще не успела заснуть, как на потолке грохот раздался. Проснулся отец, зажег лампу-шахтерку и по-

лез на чердак. Посветил — никого там нет. Только легли — опять шум на потолке. То запищат, то будто бы крыльями захлопают. И так — до утра. А утром случилась первая беда. Пошла мать в хлев, а там две овцы мертвые валяются.

В прежние времена многие из наших мест ездили на отдаленный промысел. Земля наша в основном подзол и суглинок. Жили люди постоянно в нужде, вот и выезжали в разные места, чтобы подзаработать. Вскоре уехал и отец за длинным рублем. Поехал он в Карелию, на торфозаготовки. А через пять дней после его отъезда случилась новая беда. Стала мать запрягать лошадь, а та вдруг повалилась на бок и подохла. А потом вообще пошли одни напасти. Сперва телка околела, за ней свинья издохла. На Ильин день возвратился отец. Приехал злой и недовольный. Заработать ничего не удалось. В бригаде, куда он попал, одни пьяницы собрались, не работали, а только пили. Узнал отец, какой тут без него в хозяйстве разор произошел, и давай на мать ругаться: «Какая ты хозяйка!» Она сначала молчала, но потом тоже стала на него кричать: «Был бы ты хороший хозяин, не бежал бы из дома».

Но сколько ни бранись, от этого толку мало. Надо снова хозяйство заводить. Пошли по родным просить, кто чем поможет. Брат отца Иван Семенович помог купить в Болхове лошадь. Мамина сестра Анна Васильевна дала поросенка. С Божьей помощью завели телку. Вначале дело пошло хорошо, но так было недолго...

Начался сев озимых. Проводила мать отца в поле, и часа не прошло, видит, идет он назад весь в крови. Испугалась она и подумала, что с ним случилась беда. А это бык взбесился и лошади брюхо порол. Охнула мать, да и только. А через несколько дней и теленка не стало. Напоила она его водой и пошла в дом, вернулась, а теленок мертвый лежит. Тут уж стало ясно, что не само по себе это происходит. Прямо хоть бросай все и беги из дома, куда глаза глядят. Но добрые люди надоумили мать пойти в Спас-Чекряк к отцу Егору. Наша деревня Герасимова относилась к его приходу. Пошла она к батюшке Егору и рассказала про все свои беды. Выслушал он ее и сказал: «Уж теперь будете знать, как с колдунами знаться». А на другой день пришел батюшка Егор к нам домой, молебен отслужил и святой водой везде побрызгал. А под конец кусочки ладана в чистую тряпочку завернул и в разные щели засунул. «Ну, теперь обзаводитесь хозяйством. Все благополучно у вас будет».

С тех пор у нас все нормально стало. Богатства, правда, не нажили, но, слава Богу, хоть по миру не пошли.

Кондрашкина Мария Иосифовна,
поселок Пробуждение Болховского района.

Еще поживу...

Заболела моя мама Василиса Владимировна женской болезнью. После вторых родов началось у

нее сильное кровотечение. Несколько раз возил ее отец мой Никанор Афанасьевич в Болхов к врачам. Умолял, говорил: «Берите корову, лошадь. Все отдам, только вылечите».

Лечили ее врачи, но все без толку. Предложили операцию сделать, но она не согласилась. «Это смерть моя, — сказала она. — Лучше умру без операции». И стала готовиться к смерти. Жалко ей было детей. В первые роды родила она двойню, а потом еще меня. Так что было у нее нас трое. Нашила она платьев и рубаш, наготовила всего и говорит мужу: «Вези меня к отцу Егору. Пусть он меня исповедует и причастит. А уж потом помирать буду».

От нашей деревни Рогозина до Спас-Чекряка и трех верст не будет. Запряг отец лошадь и повез. Приехали к батюшке домой. Привязал он лошадь у изгороди и пошел к отцу Егору. «Привез к вам жену свою, помирать собралась. Врачи операцию предлагали, а она отказалась. Велела вот к вам привести, чтобы перед смертью ее причастили». Вышел батюшка Егор, глянул на нее и сказал: «Куда там помирать, до ста лет жить будет». И велел отвезти ее в церковь. Привел отец ее туда, посадил на лавку, а тут и батюшка Егор подошел. Вынес он из алтаря толстую книгу и долго листал он ее над маминой головой, искал нужные молитвы. Наконец нашел и стал читать. Читал долго, и как отчитал, несколько раз святой водой покропил. Затем налил в бутылку этой воды и сказал, что дома нужно сделать. Дома мама нагрела ведро воды, вылила туда святую воду и под

образами искупалась. Вскоре кровотечение у нее прекратилось...

Прошло лет тридцать, а может, и все сорок, кто их считал, и история с мамой почти что повторилась. Все эти годы она помнила, что до ста лет ей прожить батюшка Егор пророчил, и ничего не боялась. А тут вдруг заболела и ослабла так, что с кровати и встать сил не стало. «Ну, вот конец мой, – говорит она нам. – Готовьте меня к смерти». И тут приснился ей чудный сон, что пришла она в Спас-Чекряк, а там не мерзость и запустение, как сейчас, а все как было прежде. Чистота, порядок кругом и церковь каменная стоит. Зашла она туда, а там батюшка Егор у Царских врат стоит. Узнал он ее и спрашивает: «А ты, Василиса, зачем здесь?» А она ему: «Я, батюшка Егор, помираю». – «А ты посмотри, там, в углу, горит ли твоя свеча?» Глянула она, куда ей батюшка показал, увидела, что огрызок свечи еще горит, и сказала: «Горит, батюшка Егор, но только мало осталось». – «А ты возьми еще свечу и надставь». Взяла она у него свечу, надставила и получилась большая.

Проснулась мама радостная, болезнь как рукой сняло. С тех пор стала всем говорить: «Я еще проживу. Мне батюшка Егор надставил свечу, теперь она у меня большая». Было это в середине 1950-х годов, и жила мама до 1972 года. Умерла в 99 лет, всего один год не дожила до указанного батюшкой Егором срока.

Шинкарева Мария Никаноровна,
деревня Рогозина Болховского района.

Спячка

Моя мать, Киндюхина Мария Андреевна, часто с благодарностью вспоминала батюшку Егора и рассказывала мне, как он вылечил ее от порчи. Незадолго до революции напала на нее странная болезнь – спячка. Ночью спит и днем. Обедать сядет и тут же засыпает. Так целыми сутками и спала. Никто из родных не знал, что с ней делать и как ее лечить. Как-то раз зашла к нам жившая в нашей деревне Рог одна богомольная старушка. Посмотрела на нее и сказала: «Надо ее везти к отцу Егору». В ту пору ездили в Спас-Чекряк из нашей деревни многие. Поехали раз две женщины из нашей деревни туда и маму с собой взяли. А там набралось у батюшки Егора несколько человек таких. Привел он их в церковь и начал молитвы вычитывать. Потом каждого побрызгал святой водой и велел через месяц приехать. После третьего раза болезнь прошла и до конца ее жизни больше не повторилась. Мама подробно рассказывала мне, как батюшка Егор встречал ее, лечил, провожал, но прошло много лет уже, и я многое забыла. А то, что помню, рассказала верно.

Киндюхина Варвара Федоровна,
город Болхов.

Корова заболела

У Сазоновой Анастасии Михайловны, что жила в поселке Алексеевский, муж погиб в русско-

японскую войну, оставив ей пятеро детей. Были они один одного меньше. Горе и большую нужду испытала она, а тут вдруг пришла к ней и еще одна беда. У единственной коровы распухло вымя, и она перестала подпускать к себе хозяйку. Как только ни пыталась Анастасия подоить ее, но ничего не получалось. Пошла она тогда в Спас-Чекряк к отцу Егору и пожаловалась ему на свое горе и нужду. «От соседки твое зло, – сказал батюшка. – Давала ей на святой день молоко, вот она и подстроила тебе». Взял он святую воду, почитал молитвы и сказал, чтобы помыла она вымя у коровы этой водой, а затем вылила ее подальше за околицу.

Вернулась она из Спас-Чекряка домой и сделала, как батюшка Егор велел. А на другой день опухоль у коровы сошла и она стала давать молоко, как и прежде. «А вообще-то, – добавила от себя рассказчица, – старые люди прежде советовали, если даешь кому что-либо, надо всегда говорить про себя: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа» – тогда пресекаются все вражьи напасти и козни».

Клюзова Мария Михайловна,
город Болхов.

В этот же день слух восстановился

Моя бабушка рассказала мне о чудесном случае, который произошел с ней в молодости. Еще при жизни отца Егора слава о нем как о великом молитвеннике и целителе была большая. А бабушка в то

время начала глохнуть. Слух становился с каждым днем все хуже и хуже. Из ушей выходил гной, и за полгода она практически полностью оглохла – сначала на одно ухо, потом и на второе. Походы к врачам никакого результата не давали. Не было даже малого улучшения. Тогда по совету соседей и знакомых она отправилась в Спас-Чекряк к батюшке Егору за помощью. Когда добралась, не успела даже в дверь постучать, как батюшка сам к ней вышел и сказал, чтобы пришла на службу в храм, где он служит.

В конце службы бабушка подошла приложиться к кресту, который держал в руках отец Егор. Поцеловала она крест, а батюшка приложил этот крест к ее голове. И сразу же она стала слабо различать звуки.

Жила бабушка от Спас-Чекряка километрах в десяти и домой возвращалась пешком. Через несколько километров пути она вдруг обнаружила, что гной из ушей перестал выходить. В этот же день слух у нее восстановился полностью. После этого уши у бабушки никогда больше не болели, и слышала она хорошо всю оставшуюся жизнь, до самой смерти.

Агулин Владимир Иванович,
город Козельск Калужской области.

Три жены

Дедушка моего мужа, Андриан Павлович Клюзов, когда еще был жив, рассказывал. Посватал его

отец Павел Степанович за одну девицу, а он не хотел жениться на ней. Пошли у них в доме ссоры и скандалы. Тогда кто-то из соседей посоветовал им съездить в Спас-Чекряк к отцу Егору. Пусть он рассудит. Жили они в деревне Чертовая, ныне Гнездиловского сельсовета. Запрягли они лошадь и поехали. «Было это на Святки, — вспоминал Андриан Павлович. — Пока ехали, метель поднялась и несколько раз сбились с пути. В Спас-Чекряк приехали только к вечеру. У батюшки в селе был дом для приезжих, опочивальней назывался. Только устроились и еще не успели как следует отогреться, как пришел после вечерней службы батюшка Егор. Разделся он, сел за стол и позвал всех трапезничать. Собралось в трапезной человек пятнадцать, а после ужина стал он каждого расспрашивать. Дошла очередь и до нас. Выслушал он отца, погладил меня по голове и сказал: «Жить с ней долго не будешь, но отца слушаться надо. Так что женись, благословляю». Женился дедушка на ней, но прожил не долго. Через два года простудилась она и умерла. Вскоре собрался Андриан Павлович жениться на другой, и вновь поехали они на совет к батюшке Егору. Принял он их в церкви. Благословил, но сказал, что еще в третий раз жениться придется. С этой женой прожил он долго, родила она ему пятерых детей и во время последних родов скончалась. И дедушке, как, видно, написано было ему на роду, пришлось жениться в третий раз.

Клюзова Мария Михайловна,
город Болхов.

Как быть?

Василия Фокина и его супруги Анны Парфеновны давно уже нет на этом свете. Жизнь свою они прожили мирно, благополучно и, как видно, счастливо. Когда-то они жили со мною по соседству, заходили ко мне и, часто вспоминая свою молодость, вспоминали моего деда. О нем Анна Парфеновна рассказывала следующее: «С первым мужем я разошлась, и осталось у меня на руках две дочери: Софья и Елена. А тут Василий Андреевич меня подсмотрел и пришел ко мне свататься. Но я ему, конечно, отказала. Негоже молодому парню разведенную, да еще с двумя детьми брать. К тому же был он намного меня моложе. А он с этого дня пристал ко мне как репей. Проходу мне не давал. «Выходи за меня замуж», – и не было с ним никакого сладу. Один раз пришел ко мне и говорит: «Поедем к отцу Егору, и пусть будет нам Сам Бог судья. Что батюшка нам посоветует, то пусть и будет». Не хотела я ехать, но он все же меня уговорил.

Приехали мы с ним в Спас-Чекряк, зашли в церковь, тут Василий мне говорит: «Подойди к батюшке Егору и спрашивай, но учти – я тут недалеко стану и буду все подслушивать». Подошла я к отцу Егору и еще ничего не успела спросить. А он мне говорит: «Знаю, зачем приехала. Выходи и не раздумывай, вместе детей воспитывать будете. Вырастут твои дочки, учителями будут». В то время эта профессия особенно почетная была. Так вот и вышла я

замуж за Василия Андреевича. А дочери мои Софья и Елена, как батюшка Егор сказал, действительно учителями стали».

Потапова Евгения Николаевна,
город Болхов.

Детская опухоль

Родилась я в 1909 году. Отец мой погиб в первую мировую войну, а мать вскоре вслед за ним умерла от болезни. Так что в семь лет стала я сирота. Воспитывала меня тетка Аксинья. Жили мы в деревне Орс Болховского уезда.

В 1921 году у меня вдруг опухла шея с правой стороны так сильно, что врачи не решились делать операцию. Повезла она меня тогда в Спас-Чекряк к отцу Егору. Было мне в ту пору 12 лет, и из всего запомнила я только большую церковь да трехэтажный дом, где жили сиротки. Самого батюшку Егора помню смутно, как во сне. Лечил он меня святой водой и молитвами. Опухоль скоро сошла, а глубокий шрам остался на всю жизнь. Он и сейчас еще виден.

Кирюхина Анна Федоровна,
город Болхов.

Мамина судьба

Моя мама, Снурницына Мария Алексеевна, вспоминая о батюшке Егоре, рассказывала мне сле-

дующее. До замужества любила она одного парня. Был он красивый лицом и видный, но очень самолюбивый и гордый. В те годы моя мама была худая, как девочка-пацанка, а он откровенно глумился над ней. «Жениться я на тебе не буду. Ну зачем ты мне нужна, — говорил он. — Какая из тебя хозяйка, худоба одна. Чего доброго, помрешь, а мне хлопоты потом, вновь ищи себе жену». Мама любила того парня, и слушать такие слова ей было больно и обидно. Надумала она в Спас-Чекряк сходить, может, о. Егор чем-нибудь поможет. Вышла она спозаранку и пошла пешком. Идет, а сама думает: «Ну зачем я к нему иду? Чем он мне поможет?»

Пришла мама к отцу Егору, а он ей говорит: «Ну зачем ко мне пришла? Чем я тебе помогу? Забудь его, не судьба он тебе. Твой суженый от тебя через четыре дома живет».

Вернулась мама из Спас-Чекряка и больше с тем парнем не встречалась, а вскоре и вправду посватался к ней мой будущий отец. Он, как батюшка Егор сказал, жил от нее через четыре дома. Но мама вначале не хотела замуж за него выходить. Беда была в том, что он сильно пил, и она вновь пошла к батюшке Егору за советом. Увидел ее батюшка Егор и сказал: «Не бойся, что пьет, выходи. Я благословляю!»

Обвенчались мои родители, прожили год или два, и отец так запил, что жить с ним стало нельзя. Начал даже вещи из дома таскать и пропивать. Делать нечего. Пошла мама тогда в третий раз в Спас-

Чекряк и стала жаловаться батюшке Егору на мужа. «Вы, батюшка, меня благословили на брак, а жить с ним нет мочи. Хочу развестись». А батюшка выслушал ее и говорит: «Погоди, не спеши разводиться».

Налил он в пузырь немного святой воды, дал ей и наказал, чтобы купила она водку, вылила туда святую воду и дала отцу выпить. Приехала она домой, приготовила, как ей велено было, и подает мужу: «На, мол, выпей. Батюшка Егор тебе передал». Обрадовался он, схватил бутылку и говорит: «Выпить я завсегда пожалуйста. Жаль только, что мало передал. Дал бы четверть, уж я бы его за здравие славно помянул».

Выпил он все и ушел к друзьям, а вечером пришел трезвый к матери и говорит: «Все, Маня, я свое горло арестовал, заклинило».

После этого несколько лет он не пил совсем. Но когда дошел слух о смерти батюшки Егора, то сильно забеспокоился. Ходил он задумчивый и всем, жалуюсь, говорил, что теперь ему будет плохо. Через некоторое время отец снова стал пить, но уже гораздо меньше, чем прежде. И хотя бывали в его жизни периоды, когда он крепко запивал, жизнь свою мои родители прожили вместе. Вырастили и воспитали четверых детей. Трое выучились, высшее образование получили, и только я отстала от них и осталась малограмотная.

Снурницына Зоя Александровна,
город Болхов.

Бабушкино горе

Знала и помнила отца Егора из Спас-Чекряка моя бабушка Анастасия Алексеевна Снурницына. Из ее рассказов о нем помню следующее. Пришли они с мужем с покоса домой. Муж ей и говорит: «Ты ставь самовар, а я пойду к соседу схожу». Не успела еще в самоваре вода закипеть, как вдруг пришли соседи и говорят: «Иди, твоему Алексею плохо стало». Пока добежала она, тот уже скончался.

Положение, в котором оказалась моя бабушка, было не легким. На руках осталось у нее трое маленьких детей, да к тому же еще беременная была. Близкие советовали сделать аборт, но она не решалась. Это ведь большой грех. Она мучилась, не зная, как поступить.

Кто-то из знакомых посоветовал ей съездить к батюшке Егору в Спас-Чекряк, рассказать ему по свою беду, а уж он наверняка советом добрым поможет.

Выслушал ее отец Егор и головой поник: «Горе большое, раба Божия, у тебя, — сказал он. — Но что ты носишь, ты все равно доносишь. А там тебя еще одно горе ждет».

Как батюшка предсказал, так и случилось. В положенный срок родился у нее сын, но радости он не принес, так как был хилый и слабый. Да еще, к несчастью, заболел туберкулезом в открытой форме. Задыхался и кашлял кровью. Врачи ничем ему помочь не смогли. Одним словом, не жилец он был на

этом свете. Лет пятнадцать прожил, промучился и скончался.

Снурницына Зоя Александровна,
город Болхов.

Про отца

Родители мои, Иван Михайлович и Наталья Степановна Крыловы, жили в поселке Крыловском Болховского уезда.

В 1914 году началась первая мировая война, и отца забрали на фронт. Первое время он часто писал домой, сообщал о себе, о друзьях и о делах на фронте, а перед самым концом войны вдруг перестали приходить от него письма.

Мама забеспокоилась и пошла в Спас-Чекряк к батюшке Егору, чтобы узнать, жив ли муж или погиб.

Принял ее батюшка Егор хорошо. Выслушал внимательно и сказал: «Не волнуйся, все благополучно у него. Жив он, здоров и скоро весть вам о себе подаст». Возвратилась мама домой и пересказала этот разговор своим родным. А вскоре зашел к нам солдат, служивший с отцом. Он после ранения возвращался домой в соседний уезд и передал нам записку. Из нее мы узнали, что отец мой жив и здоров, что на фронте с немцами идет перемирие, а значит, войне скоро конец, а там и он вернется с фронта.

Так вскоре и произошло.

Романова Мария Ивановна,
город Болхов.

Выбор профессии

Зинаида Ивановна Сизарева, вспоминая батюшку Егора Чекряковского, мне рассказывала, что жила она в Болхове, училась в обычной школе, но ее родители хотели, чтобы она перешла в училище и выучилась на портниху. Зинаида же не хотела бросать школу. Из-за этого были у нее с родителями неприятности и конфликты.

Как-то раз, сильно поругавшись с родными, пошла она с двоюродной сестрой в Спас-Чекряк к батюшке Егору за советом. Выслушал ее батюшка и сказал: «Учись в школе, а родителям своим передай, что, кем хотят они, ты и будешь».

Вернувшись из Спас-Чекряка, Зинаида рассказала об этом родителям. После совета батюшки Егора они не посмели препятствовать ей, и школу она закончила успешно.

А в дальнейшем, как батюшка Егор ей напроочил, судьба так и распорядилась, что и без учебы она стала портнихой. И работала по этой профессии до конца дней своих.

Донецкова Мария Филимоновна,
город Болхов.

Господь терпел и нам велел

Отец мой Алексей Афанасьевич и мать Варвара Алексеевна обвенчались еще до первой мировой войны. Жили они хорошо и в достатке.

Но вскоре началась война, и отца забрали на фронт, а мама осталась жить вдвоем со свекровью. Первое время, когда отец писал домой и сообщал о себе, была она еще терпима, но как только перестали приходить от него письма, стала она лютая и злая. Пошли у них раздоры и скандалы. Свекровь начала маму всячески оскорблять и выгонять из дома. Жить ей стало невмоготу, и она решила от свекрови уйти, а с отцом развестись.

В то время многие люди, прежде чем что-либо предпринять, ездили за советом или благословением к батюшке Егору. Поехала и она в Спас-Чекряк. Дождалась, когда батюшка Егор стал людей принимать, и стала жаловаться на свою жизнь, что от мужа давно вестей нет и что свекровь у нее лютая и злая. И не намерена она больше такие муки терпеть, и хочет, чтобы благословил ее батюшка Егор уйти из мужниного дома. Выслушал ее отец Егор и спрашивает: «Такие ли уж муки твои? Господь вон как терпел и за нас страдал. Иди и живи, и впредь такое даже в голову не бери. Ранен твой муж, но страшного ничего нет. Скоро вернется домой. Ступай и жди».

Вернулась она из Спас-Чекряка, рассказала об этом свекрови, и стали вместе ждать, та — сына, а мама — мужа. И через полгода дождались. Как батюшка Егор предсказал, он действительно был ранен, лежал в госпитале и из-за ранения был комиссован.

В дальнейшем жили они дружно.

Алферова Мария Алексеевна,
город Болхов.

Вместо отца

Родилась моя мама Наталья Николаевна Ноздрачева в 1898 году. В семье у них было четверо детей, два мальчика и две девочки.

Когда маме исполнилось 7 лет, у них случилось несчастье. Отец ее, Николай, попал под поезд. Жили они и так в постоянной нужде, а после смерти родителя стало совсем невмоготу, хоть по миру иди. Жили они недалеко от Белева. Пошла тогда бабушка Васса в Спас-Чекряк к отцу Егору за советом. Выслушал ее батюшка и сказал: «Знаю, тяжело тебе жить, но ты духом не падай. Младшего сына отдай куда хочешь, ему везде будет хорошо, а старшего только в подмастерье к сапожнику». А про дочерей бабушка забыла спросить, как с ними быть. И когда стала уходить, батюшка Егор сам догнал ее и сказал: «А девочек ко мне в приют. Пусть у меня живут».

Так вот и очутились моя мама с сестрой в батюшкином приюте. Мамина сестра всего два года прожила там, потом заболела и умерла, а мама до девятнадцати лет в приюте жила и лишь после революции переехала в Орел к брату.

В начале 1920-х годов познакомилась она с моим будущим отцом, которого, как и деда, звали Николай. Был он из семьи потомственных рабочих. Вскоре они поженились. В 1924 году родился мой брат Алексей, а через 7 лет появилась на свет и я.

Когда мама была еще жива, я часто слышала от нее следующие далее рассказы.

У одной молодой женщины один за другим родилось двое глухонемых детей. Родственники заподозрили в этом что-то неладное и посоветовали ей съездить к батюшке Егору в Спас-Чекряк.

Выслушал ее батюшка и велел сходить ей в березовую рощу, которая находилась на краю села. «Походи там, птичек послушай. Может, что и вспомнишь», – сказал он ей.

Пошла она туда, а там птички поют, заливаются. Стала она их слушать и вдруг вспомнила, что когда маленькая была, то лазила по деревьям и кустам, брала из гнезд птенцов и вырывала им язычки. Вернулась она к отцу Егору и про то ему рассказала. «Ну вот, теперь тебе ясно, за что тебя Бог наказал», – сказал ей батюшка Егор.

Надо помнить всегда, что за хорошее Бог награждает, а за грешное непременно накажет!

Один раз мама случайно оказалась свидетельницей одного разговора. Приехала к батюшке Егору из Болхова молодая женщина и стала жаловаться на своего брата. Он, по ее словам, хочет открыть в Болхове чайную и настоятельно зовет ее к себе работать. Но она не хочет быть прислугой и, чтобы спастись, собирается уйти в монастырь. Она думала, что отец Егор поддержит ее и благословит. Но он ей сказал: «Что тебе монастырь. Там каждый спасется, а ты в миру попробуй». И в благословении отказал.

Приехала к батюшке Егору одна женщина со своей бедой. По неясной причине у нее дохли свиньи. Дал ей батюшка святой воды и рассказал, что с ней делать. А перед тем, как ей уезжать, дал он ей еще и куриное яйцо и наказал, чтобы дома она его съела.

Вернулась женщина домой, разбила яйцо, а там дохлый цыпленок. Это насторожило ее. Она знала, что батюшка Егор просто так такое яйцо не даст, и не могла понять, что все это значит. Вскоре она вновь приехала в Спас-Чекряк. Пришла к батюшке домой и говорит: «Не могу понять. Вот вы мне наказали съесть яйцо. Разбила я его, а там дохлый цыпленок». А он ей отвечает: «А что тут понимать. Ты то дохлых свиней продаешь, а люди их едят. Вот и тебе так же».

Женщине нечего было возразить, и она, посрамленная, спешно уехала домой.

Сергеева Вера Николаевна,
город Орел.

Пройдет много лет

Жена моего дяди, Алексея Николаевича, была круглая сирота. Воспитывалась она в приюте у батюшки Егора в Спас-Чекряке.

Дядя — он был старший мамин брат — до революции работал обойщиком мебели у хозяина Добрынина в Орле. Он часто приезжал в Спас-Чекряк к

своей сестре, которая тоже в то время находилась в приюте. Там дядя и познакомился со своей подругой жизни Доминикой Несторовной. Батюшка Егор лично свел их и благословил на брак. Когда в конце 1940-х годов умерла моя мать, я перешла жить к ним. И вот совсем одна доживаю свою жизнь в их доме.

Вспомнила же я о них, чтобы рассказать одну удивительную историю про батюшку Егора, которую я слышала от дядиной жены. Вот она.

Любимым местом для отдыха у батюшки Егора в Спас-Чекряке была небольшая березовая роща, которую воспитанницы называли березняком. Она росла на окраине села.

Как-то раз, прохаживаясь там, батюшка Егор увидел Доминику. Он подозвал ее и сказал: «Пройдись со мной, мне надо тебе кое-что сказать». И взял ее под руку. «Пройдет много лет, меня уж давно не будет на этом свете, а ты меня вновь увидишь. Ты только обращай ко мне, не бойся, и я тебе помогу».

В то время значения этим словам она не придала. Да и смысл их не поняла. «Как это, – думала она, – батюшки нет в живых, а я его здесь увижу, мертвого что ли, и о чем я буду его просить?»

Вскоре об этом разговоре она забыла. Прошло много лет. Незадолго до второй мировой войны случилась с ней беда. Внезапно она заболела серьезной болезнью. Врачи сделали операцию, но ей стало еще хуже. Тут вспомнила она батюшку Егора и мысленно обратилась к нему: «Помоги мне, батюшка Егор,

не дай умереть». И в ту же ночь увидела его во сне, на том самом месте, где он об этом ей говорил. «Видишь ли ты меня, Доминика?» – спросил он. «Вижу, батюшка Егор». И вдруг прямо на глазах начал он расти. И рос до тех пор, пока не стал выше деревьев. Смотрит Доминика, а у него венец над головой. Перекрестил ее батюшка Егор и исчез. Тут она и проснулась. С тех пор здоровье у нее на поправку пошло, да так быстро, что даже врачи удивлялись. А вскоре и совсем вылечилась. После операции прожила она 28 лет и мирно скончалась.

Сергеева Вера Николаевна,
город Орел.

Отчаиваться нельзя

Первый муж моей мамы погиб в годы первой мировой войны, оставив на ее руках четверых маленьких детей.

Было ей тогда 24 года. Более десяти лет жила она одна, воспитывая своих детей. А уж сколько трудностей и лишений испытала она за эти годы, трудно даже пересказать. А в 1925 году свалилась на нее большая беда: в один год потеряла она двух дочерей. Одну, семнадцатилетнюю, застрелил ухажер, а вторая заболела и вскоре умерла.

Горе было такое, что мама чуть не лишилась рассудка.

В это время большую славу имел в наших краях отец Егор, и многие люди обращались к нему за

всякой помощью. Пошла и она в Спас-Чекряк. После службы подошла к батюшке и рассказала ему про свое горе. Выслушал ее отец Егор и сказал: «Горе твое большое, но отчаиваться нельзя. Отчаяние – большой грех. Ты замуж выходи, дети у тебя еще будут». А маме в тот год двое делали предложение. Один пожилой вдовец, а другой – молодой, еще неженатый. Хотела мама спросить совета, за кого ей выходить, а батюшка Егор ее упредил и сказал: «Выходи за неженатого, он хороший человек». Мама послушалась и впоследствии не пожалела. Вскоре от этого брака появились мы с братом.

Хомякова Зоя Ивановна,
город Болхов.

Операция прошла успешно

Заболели у меня глаза. Воспалились, и слезы так текли, что боялась я за глаза, как бы они не вытекли. Поехали мы с мамой, Анной Дмитриевной, к врачам в город Орел. Доктор Преображенский осмотрел меня и сказал, что надо делать операцию. И хоть он уверял, что операция несложная, мы отказались. Испугались, как бы я совсем не ослепла.

У мамы двоюродный брат жил в Спас-Чекряке. Поехали мы к нему и попросили, что бы отвел он нас к батюшке Егору. Надеялись, может, он святой водой или молитвами поможет. Пришли мы в церковь, а там народу полно. Дождались, когда батюшка Егор принимать людей стал, и рассказали ему

про свое горе. Он выслушал нас и сказал: «Идите на операцию. Не бойтесь, молитесь обязательно, а помощью докторов пренебрегать не надо». А затем подошел ко мне, руки на голову мою положил и благословил: «Ну, поезжайте с Богом. Все у вас будет хорошо».

Приехали мы в Орел, и действительно, как батюшка Егор предсказал, операция прошла успешно.

Борискина Татьяна Ивановна,
город Болхов.

Совет братьям

Было это незадолго до смерти батюшки Егора. Жили мы в деревне Рогозина, ныне Хуторского сельсовета Болховского района. Задумали мой отец Виктор Афанасьевич с братом своим Никанором Афанасьевичем совместное хозяйство завести. Денег для этого накопили, но решили прежде с батюшкой Егором посоветоваться и попросить, чтобы он благословил.

Прежде все делалось с благословения священника. Разрешит батюшка, значит, сам Бог разрешает. Оттого и во всем толк был.

Деревня наша Рогозина недалеко от Спас-Чекряка находится. Пошла моя мама, Агафья Прокопьевна, туда за советом. Батюшка Егор уже болел и часто прогуливался вечерами недалеко от дома. Встретила она его и рассказала, что братья совместное хозяйство завести хотят, попросила на то благосло-

вание. Но он выслушал и в благословении отказал: «Что, копейка лишняя завелась? Не советую. Время такое подходит, что лучше не строиться и не заводить хозяйство».

Прошел год, и батюшки Егора не стало. А еще через год началась коллективизация. У кого что было – все отобрали, а у нас ни хлопот, ни забот не было.

Денежкина Мария Викторовна,
деревня Рогозина Болховского района.

Жизнь прожить – не поле перейти

Мама моя, по второму мужу Евдокия Владимировна Заболотская, жила в деревне Архипова Болховского уезда.

В первый раз она вышла замуж еще перед русско-японской войной 1904 года.

Вскоре после начала войны мужа ее, Алехина Афанасия, забрали на фронт, где он пропал без вести.

Несколько лет она жила одна, а потом посватался к ней мой будущий отец, живший в той же деревне. Был он много моложе ее и еще не женатый. Долго думала мама, как ей быть, наконец, решила пойти за советом к отцу Егору. Село Спас-Чекряк с нашей деревней Архипова рядом находится. Узнал батюшка, зачем она к нему пришла, подошел к ней, погладил по голове, вздохнул и сказал: «Выходи, что же еще делать, проживешь как-нибудь». И благосло-

вил. Вышла она замуж и прожила «как-нибудь». Не хорошо, но и не совсем плохо.

Филина Людмила Ивановна,
деревня Архипова Болховского района.

Смущение

История эта произошла в деревне Рылова Болховского уезда.

Посватался к моей бабушке местный паренек Яков, а она ему сначала отказала. Смущало ее то, что до этого он уже был женатый. А в то время выходить замуж девушке за разведенного считалось позорным. А он давай к ней приставать.

Решила она тогда положиться на Божию волю и пошла за советом к батюшке Егору. «Выходи, – сказал он, – жить будете хорошо и долго. До глубокой старости доживете». И бабушку благословил.

Как прозорливый батюшка Егор сказал, так впоследствии и вышло. Жили они дружно и долго.

Терехова Мария Степановна,
деревня Архипова Болховского района.

И будете вы исцеляться

Раньше я часто ездила в Псково-Печерский монастырь. Сначала – к отцу Савве, а после его смерти моим духовным наставником стал отец Иоанн Крестьянкин.

В 1982 году я с мужем, сыном и дочерью приехала в монастырь к отцу Иоанну. Это батюшка наш, родной, орловский. И вести с родной стороны всегда интересовали его, он часто расспрашивал меня обо всем. В этот приезд я застала отца Иоанна необычайно взволнованным и радостным. Он усадил нас за стол и сразу же повел разговор о батюшке Егоре Чекряковском.

«Ах, Манечка, знал я батюшку Егора. Пешочком к нему от Болхова ходил. Святой был человек». А потом вдруг сказал: «А не поставить ли нам памятник ему?! Денежки у нас для этого найдутся...» И он дал нам тысячу рублей.

Возвратившись домой, мы с мужем стали думать, как это сделать. Время было доперестроечное, и прославлять духовных подвижников, а тем более ставить им памятники, властями не одобрялось. Опасались мы, конечно, не за себя, а за своих сыновей. У нас их трое, и все служили офицерами в Советской Армии. Боялись мы им навредить, но потом все же решились.

Большую помощь нам оказал бывший директор Болховского Дома старчества Павел Прокопьевич Смыков, ныне пономарь церкви Михаила Архангела в Орле. С его помощью мы заказали в Орле памятник, тайно привезли его и спрятали в Доме старчества. Назначили день, а точнее ночь, когда везти его в Спас-Чекряк. Ехать мы решили в 4 часа ночи, чтобы не привлекать внимания соседей и нежелательных свидетелей.

Весь вечер было у меня на душе беспокойно. Нас всего трое, старых и слабосильных, а памятник большой и тяжелый. «Как же мы его будем снимать с трактора и устанавливать, ведь и не поднимем, нам это не по силе», — думала я.

Так в тревоге и с беспокойной душою, уже за полночь, на короткое время я заснула. И приснился мне сон, что едем мы на тракторе, везем памятник, а мысли у меня все те же: тревожные и беспокойные... Вдруг вижу: догоняет нас другой трактор с прицепленными к нему двумя тележками. На правой стоит с покойником открытый гроб, а на второй полным-полно малых ребятишек. Словно шляпки грибов из кузовка, торчат их белые головки.

Только поравнялась с нами первая телега, вижу, покойник голову поднял. Смотрю, а это батюшка Егор, такой, каким я его знаю по фотографии. Глянул он на меня и говорит: «Не волнуйся. Я сам все сделаю».

Обогнал нас трактор и поехал вперед, а я проснулась. Приехали мы на место, а тут, на наше счастье, завхоз и учитель местной школы подошли и нам очень помогли. Они почти все сами и сделали.

Когда снимали с трактора памятник, трактористу Николаю Ночкину придавило руку. Опухла она и посинела. Решили мы ее в святом колодце обмыть. Помыл Николай руку, посидели, попили святой водички из колодца, и часа не прошло, как опухоль совсем сошла, а боль утихла. Тут вспомнили мы о сыне тракториста: он с детства был больной ногой.

ми, лежал недвижимый. И в следующий раз мы взяли его с собой. Привезли, ноги ему святой водой облили и тряпкой обтерли.

Посидел он с нами немного, а потом вдруг поднялся и стал ходить. Вот тут уж воистину было чудо!

А другой раз мне батюшка Егор приснился в следующем году, перед Крещением. И было это так.

У нас еще осталась часть денег, данных нам отцом Иоанном Крестьянкиным. Решили мы на них святой колодец почистить и подремонтировать. Старый сруб почти сгнил, осел и сровнялся с землей. Стала туда грязь течь. Павел Прокопьевич Смыков нам опять помог. Заказал где-то бетонные кольца, и из них мы решили сделать сруб. И в предшествующую ночь, как ехать в Спас-Чекряк, приснился мне сон, что будто иду я и сама не знаю где. Местность вокруг как бы знакомая и незнакомая. Вдруг вижу: домик небольшой стоит. Зашла туда, а там пол земляной, а на нем и мусор, и хлам всякий валяется. А из-под земли что-то блестит, похожее на золото.

Стала я землю сначала ногами, а затем руками разгребать и батюшку Егора откопала. Вдруг он зашевелился и начал вставать. Тут на меня страх такой напал, что нет мочи. Хотела я бежать, а он мне говорит: «Постой, не беги. Ты меня не бойся. Я теперь буду вас здесь святой водой окроплять. И вы будете исцеляться».

Тишина Мария Кузьминична,
город Болхов.

Наследник

Супруги Истратовы, Дарья и Иосиф, жили в деревне Скородумка нашего Болховского уезда.

Много лет они хотели иметь сына, но рождались дочери. После многолетних молений и просьб у Бога дать им наследника они решили взять мальчика из приюта и усыновить его. Кто-то из соседей посоветовал им съездить к батюшке Егору за благословением.

Приехали они в Спас-Чекряк, но батюшка их не благословил. Сказал: «Не надо брать, у самих скоро будет свой наследник». Начали они тогда его благодарить за радостную весть, а батюшка Егор улыбнулся и сказал: «А доживать вы свой век будете все-таки у дочери».

Прошло много лет, и ясно стало, что пророчество отца Егора исполнилось в точности. Вскоре у них действительно родился сын. Но недолго радовались родители на своего наследника. Как только он подрос, то оставил родителей и уехал в Куйбышев. Там он и прожил свою жизнь. Домой приезжал редко. А Дарья с Иосифом, как батюшка Егор и предсказал, последние годы жили у дочери Марии. Мария Иосифовна и сейчас еще жива. Живет она там же – в деревне Скородумка, что находится недалеко от Болхова.

Тишина Мария Кузьминична,
город Болхов.

Непослушание

Это было в середине 1920-х годов. Жили мы в то время в деревне Хожайново Болховского уезда. Посватался к моей старшей сестре Марфе местный парень Андрей Кирюхин, а она не знала, как ей быть. Он и нравился моей сестре, и не нравился. Мама наша, Надежда Марковна, ей говорит: «Пойдем в Спас-Чекряк к отцу Егору, если он тебя благословит, то тогда выходи». Поехали они к батюшке Егору, рассказали про жениха Андрея, что посватался, а они не знают, как им быть. Батюшка Егор подошел к ней, погладил по голове и благословил на брак.

Вернулись они из Спас-Чекряка и хотели так и поступить. А тут на горе подружка сестры к нам пришла. Узнала, что батюшка Егор благословил Марфу за Андрея замуж выходить и давай жениха всячески корить, а над сестрой смеяться. Он и ростом высок и худой, как жердь. В хозяйстве от него не будет прока. И так раскорила, что сестра за него замуж не пошла. Через полтора года она за другого парня вышла из нашей деревни — Ивана Самсонова. Но не жизнь у нее была, а каторга. Пил он и гулял. Родила она от него троих детей, а он связался с одной приезжей женщиной, а ее бросил. Андрей Кирюхин тоже вскоре женился, но, в отличие от моей сестры, до конца жизни жил с женой хорошо. Вот что значит батюшкино благословение и неисполнение его.

Иванушкина Евдокия Максимовна,
город Болхов.

Враг рода человеческого отводит

Много страданий было мне от разных болезней, но особенно от туберкулеза. Как он меня мучил, об этом трудно даже рассказывать. Кровь от легких, бывало, так шла, что по две банки набиралось.

Как-то раз я так сильно захворала, что уже думала — конец мой настает. Легла я на кровать и не заснула, а как бы впала в забытие. И привиделось мне, что иду по незнакомой дороге, а навстречу мне люди то и дело попадают. И у каждого в руках бидон или банка. Остановила я одну женщину и спросила, что люди в банках и бидонах несут? А она мне сказала: «Святую воду из колодца». Стала я расспрашивать ее, где этот колодец и как туда пойти. Повернулась она вполоборота, указала рукой в сторону и сказала: «Там колодец, иди туда».

Пошла я в указанном направлении, по дороге ведро нашла. Вот, думаю, оно мне кстати. Пришла я к колодцу, а там людей тьма. Старых и малых. Каждый подходит к колодцу, набирает воду и отходит. Дождалась я своей очереди и стала воду в ведро наливать, а люди мне говорят, что в ведро нельзя. Это — святая вода, поэтому надо, чтобы емкость закрывалась. Бросила я ведро, стала вокруг смотреть, во что бы налить, и пустую бутылку увидела. Налила я в нее святой воды и пробкой бумажной заткнула. Присела я отдохнуть недалеко от колодца и тут только заметила, как здесь хорошо. Посидела немно-

го, посмотрела на людей, ну, думаю, пора обратно идти. И только об этом подумала, тут же очнулась. Встала и почувствовала себя лучше. И хоть болезнь не прошла, но кризис прошел, и кровотечение прекратилось.

Хотелось мне после этого сходить в Спас-Чекряк за святой водой, но так, к своему стыду, не сходила я туда по сей день. Тут уж, видно, воля не моя. Каждый раз, как только туда соберусь, так враг рода человеческого разными делами отводит.

- Герасимова Мария Михайловна,
деревня Фандсевка Болховского района.

Предсказание сбылось

У моей мамы Марии Федоровны Гулидовой сильно болели ноги. Бывало даже так, что ходить она не могла, и ей часто приходилось обращаться за помощью к отцу Егору. Лечил ее батюшка Егор святой водой и молитвами. Дал он ей святую воду и сказал, что с ней делать. Дома нагревала она полведра воды, выливала туда святую воду и парила ноги. И от этого маме становилось лучше. Проходило время, начинали ноги опять болеть, и тогда вновь она собиралась и ехала к батюшке Егору за помощью.

Однажды поехала мама в Спас-Чекряк и меня с собой взяла. Увидел меня батюшка Егор и маме сказал: «Хорошая девочка. Вырастет – замуж за сироту выйдет. А жить будут хоть и бедно, но дружно и хорошо».

Было это в начале 1920-х годов. С тех пор много воды утекло. И теперь вот уже в самом конце жизни могу уверенно сказать, что батюшка Егор мне все правильно предсказал. И муж у меня был сирота, и жизнь свою долгую прожила я хоть в бедности, зато счастливо.

Кузина Павлина Васильевна,
город Болхов.

Наказание шалуна

Мама моя, Кашина Анна Михайловна, была лично знакома с батюшкой Егором и много нам рассказывала о нем. И даже после его смерти ходила она, как и прежде, по всяким вопросам в Спас-Чекряк. Нам же мама говорила: «Батюшка Егор велел на могилку к нему приходить. Он теперь у Престола стоит и поэтому нам еще больший заступник».

И действительно, сходит мама с какой-нибудь просьбой в Спас-Чекряк, и она тут же исполняется. А если болела, то лечилась земелькой с батюшкиной могилки и водой из святого колодца. Земельку завязывала она в платок и клала на ночь под подушку, а сама в мыслях за помощью к нему обращалась. А святую водичку пила утром натошак и вечером, перед сном. И удивительное дело – прожила она 92 года и очень редко болела.

История, которую я хочу рассказать, случилась на моих глазах лет через 20 после смерти батюшки Егора.

Пошла мама с подругой в Спас-Чекряк за святой водой, а за ними 15-летний племянник той подруги увязался. В то время могилка батюшки Егора и святой колодец были не такими, как сейчас. Колодец был низкий и мелкий, а на могилке еще не стояло ни ограды, ни креста. Многие люди, из тех, что приходили в Спас-Чекряк, клали на могилку или у колодца деньги, в основном – мелкие монеты. А жившие там еще с дореволюционной поры две монашки, бывшие воспитанницы приюта, собирали эти деньги на крест. Увидел мальчик деньги, прельстился и их забрал. Вернулись они домой, а через несколько дней мальчик вдруг без всякой причины заболел. Покраснели и опухли у него по локти руки. Стали они думать и гадать, отчего такая напасть, а тут шалун и признался, что деньги своровал.

Поохали мама с подругой, поохали, но делать нечего, вновь поехали в Спас-Чекряк. Приехали, деньги на место положили и монашкам рассказали про свое горе. Стали спрашивать у них, что делать и как быть. Но те тоже не знают. Сперва начали разные советы давать, но потом вдруг вспомнили, что батюшка Егор любил молебен Пресвятой Богородице служить, и посоветовали заказать Ей, Царице Небесной, молебен в Болхове. Вернулись они домой, сделали, как им монашки посоветовали, и мальчик тут же выздоровел. Опухоль сошла на удивление так же быстро, как и появилась.

Никишина Полина Михайловна,
город Болхов.

Земелька помогла

Заболели у меня ноги, опухли и болели так, что ходить не могла. Врачи направили меня в Орел. Больше месяца пролежала я там в больнице, стало мне лучше, но полностью болезнь не прошла. Выписалась я из больницы, а через два месяца болезнь вновь обострилась. И не было мне покоя ни днем, ни ночью.

Пришла я как-то к Анне Михайловне Кашиной. Я учила ее внучку Марину и зашла по школьным делам, и с бабушкой разговорилась. Пожаловалась ей на свою болезнь и сказала, что ноги сильно болят, еле хожу. А она мне говорит: «Я тебе земельки с могилки отца Егора дам. Он тебе поможет. Насыпь по щепотке в носки и так ходи. Болезнь в два счета пройдет». «Какого отца Егора?» – спросила я. «Нашего, из Спас-Чекряка», – ответила она.

Хоть я и не верила в то время в Бога и никогда не слыхала про отца Егора, решила все же попробовать. Насыпала я, как бабушка мне велела, по щепотке земли, стала так ходить и очень скоро вылечилась.

Киндюхина Серафима Николаевна,
город Болхов.

**Батюшка Егор посоветовал,
а Царица Небесная помогла**

Замуж моя мама Анна Михайловна выходила за моего отца Михаила Афанасьевича по любви.

Был он высокий ростом, красивый, да к тому же знатный кузнец. Одно только смущало маму – любил он выпить. Прожили они несколько лет и вдруг отец так запил, что жить с ним стало нельзя. Пыталась мама его оставить, но ничего из этого не получалось.

Решила тогда мама с ним развестись. А перед тем пошла она к батюшке Егору в Спас-Чекряк за советом и благословением. Но он, выслушав ее, в благословении отказал. «Не бросать, а молиться за мужа надо, – сказал батюшка Егор, – ведь сам Господь Бог соединил венцы ваши и благословил вас на совместную жизнь. И, может быть, на то и соединил, чтобы ты его спасла. Молись! Проси Царицу Небесную, она в этом деле первая помощница».

После этих слов мама раздумала уходить от отца. Стала она просить Пресвятую Богородицу, чтобы та помогла, ходила в церковь и заказывала ей молебны. И отец пил меньше, а бывало, что и не пил много месяцев вообще. А трезвый, как человек, он был хороший.

Так вот батюшка Егор посоветовал, а Царица Небесная помогла. Прожили они свою жизнь вместе до самого конца. За терпение и доброту наградил Бог маму здоровьем и долголетием. Умерла она на 93-м году.

Никишина Полина Михайловна,
город Болхов.

Исполнилось в точности

У моей мамы Ольги Ивановны Москвитиной нас было трое, все девочки. Жили мы в Болхове. Когда мы подросли, пошла мама к батюшке Егору спросить совета, куда нас определить.

В то время велика была слава о нем, и многие жители нашего города ходили к нему в Спас-Чекряк за советом и помощью. Выслушал ее батюшка Егор и сказал: «Не волнуйся. Устроятся они хорошо. Старшая и средняя портнихами будут, а младшая (это он имел в виду меня) учительницей станет».

Прошли годы, и время показало, что все, что батюшка Егор маме напороочил, исполнилось в точности.

Гущина Зинаида Андреевна,
город Болхов.

Неудачная покупка

Родители мои Иван Семенович и Анна Васильевна Поповы жили в деревне Близна Болховского уезда. И с ними там вот такая история случилась.

Надумали они корову купить. Собрался отец поехать за ней на базар в Белев. А в то время было принято все делать по благословению священника. Вот мать отцу и говорит: «Сходил бы ты к батюшке Егору, – он наш приходской священник был, – за благословением. Покупка дорогая и дорога дальняя. Мало ли что может случиться». Отец вначале отне-

кивался, а потом все же пошел. Наша деревня от Спас-Чекряка недалеко находится. Вернулся он быстро, но пришел недовольный. Матери сказал, что батюшка Егор подождать велел. И тут же начал ругаться... «Чего ждать? Подумаешь, не благословил! Ехать надо, пока деньги не потратили!» В общем, ругался до тех пор, пока не настоял на своем.

В следующий выходной день поехал отец за коровой в Белев без благословения. Купил он там корову, да только по недосмотру взял телую. Повел ее домой, а путь из Белева до Близны не близкий. Стал он переправляться с ней через небольшую речку, а она вдруг телиться стала. Ничего не смог поделаться отец, так она на берегу и подохла. Вернулся он домой весь черный. С тех пор мои родители больше ничего не делали без батюшкиного благословения.

Жучкова Елизавета Ивановна,
город Болхов.

Божия помощь

В 1920 году мои родители Тит Николаевич и Агафья Васильевна вынуждены были переехать жить на Украину. В Болхове в то время голод был, а на Украине с продуктами было лучше. Отец устроился там на работу в милицию, а кем мать – за давностью лет не помню.

Вначале жили мы хорошо, но потом пришла беда. Отец завел любовницу и ушел жить к ней. Пожили мы немного одни, помучались, а затем верну-

лись в Болхов. Приехали, а как жить, не знаем. Дом и хозяйство, когда уезжали мы на Украину, продали, а нас у мамы было шестеро. От разных думок она, бедная, почернела вся. Что делать? Пошла мама за советом к батюшке Егору в Спас-Чекряк. Пришла, расплакалась и стала жаловаться на свою горькую участь. А батюшка Егор выслушал и давай ее успокаивать. «Не печалься! – говорит он, – Господь Бог тебя не оставит. Молись, проси Бога! Поможет так, что многие тебе еще завидовать будут. И я, грешный, за тебя помолюсь».

Вернулась мама из Спас-Чекряка спокойная и даже радостная. Нам сказала: «Не пропадем, дети, батюшка Егор за нас молиться будет. И Бог нам поможет».

А вскоре действительно пошла нам помощь со всех сторон. То вдруг расщедрился к нам сосед, где мы жили первое время на квартире, и нам телку предложил. «Когда будут у вас деньги, – сказал он маме, – тогда и отдадите». То мамина сестра дала нам несколько кур и овечку. С Божьей помощью купили недорого поросенка. Так постепенно и вылезли из нужды. А потом так зажили, что многие люди нам даже стали завидовать. Вырастила и воспитала нас мама всех шестерых, а батюшку Егора до конца дней своей жизни чтила и с благодарностью его поминала.

Богданова Наталья Титовна,
город Болхов.

Рассказ дяди

Мой дядя Николай Иванович Пряхин, вспоминая об отце Георгии Коссове, рассказывал мне следующее.

Жили они в Болхове. Семья была большая и дружная. Когда старший брат дяди женился, решили родители второй дом купить, чтобы было где жить молодому потомству. Пошла его мать в Спас-Чекряк к отцу Георгию, чтобы он благословил. В то время все так делали. Но батюшка Егор выслушал ее и в благословении отказал. Сказал, что скоро и в этом доме жить некому будет. Было это незадолго до октябрьского переворота.

Послушались родители батюшку Егора и не пожалели. Вскоре его предсказание сбылось. В 1917 году канатную фабрику у них отобрали. Отец этого не перенес: сначала занемог, а затем заболел тифом и умер. А матери пришлось бросить все и всей семьей срочно бежать из Болхова. Их как представителей богатого сословия собирались арестовать, как заложников.

Зулидов Виктор Алексеевич,
город Болхов.

Блаженный Серафим

У одной женщины, жившей на Никольской, ныне Ленинской улице, недалеко от того места, где сейчас находится аптека, родился ребенок-инвалид.

Болезнь у мальчика страшная была: руки и ноги были без костей. Надумала мать сдать его в детский дом, но кто-то из соседей посоветовал ей сходить в Спас-Чекряк к батюшке Егору. Послушалась она, пришла к нему и рассказала про свое горе. Про то, что хочет она своего сына-инвалида сдать в детский дом.

Но батюшка Егор на это не благословил. «И не думай от него отказываться, – сказал он. – Расти и воспитывай. Это же кормилец твой». Ушла она от отца Егора обескураженная: «Как же инвалид без рук и ног может быть кормильцем?» – думала она. Но совета батюшки Егора послушалась. Время подтвердило его правоту. Жили они в большой нужде, и часто матери приходилось побираться. А когда мальчик подрос, стала мать сажать его на разных углах, чтобы он просил милостыню. Многие старые люди помнят того калеку. Это был небезызвестный в Болхове Серафим Николаевич Плотников.

Где он выучился грамоте, я не знаю, но читал он неплохо. А если ему надо было что-то написать, он вставлял карандаш в рот и так писал. До войны он почти каждый день сидел на центральной улице и просил милостыню. Как калеке, подавали ему многие. Правоохранительные органы неоднократно преследовали Серафима, но ничего поделать с ним не могли. А может быть, просто жалели или не хотели с таким связываться.

В начале 50-х годов он построил себе дом и неожиданно для всех женился. Жена родила ему двух

дочерей. Так он и жил в Болхове, пока не умерла жена. А после похорон жены за ним приехала дочь из Орла. Дом продала, а его забрала к себе. О дальнейшей судьбе Серафима мне ничего не известно.

Зулидов Виктор Алексеевич,
город Болхов.

Благословил батюшка на всю жизнь

Дом на улице Пушкинской, бывшей Новосильской, в Орле, там, где находится ныне кожный диспансер, до революции принадлежал Евгении Степановне Авдеевой. Еще до замужества дала она Богу обет, что если будет богата, то откроет в Орле приют для сирот и бедных детей.

И в замужестве ей повезло. Муж был и знатный, и богатый.

Прошли годы, и слово свое она сдержала. На Нижней улице, ныне Советской, открыла она приют для мальчиков и девочек, которые, как тогда было принято, содержались отдельно, в двух разных зданиях.

После смерти мужа, когда сыновья ее выросли и отошли от нее, стала она очень религиозной. Узнав от кого-то, что моя бабушка была в Иерусалиме, Евгения Степановна пригласила ее в свой дом экономкой. Позаботилась она и о бабушкиных детях. Дочь Глафиру, позднее мою маму, взяла к себе на воспитание, а сына устроила в приют. Там он получил образование, а потом выучился на машиниста.

Когда мама выросла и стала совершеннолетней, то хозяйка нашла ей богатого, с большим именем жениха. Но у мамы уже был другой жених на примете – Митрофан, хоть и бедный, но зато любимый. А Евгения Степановна стала настаивать. «Выходи за богатого, с ним не пропадешь», – твердила она маме. Хотела хозяйка, чтобы и бабушка ее поддержала, но та сказала: «Дело ее, пусть сама решает».

Неизвестно, как бы решилось дело, если бы не вспомнила Евгения Степановна батюшку Егора из Спас-Чекряка. Он, когда случалось ему приезжать по делам в Орел, часто останавливался у хозяйки. И в доме все отца Егора знали и нередко ездили к нему.

И надумала хозяйка послать бабушку к нему в Спас-Чекряк: как он скажет, пусть так и будет. Приготовила она для батюшки Егора гостинцы, а бабушке сказала: «Ответ пусть напишет мне собственноручно».

Приехала бабушка в Спас-Чекряк, вошла в дом к отцу Егору (она там не раз была), а батюшка стоит к ней спиной, вроде не видит, а сам говорит: «Да, да. Нам нужны большие дома и богатство. Но только вот для спасения нашего это совсем не нужно...» А кому говорит, неизвестно – в комнате больше никого нет. Потом вдруг повернулся к двери, увидел бабушку и сказал: «А-а, Екатеринушка приехала! Ну, проходи. Садись». Отдала она ему гостинцы и письмо и сказала, что хозяйка просила дать ответ собственноручно. «Ну что же, – сказал батюшка Егор, – сейчас же и отвечаю». Сел и написал: «Господь Бог и я, грешный,

благословлю выходить за Митрофана». А письмо хозяйки даже не распечатал! Вот какой был провидец.

Затем позвал кого-то и велел гостинцы в приют отнести. А когда подошло время бабушке уезжать, он и ей попророчил. Сказал, что молодые будут жить сначала в достатке, а потом победнее. Но жить будут долго и любить друг друга до конца.

Возвратившись в Орел, бабушка отдала ответ хозяйке, та прочитала и сказала: «Против батюшки Егора я не пойду. Раз он благословил за Митрофана, пусть выходит». Так вот и повенчались Глафира и Митрофан, которые стали впоследствии моими родителями. Жили они до глубокой старости мирно и дружно. Шесть детей имели. Всех воспитали и вывели в люди.

Неделина Александра Митрофановна,
город Орел.

Свои дети будут

Мои родители Яков Васильевич и Матрена Константиновна Родиные семь лет после свадьбы не имели детей. Жили они в то время в селе Рыдань Карачевского уезда. Кто виноват и в чем причина, они выяснять не стали, а раз нет своих детей, то решили на воспитание взять сиротку из приюта. За советом и благословением пошла к батюшке Егору в Спас-Чекряк моя будущая бабушка Пелагея Нефедовна.

Пришла она туда, дождалась, когда служба в церкви закончится, и рассказала батюшке Егору, с

чем и зачем к нему пожаловала. Выслушал ее батюшка Егор, поморщился и сказал: «Передай им, раба Божия, что я не советую и даже не разрешаю делать это. Дети у них еще будут. И много».

Вернулась Пелагея Нефедовна из Спас-Чекряка и передала молодым батюшкин совет. Послушались они батюшку Егора, а вскоре, как он и предсказал, мама стала рожать и в дальнейшем родила девять детей: шесть девочек и три мальчика.

Лядских Елена Яковлевна,
город Болхов.

Исцеление рук

В самое лихолетие, когда шла гражданская война, случилась со мною беда. Заболели у меня руки. Стали они как бы отмирать и в тот момент становились словно восковые. Чтобы привести руки в прежний, нормальный вид, приходилось их долго растирать. И такое случалось часто. Повезла меня мама к батюшке Егору в Спас-Чекряк. Выслушал он нас, родимый, затем дал домой святой воды, и маме объяснил, что с ней делать. Дома мама нагревала в чугушке простую воду; затем лила туда святую, и в той воде я руки парила. Сколько времени меня мама так лечила, не помню. Но слышала от нее, что болезнь прошла быстро. Так я и исцелилась.

Полякова Евдокия Никитична,
город Болхов.

Воспоминание очевидца

Батюшку Егора помню хорошо. Был он большой ростом и собою статный.

От церкви до кладбища у нас дорога была, а по краю ее овражек прорыт. Одна сторона у дороги высокая, а другая низкая. Любил батюшка Егор вдоль этого ровочка ходить. Часто видел я его там. Бывало, приду вечером в Спас-Чекряк, а он по той дорожке ходит. Когда засуха, долго не было дождя, выходил он в полном облачении и ходил по этой дорожке, читая молитвы. Отчитает – глядишь на другой день дождь пойдет и засухе конец. А бывало и наоборот. Соберутся черные грозные тучи над селом, выйдет он на ту дорожку с крестом в руках и другие молитвы уже читает. Тут вдруг подует ветер и разгонит тучи. Старые люди говорили, что при нем – а прожил он в Спас-Чекряке 43 года – не было у нас ни одного градобоя. А еще случалось так: напозвет мохнатых червей целая тьма и все заплоняет. Конец, думаешь, всему. Народ в этот момент к отцу Егору: «Ну, батюшка, выручай нас, иначе пропадем». Обойдет он с молебнами поля, и через день или два все черви до единого исчезнут.

Когда он умирал, всем говорил: «Я никуда от вас не денусь. Буду всегда с вами. Приходите ко мне на могилку, как к живому». Умер батюшка Егор 26 августа 1928 года, а похоронили его 29 августа в день Иоанна Постного. Проводить батюшку в последний путь приехали, как говорили в народе,

40 епископов, архиереев и священников. А уж простого народа пришло не счесть.

Вскоре после смерти стали его родных выселять. Помню, как вывели из дому матушку Александру и посадили на подводу. Кто-то из односельчан накинуд на нее тулуп. На другую подводу сели дочь Елена с двумя мальчиками и ее муж Николай – псаломщик нашей церкви. Хороший он голос имел. Многие люди даже из дальних деревень приходили в церковь, чтобы его послушать. А перед тем, как их стали выселять, бегала Елена по дворам и разносила в узлах своим знакомым наиболее ценные вещи. А что не успела спрятать, то вскоре после их отъезда люди растащили. Было это в феврале 1929 года.

Церковь наша еще действовала несколько лет. Служил там отец Иоанн, но не долго. Вскоре ее закрыли, а в 1937 году разобрали на щебенку и кирпичи.

В здании детского приюта с 1924 года находилась семилетняя школа крестьянской молодежи – ШКМ. В 1930-х годах ее преобразовали в общеобразовательную среднюю школу. В годы войны там находился немецкий штаб, и, отступая, немцы то здание взорвали.

Батюшкин дом и прочие возведенные им постройки все также были уничтожены во время войны. Кондрашкин Василий Егорович,
поселок Пробуждение Болховского района.

Батюшка велел потерпеть

Родилась моя мама Пелагия Ивановна Малеева в деревне Кузьминки Карачевского уезда, а после замужества перешла жить к мужу Андриану Сысоеву в село Руднево Болховского уезда. Семья, куда она попала, была большая. Родители отца, три брата и три замужние сестры жили под одной крышей. У одной из сестер, Марфы, в годы первой мировой войны погиб муж, и от этого сделалась она злой и лютой. Очень возненавидела Марфа мою мать и по всяким пустякам к ней придиралась. Мама вначале терпела, но когда стало невозможно, решила она от них уйти. К этому толкало ее еще и то, что три года у нее не было детей.

Как-то пошла ее двоюродная сестра в Спас-Чекряк к отцу Егору и по дороге зашла к маме. Та пожаловалась ей на свою жизнь и сказала, что хочет уйти от мужа. Провожая сестру к батюшке в Спас-Чекряк, мама велела спросить у него совета, как ей быть. Уйти от мужа или нести и дальше свой крест, продолжая терпеть муку? На обратном пути сестра вновь зашла к маме и сообщила, что батюшка Егор не велел уходить. Он передал, что дети у нее будут и в дальнейшем она с мужем будет жить хорошо. Мама послушалась и осталась жить в семье отца.

Прошло около десяти лет. У родителей моих было уже трое детей, но жизнь ее была по-прежнему несносная. И она вновь надумала уйти из той семьи. Причиной тому была опять Марфа. Уж очень

она лютовала. А еще соседи поговаривали, да и сама мама замечала, что стала она с нечистой силой знаться. Маме от этого было много вреда. То сильное недомогание на нее найдет, то прорези словно от бритвы на постельном белье и на одеждах сами по себе появляться станут. Начнут тогда мои родители между собой без особой причины ругаться. А еще корова часто не давала молока. Пошла она тогда сама к батюшке Егору в Спас-Чекряк, чтобы он ее на это благословил. Выслушал он маму, но в благословении отказал. «Потерпи, – сказал батюшка. Скоро она тебя оставит в покое». Так вскоре и вышло. Уехала золовка Марфа Фирсовна к сыну в Ленинград и там скончалась.

С тех пор беды в нашей семье прекратились, и мои родители стали жить мирно и хорошо.

Сысоева Вера Андриановна,
город Болхов.

Рассказ соседки

Моя соседка, Пелагия Ильинична Венедиктова, мне рассказывала. В молодости пошла она к батюшке Егору в Спас-Чекряк, чтобы он ей попророчил, когда она замуж выйдет и что ее в жизни ждет. После окончания службы подошла к батюшке Егору и рассказала, зачем пришла. Выслушал он ее и сказал: «Замуж выйдешь за разведенца. Будут у вас четверо детей. Жизнь свою проживешь не то чтобы очень уж хорошо, но и не совсем плохо».

Прошли годы, и выяснилось: все, что батюшка Егор ей предсказал, исполнилось в точности.
Орехова Людмила Васильевна,
город Болхов.

Два примера

Посватался к моей старшей сестре Александре Акулиничевой местный жених, проходу не давал, хотел на ней жениться. Сестра согласна была выйти за него замуж, но мать не разрешала. «Куда ты спешишь, тебе только пятнадцать лет», — говорила она. Но сестра настаивала. Пошли они тогда в Спас-Чекряк к батюшке на совет. Выслушал он их и тоже, как и мать, стал от замужества ее отговаривать. «Рано тебе об этом думать, — сказал он сестре. — У тебя женихи еще впереди». И в благословении на брак отказал. Вернулись они домой, а Александра опять за свое.

Стала даже грозить, что убежит из дома. Делать нечего, выдали ее замуж в пятнадцать лет, но ничего хорошего в этом браке не было. Муж ее любил выпить и погулять. Нажили они одного мальчика Мишутку, а потом ее муж нашел себе другую женщину, а сестру бросил. Во время войны ее сына угнали немцы в Германию, и там он во время воздушного налета погиб. И прожила она до конца своих дней одна.

Вместе с моей мамой и сестрой пошла к батюшке Егору на совет и наша родственница Мария

Поливаева. К ней сватались сразу двое: наш местный житель Иван Трофимов и из соседней деревни паренек. Батюшка Егор благословил ее выходить замуж за Ивана. Мария послушалась и прожила свою жизнь хорошо.

Вот два примера. Одна спешила поскорее выйти замуж. Без батюшкиного благословения расписалась и в результате всю свою жизнь прожила одна. Другая же вышла по Божьей воле и до глубокой старости жила в достатке и согласии. Было это в селе Хотетово Болховского уезда.

Саушкина Варвара Яковлевна,
село Хотетово Болховского района.

Смерть мужа

Одна моя знакомая, теперь уже давно покойная, бабушка Мария, мне рассказывала следующую историю.

Жила она в Болхове. Замуж вышла неудачно. Муж ей попался пьяница и дебошир. Надумала она с ним развестись, но прежде решила сходить в Спас-Чекряк к батюшке Егору. Что он скажет? А батюшка Егор разводиться ей не велел. «Потерпи немного, — сказал он. — Твой муж скоро тебя и так оставит». Послушалась она, а через год то, что ей батюшка Егор попророчил, исполнилось. Напился ее муж водки так сильно, что от нее и угорел.

Мазина Прасковья Андреевна,
город Болхов.

Батюшкины советы

В 1921 году поехал мой отец Иван Петрович Белоусов на соляные копи, чтобы подзаработать, и пропал. Более года не было от него вестей. Время тогда было тревожное, всякое могло быть. Пошла мама Матрена Михайловна к батюшке Егору в Спас-Чекряк, расплакалась и у него спрашивает: «Жив ли мой Иван? Уехал на заработки и целый год от него нет вестей». А батюшка Егор говорит: «Да жив пока. Спешి домой, скоро явится». Вернулась она домой, а через несколько дней отец приехал. За давностью лет не помню, заработал ли он деньги и где пропадал, но прожил он после возвращения недолго. Вскоре тяжело заболел и скончался. Осталось у мамы на руках четверо детей. Много трудностей и всяких лишений ей пришлось перенести.

Прошло пять лет после смерти отца. Работала она у хозяина кожевенной артели Михаила Поповенкина. Мама понравилась хозяину, и он сделал ей предложение. Был он то ли вдовец, то ли еще не женатый. И мама не знала, как ей быть. Брак улучшал ее материальное положение, но на душе было что-то тревожное. Пошла она вновь к батюшке Егору и стала жаловаться на свою судьбу. Что на руках у нее четверо детей, а помощи ждать неоткуда. А батюшка ее перебил: «Как это не от кого? – сказал он. – Молись! Проси Бога, Он тебе поможет. А четверо детей – не беда. Глазом не успеешь моргнуть, как вырастут». Рассказала она тогда о главном и что в душе у нее

творится. Выслушал маму батюшка Егор и такой ей дал совет: «Время хозяев идет к концу. Так что не советую тебе замуж выходить. Нечего по свету с ним горе мыкать. Расти и воспитывай детей – Бог тебе поможет!» Послушалась она отца Егора и не пожалела. Вскоре артель у хозяина отобрали, а сам он сбежал. Всю свою жизнь помнила мама батюшкины советы, и как бы ни трудно было ей, нас она вырастила и воспитала.

Петрова Александра Ивановна,
город Болхов.

Месть

Случилась эта история вскоре после окончания русско-японской войны в деревне Хожайново Болховского уезда.

Полюбила моего отца Василия Павловича жительница нашей деревни Иванушкина Надежда, а отец ее не любил. А как только посватался он к моей матери Анне Петровне, стала она бегать к ней и грозить: «Откажись, – говорила она. – Иначе я тебя со света сживу». Колдунов и сейчас еще много в наших местах, а в те времена их было гораздо больше. Мама не послушалась ее, обвенчалась и вскоре заболела. Пошли у нее по всему телу крупные чирьи, а в животе начались рези. Пришлось ей обратиться за помощью к отцу Егору.

Лечил ее батюшка святой водой. Отчитает молитвы, даст ей святую воду домой и скажет, что с ней

делать. Дома она грела ведро воды, затем выливала туда святую воду и обмывала свое тело, а еще наказал ей батюшка Егор каждый день читать Псалтырь, что она и делала и вскоре вылечилась.

Иванушкина Александра Васильевна,
деревня Хожайново Болховского района.

Так мама и поступила

Мама моя, ныне давно покойная, мне рассказывала. Посватался к ней мой будущий отец Иван Афанасьевич, а было ей в ту пору всего 16 лет. И она не знала, как ей быть. Поехала она с родителями к отцу Егору в Спас-Чекряк за советом. А про себя твердо решила, если батюшка благословит, то она пойдет замуж, а если нет, то жениху откажет. Принял их отец Егор в большой каменной церкви, выслушал, а затем подошел к маме, положил руку ей на голову и сказал: «Час добрый. Выходи!»

Так мама и поступила. И до конца своей жизни была благодарна ему за совет.

Кузина Евдокия Ивановна,
деревня Рог Болховского района.

Назвали мальчика Егором

Моя бабушка Вера Ивановна Полтева часто вспоминала батюшку Егора и мне рассказывала. Было у нее шестеро детей, и все девочки, а ее муж, мой дедушка, хотел мальчика.

В то время многие люди из наших мест ходили пешком в Киев, чтобы помолиться святым угодникам и их о чем-либо попросить. Надумал и Никита Иванович пойти просить святых старцев, чтобы вымолили ему наследника. А перед тем как отправиться в путь, пошел он к батюшке Егору в Спас-Чекряк за благословением. Деревня наша Меркулово от села Спас-Чекряк недалеко находится. Выслушал его батюшка Егор и говорит: «Что же, хорошее дело, сходи помолись. Помощь от них будет». И благословил на дорогу.

Сходил дедушка в Киев, туда и обратно пешком, помолился святым угодникам и, как батюшка Егор предсказал, вскоре помощь от них получил. Через год родился у них сын. Назвали они мальчика Егором.

Башкурова Татьяна Романовна,
город Болхов.

Вопреки совету

Было это в 1918 году в деревне Меркулова Болховского уезда. Посватался к моей маме Марии Никитовне местный паренек Роман Толпыгин. Пошла она за советом и благословением к отцу Егору. А он ей говорит: «Знаю, что любишь. Но только не советую за него замуж выходить, рано овдоеешь. У тебя сосед есть – Николай. Вот за него и выходи».

Вернулась она домой и долго думала, как ей поступить. И после долгих раздумий вышла за того,

кого любила. Но прожили они недолго. Вскоре Романа призвали в армию. Служить попал он на флот и оттуда не вернулся. Мама говорила, что корабль, на котором он плыл, наскочил на мину и вся команда погибла.

Башкурова Татьяна Романовна,
город Болхов.

Маму вылечил, а мне попророчил

Мама моя Вера Ивановна Тимакова заболела странной трясучей болезнью. Временами на нее словно что-то находило, и ее начинало сильно трясти. Жили мы в то время в деревне Фандеевка Болховского уезда. По совету нашего приходского священника отца Николая пошла она в Спас-Чекряк к батюшке Егору. От нас это не так уж и далеко.

Лечил ее батюшка Егор святой водой и молитвами. Каждый день читала она покаянные молитвы и пила святую воду, которую приносила из Спас-Чекряка. Воду пила она два раза в день. Утром натошак и вечером перед сном. За время, пока мама болела, два раза пришлось сходить в Спас-Чекряк за святой водой и мне. В первый раз я была там со своей теткой Татьяной Кузьминичной. А второй раз одна. Увидел меня батюшка Егор и спросил: «Кому воду берешь?» А я говорю: «Больной маме». Положил он мне руку на голову и сказал: «Молодец, девочка, что о больной маме заботишься. Долго на свете будешь жить. И муж тебе хороший попадется».

Вот так нам с мамой батюшка Егор помог. Маму вылечил, а мне попророчил. И все, что сказал, то исполнилось в точности. И муж хороший попался, и вот уже 88 лет на этом свете живу.

Крысенкова Татьяна Ивановна,
город Болхов.

Разные напасти

Жила моя мама Дарья Матвеевна Митронова в селе Алешня Болховского уезда. Семья у них была большая, 15 душ. Три ее женатых брата жили в одном доме и совместно вели хозяйство.

Рядом с ними жила бабка со своим сыном. О них люди говорили недоброе. Будто бы они всякие напасти напускали на людей и животных. Много бед было от них и маминым родным. То скотинка какая-нибудь внезапно помрет, то странная болезнь с кем-нибудь из родных случится. Как-то раз заболела у старшего брата жена. Стала она кричать голосами разных животных. То замычит, то захрюкает, а то залает.

От села Алешня до Спас-Чекряка всего три версты, и мамины родные со всякой бедой к батюшке Егору ходили. Обратились они к нему и на этот раз. У него там, в селе, своя больница была. Отвезли братья мамину золовку в Спас-Чекряк, и целый месяц она в той больнице лежала. Но все-таки вылечил ее батюшка Егор, и до конца дней болезнь у нее больше не повторилась.

А еще помню, мама рассказывала мне про одну женщину, с которой она познакомилась в Спас-Чекряке. От нее она услышала следующую историю. Перед смертью попросила свекровь у нее воды, а когда стала ту кружку с водой ей подавать, схватила ее за руку и тут же померла. После этого начали по ночам к ней бесы являться. С этой бедой она и пришла к отцу Егору. Выслушал он, и велел у него остаться.

Митронова Анна Семеновна,
село Алешня Болховского района.

Смерть отца

Родители мои Николай Николаевич и Мария Николаевна Романовы были людьми верующими и благочестивыми. Они часто по всяким вопросам ходили к отцу Егору в Спас-Чекряк. Но особенно часто стала ходить туда мать после того, как мой отец, раненый и больной, вернулся с германского фронта. Болезнь иногда так схватывала его, что он не мог встать с кровати. Кровь шла у него и из горла и из легких. И тогда мама собиралась и ехала в Спас-Чекряк.

Батюшка Егор давал святую воду, и отцу становилось лучше. Иногда он даже вставал с кровати и делал что-нибудь по хозяйству. Незадолго до его смерти мама поехала в Спас-Чекряк за святой водой. Увидел ее батюшка Егор и сразу погрустнел. Дал маме святую воду и трижды повторил: «Крепись и духом не падай».

Привезла она святую воду домой, а та мутная, как из лужи набрана. И стало ей ясно, что отец скоро помрет. Вскоре так и случилось.

Шатунова Антонина Николаевна,
город Болхов.

Воспоминание комсомольского активиста

Родом я из Козельска. Родился в 1909 году. Семья наша была неверующая, ни отец, ни мать в церковь не ходили и поэтому меня к вере не приучили.

В начале 1920-х годов направили моего отца по работе начальником почтово-телеграфной конторы в Болховский уезд. Жили мы в селе Красниково, пока не пришла беда. Мне было 14 лет, когда внезапно заболела и умерла моя мать. Отец горевал недолго. Года не прошло, как он увлекся молодой учительницей и на ней женился. В дальнейшем ему стало не до меня, и я был предоставлен сам себе. Мой дружок Васька Смирнов сманил меня в Орел. С год мы проболтались в городе, а потом, узнав из газет, что в Спас-Чекряке открылась семилетняя школа, я решил поступить туда учиться. Приняли меня в пятый класс.

В то время при школе было огромное хозяйство. За ней было закреплено 240 десятин земли. Землю использовали не только под пашни, значительную часть ее занимали сад и огород. Были там лошади, коровы и другая живность. Особое место

при школьном хозяйстве занимало пчеловодство. Работали там две бывшие воспитанницы детского приюта.

В общем, школа эта, названная сокращенно ШКМ, давала нам не только знания, но и навыки к любому сельскохозяйственному труду. Жили мы дружно и весело. В деревне Близна при сельском клубе была создана первая комсомольская ячейка. Хорошо помню наших первых секретарей Савельева и Филатова. Последний потом в ЦК ВКП(б) большой пост занимал.

По инициативе из района создали мы у себя в ячейке союз молодых безбожников и повели антирелигиозную пропаганду. Что греха таить, бывало, идет служба в церкви, а мы под окнами с гармошкой во все горло свои песни поем. Работали мы небезуспешно и вскоре всю молодежь от церкви отбили. Озорные были среди нас ребята. Помню, один раз собралось нас человек шесть, и решили мы пойти к местному священнику Егору деньги на лапти просить. Зашли к нему в дом, а он в плетеном кресле сидит. Мой дружок Яшка Гурьев большой заводела был, так и брякнул ему с порога: «Дай нам, батюшка, денег на лапти. А то наши износились». А он смотрит на нас и говорит: «Лапотный век закончился. Теперь бери кнут, но и им не заставишь лапти носить». Но перечить нам не стал. Тут же позвал экономку Полину Сазонову и велел дать нам денег. Та вышла и немного погода вынесла и дала нам каждому по три рубля.

В то время, когда я жил в Спас-Чекряке, в нашей среде о батюшке Егоре плохие слухи ходили. Было ли это на самом деле, или специально выдумал кто-нибудь, не берусь утверждать, но говорили, будто он из соседней деревни мужиков обманул. Есть там деревня Бабенка, в пяти верстах от Спас-Чекряка. Так там вот какое дело произошло. Решил местный помещик мужикам землю продать. Собрались они и пошли в Спас-Чекряк к отцу Егору за советом и благословением. Дело было до революции, тогда все делалось по согласию со священником. Пришли к нему мужики, рассказали все и ждут, чтобы он их благословил. А тот им говорит: «Подождите, мужики, дайте мне несколько дней подумать. Потом я вас благословлю!» Мужики ушли, а он вызвал своего управляющего и ему сказал: «Бери деньги и срочно поезжай в Бабенку, там местный помещик землю продает». Пока мужики ждали, он ту землю для своих нужд купил. Говорили, что потом он на ней построил ткацкую фабрику. Но недолго она просуществовала. В революцию обманутые мужики разгромили ее и сожгли.

Когда умер священник Егор, мне уже было 18 лет, и этот день я хорошо помню. Приехало начальство из Болхова. Нас, комсомольцев, собрали в клубе и сказали, что на похороны приедут много епископов и священников. И дали нам указание, чтобы мы слушали, что они будут говорить. Боялись, что они антисоветскую агитацию вести будут. Мы толкались среди них и подслушивали. А они не говорили,

а ходили и пели. Пройдут шаг или два, остановятся и поют. Хорошо помню батюшкину могилку. Она была не такой, как писали о ней в местной газете «Болховские куранты». Устроили ее так. Выкопали глубокую широкую яму размером примерно 4х4 метра, а вдоль стен поставили столбы. Затем, когда гроб поставили в могилу, сделали из бревен накат, а потом уж засыпали землей. Получилась не могила, а склеп. В нем батюшку Егора и похоронили. Свидетелей тех далеких дней уже почти что нет, а из бывших комсомольцев знаю только одного Чекрыгина Ивана Никитовича. Живет он в селе Элынь нашего района. Народа же было на похоронах у отца Егора много. Пришли почти что все крестьяне из ближних и дальних сел и деревень. Было это в конце августа 1928 года. Помню я это потому, что вскоре после похорон направлен я был в Болховскую тюрьму воспитателем по политической части.

Янсон Алексей Николаевич,
город Болхов.

Светлая память

Родилась я и жила с родителями в Болхове. А старший мой брат Василий жил отдельно от нас в селе Касьяново, что находится ныне в Калужской области.

В конце августа 1928 года пошла я к нему в гости. Стала подходить к Спас-Чекряку, и вдруг вижу: народ толпами туда идет. Оказалось, батюшку

Егора хоронят. Решила и я туда свернуть. Как в далеком сне, помнится мне большой каменный храм и батюшкин гроб на большом постаменте, а вокруг него много священников. Они сильно кадили ладаном и хорошо, дружно пели. Увидела меня монашка, позвала к себе и дала кутью, чтобы я батюшку Егора помянула. Было мне в ту пору 14 лет. Живого отца Егора мне видеть не довелось, но слышала я о нем немало. Почти целый день пробыла я там, и вот что от бывших воспитанниц приюта узнала. Перед смертью к батюшке Егору многие люди приходили, чтобы с ним простится. Они плакали и говорили: «Осиротеем мы без тебя, батюшка Егор. На кого ты нас оставляешь»? А он всем отвечал: «Никуда я от вас не денусь. Буду всегда с вами. Приходите ко мне на могилку и обращайтесь, как к живому. Всем буду помогать!» Запомнила я это на всю жизнь и по всем вопросам к батюшке Егору за помощью в Спас-Чекряк ходила. И всегда он мне помогал.

Теперь из тех людей, кто был в тот день, почти никого уже на этом свете нет. Все перешли в иной мир. Скоро и я туда уйду. Но пока живу, буду батюшку Егора славить и благодарить. За его помощь мне и поддержку.

Комогорова Татьяна Егоровна,
город Болхов.

Господь не оставляет без милости

Вскоре после смерти батюшки Георгия Коссова все его родственники были арестованы, и некому было поставить на его могилку ни ограду, ни крест. Тогда жившая в Спас-Чекряке бывшая воспитанница батюшкиного приюта Надежда Дивногорская стала собирать для этой цели деньги. Была она сиротой, своих доходов почти не имела и собирала в основном те копеечки, что клали паломники батюшке на могилку.

В те годы тяжело жилось людям, особенно в сельской местности. Деньги в колхозах почти не платили, и собирала она нужную сумму несколько лет. И хоть сама Надежда Дмитриевна жила впроголодь, но все-таки набрала нужную сумму и поставила батюшке Георгию ограду с крестом.

После смерти отца Георгия прожила она в Спас-Чекряке тридцать лет и тихо скончалась. Похоронили ее там же, на самом краю кладбища. А так как была она сиротой, то был у нее на могилке вначале лишь небольшой земляной бугорок.

В начале 1980-х годов приехали по благословлению батюшки Иоанна Крестьянкина паломники из Болховской Христорождественской церкви и установили о. Георгию мраморный памятник и новую ограду. А прежнюю вместе с крестом бросили на поляне. Паломники уехали, а учителя местной средней школы вдруг вспомнили про Надежду Дмитриевну Дивногорскую, что она много лет проработала учитель-

ницей в той школе, и поставили ей на могилку и ограду и крест.

Вот уж воистину Господь Бог не оставляет без своей милости никакие добрые дела.

Овсянкина Полина Сергеевна,
деревня Архипова Болховского района.

Пророчество подтвердилось

Замуж моя мама Татьяна Дмитриевна Паничкина вышла рано. Было ей всего 15 лет, а моему будущему отцу Владимиру Семеновичу 21 год. Жили они в деревне 2-я Сурьянина Болховского уезда. Все вроде было у них мирно и ладно, но дети их умирали в младенчестве. Годы пролетали, а детей все не было у них. Тут маме кто-то посоветовал съездить к батюшке Егору в Спас-Чекряк. Собралась она, приехала к нему, а батюшка выслушал ее и сказал: «Не волнуйся. Поезжай домой, дети у тебя будут. Еще с ними нагресишь».

Прошло время, и пророчество батюшки Егора подтвердилось. Мама родила и воспитала четверых детей.

Оглоблина Екатерина Владимировна,
город Орел.

Тихая радость

Моя мама Ольга Ивановна Полтева родилась в 1898 году в деревне Меркулова Болховского уезда.

Ей было всего четыре года, когда после смерти своих родителей попала она к отцу Георгию в приют. Вспоминая о батюшке и том времени, вот что она мне рассказывала. Был он высокий ростом, но необычайно ласковый и добрый. И даже если кто-то из воспитанниц баловался или совершал нехорошие поступки, он старался обходиться без наказания.

Как-то раз перед большим двенадцатым праздником — рассказывала мама — испекли и красиво украсили праздничные пироги. Маленькие воспитанницы, польстившись, залезли в кладовую и часть из них украли. Когда это бесчинство обнаружилось, то матушка Александра попросила отца Георгия наказать виновниц. Но он сказал, что ничего страшного в этом нет.

И вместо наказания собрал их у себя в кабинете и каждую погладил по голове и отпустил с напутствиями впредь больше не огорчать старших. Отец Георгий, имея на своем попечении более 140 девочек-сироток, заботился не только о физическом, но и о духовном их развитии. С малых лет девочки знали наизусть многие молитвы и участвовали в богослужениях в церкви.

Впоследствии многие из них посвятили себя исключительно служению Богу. Это Анна Рязанцева, Полина Сазонова, Надежда Дивногорская, Аня Фокина и другие. Все они бывшие мамы подруги.

В приюте все воспитанницы батюшку Георгия любили. Называли ласково папашей и старались его не огорчать. Мама говорила, что получае-

мое в приюте образование почти равнялось гимназическому. Кроме того, девочек там приучали и к труду. Они умели не только шить, но и вышивать сложные узоры на тонких дорогих материях, вести домашнее хозяйство и выполнять разные полевые работы.

Слава о трудолюбии и кротком нраве воспитанниц распространялась далеко от приюта.

Из окрестных сел и деревень часто приезжали сватать себе невест женихи. Батюшка каждую благословлял и давал надлежащий совет.

Тут следует рассказать и о моем будущем отце. У мамы моей было два жениха. Один красавец и гармонист, другой тихий, застенчивый, из бедной семьи паренек. Мама не знала, кого выбрать из них, и обратилась за советом к отцу Георгию. А он посоветовал ей идти за второго: «Ты не смотри, что он из бедной семьи. Он будет тебе в жизни опора. Ты проживешь с ним спокойную и долгую жизнь. И пусть бедную, но тихую и радостную». Так оно и вышло.

Жизнь прожили мои родители хоть и в бедности, но зато, как и предсказал батюшка Егор, в тихой и духовной радости. Особенно благодать была в нашем доме в большие церковные праздники, когда все вокруг издавало необычайный свет чистоты, радости и покоя. В эти дни в нашем доме целый день горела лампадка, а трапеза наша была необыкновенно вкусной. Хотя и была она не из изысканных каких-либо блюд, а самая простая. Об этом не раз говорили и приходившие к нам люди.

Прошло уже несколько десятков лет, как умерли мои родители. Теперь уже и я давно пожилая женщина. Но всегда буду благодарна о. Георгию, что он благословил мне таких родителей, научивших меня возлагать надежду на Бога, благодарить Его за все его благодеяния и постоянно чувствовать помощь святого исповедника Христова славного о. Георгия. Тихая, спокойная радость выше всяких материальных благ.

Снурницына Мария Денисовна,
город Орел.

Всю жизнь чувствую помощь

Я сама хоть и не видела святого подвижника о. Георгия, но всю свою жизнь чувствовала его помощь и присутствие. Может, было это оттого, что я с самого раннего детства слышала от мамы рассказы о нем, и он прочно вошел в мою жизнь, став мне верным помощником и заступником. Дома мы хранили старое рапсовое фиолетового цвета венчалное платье, в котором батюшка благословлял ее на брак с моим отцом. После окончания школы был у нас выпускной вечер, а так как мы жили в бедности, то маме пришлось перешить его мне. С тех пор мне всегда в жизни способствовала удача и тихая, чуть приметная радость. Платье это я берегу.

Случилось это в 1947 году. В марте месяце родила я дочь, которую мы назвали Галина. Привезли

мы ее домой, а через месяц или полтора заболела она так, что глазки уже стали закатываться. Схватила тогда моя мама то платье, обернула им мою дочь и вслух к батюшке Георгию за помощью обратилась. И тут же чудо произошло. На наших глазах щечки у Галины порозовели. А вскоре и совсем болезнь прошла.

Умерла моя мама в Болхове в 1963 году и похоронена на том самом кладбище, где нашел себе вечный приют старший сын батюшки Егора, священник Георгиевской церкви о. Николай. Умер он в 1930 году, и я помню, как его хоронили. А жена Глафира Алексеевна всего только на год пережила его и тоже рядом с ним за одной оградой легла.

Помяни их, Господи, всех в Своих селениях.
Снурницына Мария Денисовна,
город Орел.

Угощение

Дело это произошло в 1921–1922 годах.

У моей бабушки была тетя Надя, которая родилась и жила до замужества в Орле. Но в 16 лет она вышла замуж и уехала с мужем на его родину в село Злынь, ныне Знаменского района.

Вскоре она забеременела, но ребенка не доносила, получился выкидыш. Так повторилось четыре раза. Она была сильно обеспокоена этой напастью. Вместе с родственниками съездила в Орел, показала докторам, но те никакой патологии у нее не

нашли. Тогда кто-то из соседей посоветовал съездить в Спас-Чекряк, к батюшке Егору.

Поехали с утра. Стоял погожий зимний день. Ехали на санях. Все складывалось удачно. За несколько километров до Спас-Чекряка лицо у Надежды исказилось судорогой. Она соскочила с саней и бросилась бежать назад. Муж догнал ее, но она стала отбиваться, и только благодаря подоспевшему свекру удалось усадить ее в сани.

Приехав в Спас-Чекряк, они по случайному совпадению или по Божьему Промыслу встретили батюшку Егора на улице. Он сам проводил их в устроенную больницу. Больная вела себя в это время тихо. Сколько она находилась там, я точно не знаю, но после излечения он ей сказал: «Покушала горячего хлебушка. Вот от этого и случилась твоя болезнь». И она вспомнила. Выгоняли хозяйки рано утром коров, тут знакомая и угостила ее теплым, только что выпеченным хлебушком. А было это примерно за полгода до первого выкидыша.

После возвращения из Спас-Чекряка родила она благополучно двух детей.

Георгий, православный,
город Орел.

ЧЕТЫРЕ ДНЯ В ДЕКАБРЕ

тро было пасмурное и холодное, но пока ехали в Спас-Чекряк, распогодилось и лучи яркого, но уже холодного солнца осветили все вокруг.

«Найдем ли сегодня батюшку Георгия», – думал я, глядя на проплывающие по обе стороны дороги, лежащие в зимней спячке окрестные поля и луга. Ехали мы туда с настоятелем Знаменской церкви в Орле о. Игорем Гапоненком на его вездеходном газике.

В Болхове заехали к внучке о. Георгия Е. Н. Потаповой и, хоть пробыли у нее недолго, к месту раскопок приехали, когда там работа кипела вовсю. Шел уже третий день наших поисков, но пока безрезультатно.

В первый день, приступив к раскопкам, решили поначалу памятник не сносить, а выкопать яму рядом с могилой и на двухметровой глубине сделать сбоку подкоп. Раскопали, подкоп сделали, но захоронения не нашли. Тогда памятник с оградой убрали

и могилу раскопали полностью, но могила оказалась пустой.

Людей в тот день приехало в Спас-Чекряк видимо-невидимо, все ждали торжественного открытия святых мощей, но этого не произошло. Растерялись не только миряне, но и священники. У всех на лицах возник недоуменный вопрос. Сколько лет ездили сюда на могилу к святому угоднику, а она оказалась пустой! Кто-то из священников сказал, что меня ищет Владыка Паисий, и, когда я к нему подошел, он с тревогой меня спросил: «Как же так, Николай, почему не нашли?» Вопрос этот был задан мне неспроста и по существу. За неделю до раскопок мне было поручено выехать в Спас-Чекряк, чтобы расспросить старых жителей и еще раз уточнить месторасположение могилы. Владыка словно предчувствовал, и когда я вернулся, он прежде всего меня спросил: «Может ли так случиться, что могилу мы раскопаем, а отца Георгия там не найдем?»

«Вполне может быть, — ответил я. — Ведь могилу два раза ровняли с землей, да к тому же, когда ломали церковь, тут вокруг была гора мусора и щебенки. Отмечала место захоронения веточкой жившая в Спас-Чекряке батюшкина воспитанница, но она могла и ошибиться».

Начали вести раскопки вокруг могилы и наверняка бы копали до самой темноты, энтузиазма и решимости было у всех хоть отбавляй, но тут вдруг поломался экскаватор, и Владыка Паисий благословил всех разъезжаться по домам.

Нелегко было смириться с тем, что произошло, но на то, видно, была Божья воля! На другой день по моей просьбе на место раскопок районные власти из Болхова доставили свидетеля тех далеких лет девяностолетнего Алексея Николаевича Янсона. В день смерти отца Георгия ему, как активному члену комсомольской ячейки, было поручено присутствовать на похоронах и слушать, что будут говорить в своих проповедях священники. Ведь проводить батюшку Георгия в последний путь приехало большое количество епископов и священников, и власти боялись, что они будут вести антисоветскую пропаганду. А еще он был единственный из всех свидетелей, который утверждал, что памятник стоит не на том месте. В его воспоминаниях, записанных мною еще два года назад, в отличие от других очевидцев, все было по-иному. Он утверждал, что гроб с телом отца Георгия не обносили вокруг церкви, а вынесли и тут же похоронили недалеко от входа в церковь. И хоть многие священники с сомнением отнеслись к его словам, копать все же начали, где он указал. И конечно же ничего не нашли. Умышленно он нас сбивал и путал или сам за давностью лет забыл – Бог ему судья. Мы же после короткого совещания стали копать от этого места вдоль фундамента к алтарю короткие, но глубокие траншеи, и часа через полтора наткнулись на захоронение.

В тот день людей в Спас-Чекряке было не так много, как в первый день, и все замерли, когда ковш экскаватора зацепил и частично сорвал верхнюю

крышку гроба. «Батюшку Георгия нашли», — крикнул кто-то радостно. И тотчас же несколько человек спрыгнули в яму и стали расчищать гроб. Но вскоре радость сменилась недоумением и грустью. Всем стало ясно, что это не батюшка Егор. Во-первых, гроб был не из досок, а выдолблен из толстого кругляка. Такие домовины делали на Руси еще в допетровские времена, но между тем было видно, что сам покойный был похоронен лет 70–80 назад.

Сохранилась частично обувь и даже покрывало, которым покойник был накрыт. Сразу же возникло множество вопросов. Кого еще, кроме священника, могли похоронить около церкви, а то, что он не священник, было ясно из того, что был он в мирской одежде и на нем не было креста. Кладбища здесь никогда не было, а церковь построили только в 1903 году. Все взоры были обращены ко мне, но я и сам был в недоумении.

О том, что тут рядом с каменной церковью было еще две могилы, я слышал от бывшего учителя местной школы И. П. Миронова, но тогда почему-то значения этому не придавал. Но помнил, что в одной из могил похоронен был псаломщик Гурнов Едесей Васильевич, а в другой местный помещик Покровский, имя и отчество которого я не помнил. За что заслужили они такой чести — быть похороненными рядом с церковью и почему не в обычном гробу, а в домовине, я мог только предположить. О псаломщике Гурнове я знал из метрических книг, которые частично сохранились в архиве, что проработал он с ба-

тюшкой Георгием более двадцати лет. Был крестным отцом его сына Тихона. Но после 1916 года его имя в церковных книгах уже не упоминалось. Может быть, он преставился в этот год, а может быть, предчувствуя приближающую смуту, впал в юродство и сам изготовил себе такой гроб. Уже дома, когда я заинтересовался семьей Гурнова, увидел я и некую параллель с батюшкой Георгием. В тот год, когда батюшка приехал в Спас-Чекряк, родился у Едесея Васильевича сын, которого он по чистой случайности назвал Георгием. После окончания Орловской духовной семинарии он тоже стал священником и прослужил в Спас-Чекряке почти двадцать лет. В книге памяти политических репрессий на Орловщине «Реквием» о нем сказано так: Гурнов Георгий Едесьевич, 1885 года рождения, уроженец и житель с. Чекряка Болховского района Орловской области, священник. Арестован в 1933 году. Осужден на пять лет исправительно-трудовых лагерей. Назад он уже больше не вернулся. А о местном помещике Покровском мне было известно только, что он значительно помог батюшке Георгию средствами и материалами при строительстве каменной церкви. И, быть может, этим заслужил себе место у ее стен.

В тот день наши поиски так и не увенчались успехом. В третьем часу дня опять поломался экскаватор, и священники поехали в Болхов, чтобы посоветоваться с главой администрации Н. А. Краличевым, как им действовать дальше. Вслед за ними разъехались и все остальные.

И вот наступил третий день. Мы только приехали, и сразу стали собираться местные жители. Тут многие люди начали потихоньку роптать.

«Вот уж сколько земли перекопали, а батюшку Егора так и не нашли, — говорили они. — А может быть, красноармейцы или чекисты его выкопали давно, как это случилось в Болховском мужском монастыре.

А в годы войны здесь хозяйствовали немцы. И они тоже могли могилу разрыть. Ведь ходили же слухи, что батюшку Егора похоронили с большим золотым крестом. Как тут не польститься».

В тот день решено было работать до темноты, но вышло все иначе. Еще не было и 11 часов дня, как порвался резиновый масляный шланг у экскаватора. Но эту поломку сумели еще кое-как устранить. Однако примерно через час вышла из строя в двигателе какая-то шестеренка, за которой нужно было ехать в Болхов. В это время приехал архиепископ Паисий с епархиальным секретарем о. Иоанном Троицким, и после короткого совещания было решено раскопки отложить до завтра. В тот день я решил домой не уезжать и пошел искать себе ночлег, а когда вернулся, увидел, что уехали не все. В одной из траншей копали землю лопатами двое, как мне показалось, молодых парней, а на поляне стояла их зеленая «Нива».

«Бог в помощь», — сказал я им. Так мы и познакомились. Надо сказать, что я хоть и не видел их до сей поры, но слышал о них немало. Это они уст-

роили здесь купальню и отремонтировали святой колодец. Бывшая учительница местной школы Мария Александровна Думчева мне о них рассказывала: «Бывало, приедут на машине ни свет ни заря и стучат молотками, пока не стемнеет». Да и местные жители их хвалили. Слышал я также, что подтолкнуло ребят к этому случившееся в семье Игоря Тишина горе, и попросил его об этом рассказать. Тут и поведал мне Игорь свой печальный, но со счастливым концом рассказ.

Впервые он попал в Спас-Чекряк около двух лет назад после того, как в семью пришла беда. Случился у его старшей дочери Светы гнойный аппендицит. Болховские врачи сами делать операцию не решились и вызвали орловскую бригаду. В реанимации Орловской детской больницы, куда поместили девочку, врач им с женой сказал, что положение Светы серьезное. Что делать, Игорь не знал. И тут ему пришла мысль сходить в церковь и заказать молебен о здравии дочери. Но настоятель Христорождественской церкви о. Василий посоветовал вместе с ним съездить в Спас-Чекряк и отслужить молебен на святом колодце. Так они и поступили. А святую воду Игорь на следующий день привез в Орел.

Дочь уже к этому времени три дня лежала под капельницей. Есть ей ничего было нельзя, и пила она только святую воду. Пять дней Света пролежала в реанимации, а на шестой день перевели в изолятор и уже разрешили ухаживать за ней жене. А еще через день поместили в общую палату. Пролежала Света в

больнице две недели, и ее выписали. Врачам было удивительно, что она так быстро поправилась.

А потом излечилась от рака и дядина жена Юлия Павловна. Жила она в Москве и заболела еще страшнее, чем Света. Рак груди не шутка. Сделали ей операцию, а раковые корни поползли дальше. Тут уж врачи руками развели. Приехала она к ним в деревню уже не иначе как с родными попрощаться. Тут Игорь и посоветовал ей съездить в Спас-Чекряк на святой колодец. Облилась она на колодце водой и мысленно обратилась к батюшке Георгию, как он подсказал, и уже к вечеру опухоль и краснота стали спадать.

После этого ездила она в Спас-Чекряк еще несколько раз, пока совсем не излечилась. А излечившись сама, привезла сюда и своего зятя. У него после автомобильной аварии долго не заживала нога. Почти год ходил с металлическим стержнем в ноге, да вдобавок еще мучили сильные боли. В общем, приехал он на святой колодец и не пожалел, что проделал дальний путь. Боль сразу же прекратилась, а вскоре и кость срослась.

Тут и пришла Игорю мысль сделать в Спас-Чекряке колодец с купальней, что он и осуществил со своим другом Олегом.

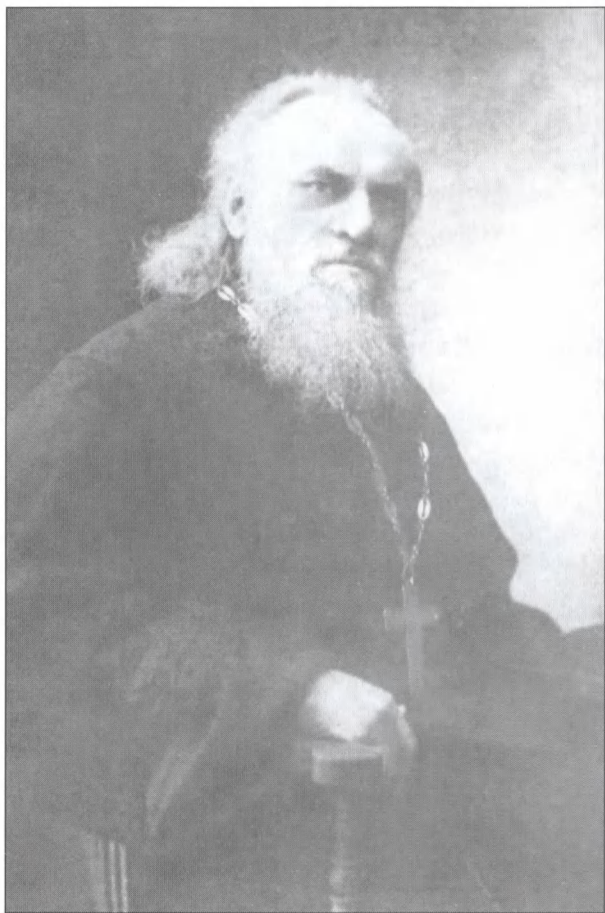
Выслушал я эти дивные истории и в свою очередь о своих чудесах рассказал. Ведь я тоже в некотором роде был причастен к святому колодцу. Летом этого года я был в селе Андросово, там, где родился батюшка Егор.

Село это находится за Железногорском и теперь относится к Курской области, но прежде оно входило в состав Орловской губернии. Места там прекрасные, и есть тоже святой колодец, устроенный еще в начале XVII века. В вышедшей незадолго до революции книге «Описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии» о нем сказано, что лет 300 тому назад явилась на ключевом источнике в лесу икона Казанской Божией Матери. Случилось это как раз в последнее воскресенье перед ее летним праздником. Но в том месте, где она явилась, была низина, и жители села перенесли ее на другой источник, который находился на возвышенности и был ближе к селу. Но на следующий день икона вновь оказалась на прежнем месте. После этого ее еще дважды переносили, но она снова возвращалась назад. Тогда люди расчистили источник и устроили колодец там, где она явилась. А вскоре по всей округе пошел слух, что вода в том колодце имеет чудотворную силу, и толпы паломников и богомольцев потянулись туда.

Годы воинствующего атеизма не обошли святой колодец стороной. Многие жители в селе еще помнят, как его разоряли. Особенно поусердствовали в этом скотник Филипп Власов и лесник Леонид Сотников. В то время Сотников строил дом и дубовые бревна перевез к себе на двор. И как ни просил его отец отвезти их назад, он его не послушал. А вскоре поехал он в лес и не вернулся. Стали его искать и на третий день нашли убитым. Только похоро-

Протоиерей Георгий Коссов

Отец Георгия Коссова о. Алексей

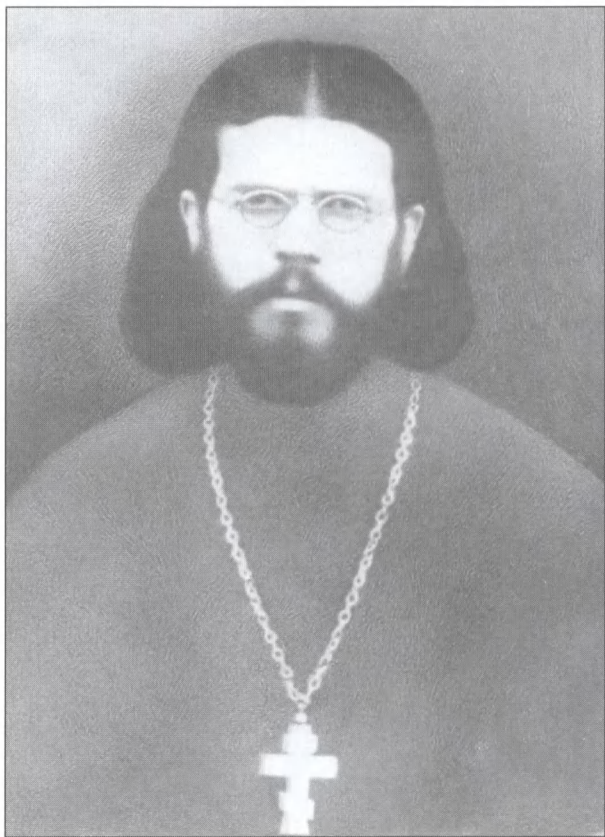
Жена о. Георгия Коссова Александра Моисеевна,
их дочь Елена Георгиевна и учительница приюта
Ремезова Евдокия Павловна

Дочь о. Георгия Коссова Елена.
1910 г.

Сын о. Георгия Коссова Николай с женой Глафирой.
1912 г.

Сын о. Георгия Коссова о. Николай.
Середина 1920-х гг.

Жена о. Николая Коссова Глафира

Внучка о. Георгия Коссова Евгения.
1928 г.

Внуки о. Георгия Коссова Евгения и Алексей
и правнук Владимир.
1954 г.

Учитель второклассной школы в Спас-Чекряке Михаил Моисеевич Зернов с женой Екатериной Васильевной, бывшей воспитанницей приюта о. Георгия Коссова

Алексей Ноздрачев с матерью.
1914 г.

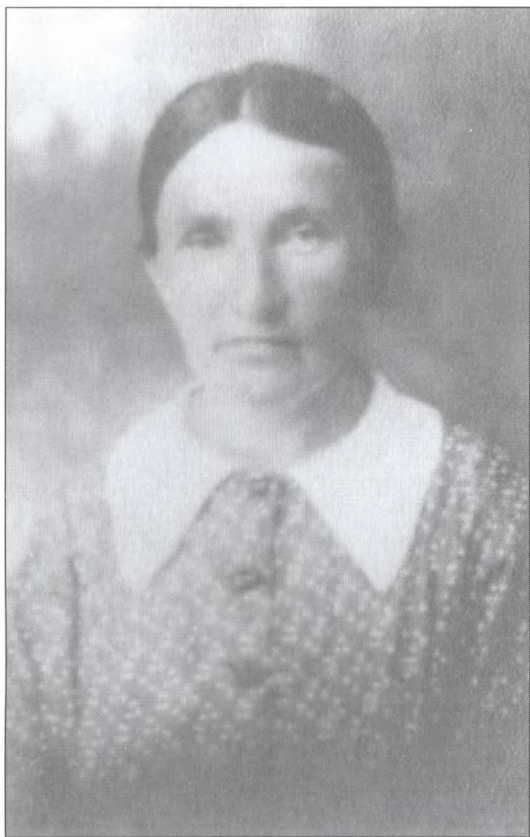
Воспитанницы приюта в Спас-Чекряке
Наталия Ноздрачева и Доминика Жиголенко

Духовные дочери о. Георгия Коссова
Доминика Несторовна Ноздрачева
и Анна Николаевна Рязанцева.
1950-е гг.

Владыка Серафим (Остроумов),
архиепископ Орловский и Севский
с 1917 по 1927 гг.

Надежда Дмитриевна Дивногорская,
бывшая воспитанница приюта.
1950-е гг.

Мария Александровна Думчева,
крестница о. Георгия Коссова

Марфа Акимовна Селищева,
бывшая воспитанница приюта.
1960-е гг.

Монахиня Фотия (справа)

Анна Николаевна Рязанцева,
духовная дочь о. Георгия Коссова.
1996 г.

Андросово. Святой колодец

Андросово. Казанская церковь

Спас-Чекряк. Дорога к святому колодцу

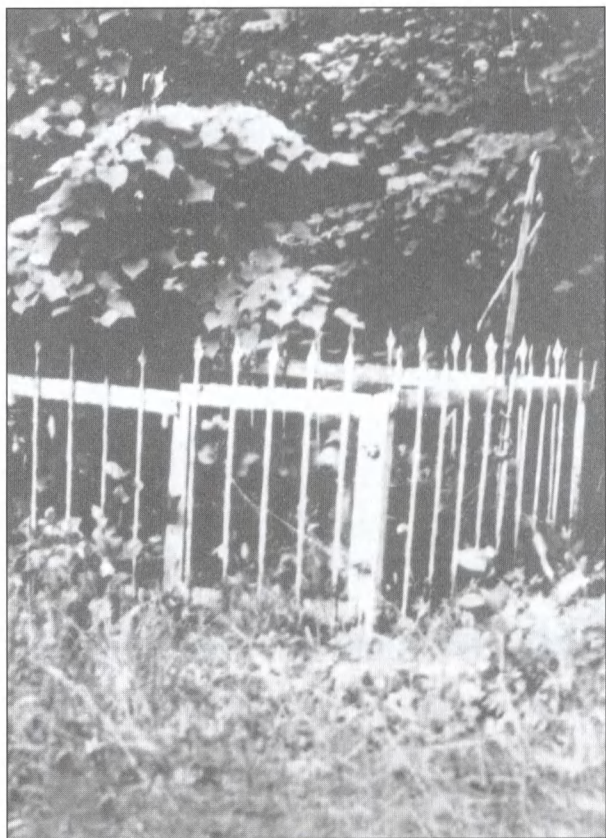
Спас-Чекряк. Святой колодец.
1970 г.

Спас-Чекряк. Святой колодезь.
1996 г.

Спас-Чекряк. Паломники у святого колодца.
1996 г.

Спас-Чекряк. Ограда и крест,
установленные Н. Д. Дивногорской.
1996 г.

Спас-Чекряк. Памятник на могиле о. Георгия Коссова,
установленный на пожертвование схиархимандрита
о. Иоанна (Крестьянкина) в 1980-е гг.

Паломники у могилы о. Георгия Коссова

Поиски захоронения о. Георгия Коссова.
В центре – архиепископ Орловский
и Ливенский Паисий

Обретение мощей о. Георгия Коссова
9 декабря 2000 г.

Рака с мощами священноисповедника Георгия Коссова
в Николо-Покровской церкви г. Орла.

В настоящее время находится
в Спасо-Преображенском соборе г. Болхова

Священноисповедник протоиерей Георгий Коссов.
Икона с частицами мощей.
Собор Ахтырской иконы Божией Матери г. Орла

нили, как нагрянула другая беда. Как это произошло, люди рассказывают по-разному, но только случился внезапный пожар, и его дом сгорел дотла. Скотник Филипп в том же году преставился. Пил с мужиками около магазина и вдруг схватился за грудь, присел и больше не встал.

В конце 1980-х годов в селе Андросово открыли храм, а вслед за ним восстановили и святой колодец. А история, которая предшествовала этому событию, оказалась почти такой, как и здесь, в Спас-Чекряке. Также началась с болезни и исцеления. Заболели у одной девицы, жившей в Белгороде, глаза, так что она и белого света не видела. К каким только докторам ни возили ее – и все без толку. И тут вдруг приснилась ее отцу Ивану сама Пресвятая Богородица и повелела поехать с сыновьями в село Андросово и восстановить там святой колодец. Сам он был из тех мест. Послушался он Царицу Небесную и как только восстановил колодец, болезнь у его дочери тут же прошла.

Но на этом сходство не кончается, и дальше идет все, как в Спас-Чекряке.

Заболела местная жительница Анна Ивановна Ташкина непонятной болезнью. Стала сохнуть и дошла уже до того, хоть в гроб клади. Уже и смертное себе приготовила. И тут вдруг пришел к ней приезжий из Белгорода мастер, что восстановил святой колодец, и посоветовал ходить по утрам на святой колодец и обливаться святой водой. Стала она так делать и действительно скоро поправилась. А потом уж

и сама одному молодому человеку, больному ногами, совет дала. И тот послушался, и тоже вылечился. Но самое большое чудо ждало меня впереди. Очень уж по душе пришелся мне святой колодец в Андросово, и, уезжая оттуда, всю дорогу думал я, как бы и в Спас-Чекряке такой устроить.

Сразу же по приезде домой начал я искать мастеров. А первым делом написал письмо о. Иоанну Крестьянкину в Псковско-Печерский мужской монастырь и попросил его помолиться. Он-то ведь и к этому колодцу, какой есть, как говорится, свою руку приложил. В прежнем дубовый сруб совсем сгнил, и только благодаря его молитвам поставила Мария Кузьминична с мужем бетонное кольцо и тем спасла его от окончательного загрязнения.

Отправил я письмо, и еще ответ ко мне не пришел, как дошел до меня слух, что колодец в Спас-Чекряке кто-то уже восстановил, а кто – неизвестно. Пошел я в епархию, чтобы узнать, а там об этом и не слышали. Ну, думаю, раз в епархии не знают, то, видно, слух этот ложный. А когда этим летом в конце августа приехал туда, то своим глазам не поверил. Вижу, стоит новый колодец и, главное, точно такой, как и в селе Андросово, а рядом с ним купальня, которая показалась мне необычайной красоты. Как было тут не удивиться и не возблагодарить Бога и мастеров за такие дела.

К вечеру ребята уехали, и я пошел к Думчевым, а когда уж совсем стемнело, вышел на улицу. Темная, почти непроницаемая ночь нависла над местностью.

А вокруг ни одного огонька. Да и откуда им тут взяться? Один только и остался жилой дом Думчевых от прежнего села, да еще в стороне стоит двухэтажная школа с потухшими окнами. Постояв у порога, я снова пошел на место раскопок. «Найдем завтра мы батюшку Георгия или нет?» – с тревогой думал я, осторожно ступая между траншеями. Стояла необычайная тишина, и трудно передать мне то чувство, какое я испытывал. Какое-то внутреннее благоговение и вместе с тем напряжение возникало у меня оттого, что где-то тут рядом, в двух метрах, у меня под ногами лежит батюшка Георгий. А в том, что он здесь, я не сомневался.

Сегодня я слышал, как местные жители говорили: «Мол, батюшка не хочет отсюда уходить». А может, и вправду зря мы все это затеяли? Осиротеют эти места без него. Но были и другие мысли. Ведь мы, выходит, поклонялись пустой могиле, а он, может быть, где-нибудь в стороне под мусором лежит. Теперь уж искать надо до конца, пока всю поляну не перекопаем. Декабрьский озноб пробирал меня до костей, но я все не уходил. Мысли уносили меня то в будущее, то в прошлое...

«А какой, интересно, он будет лежать в гробу», – думал я. Ведь гроб-то опустили в могилу, почти на половину наполненную водой. Его внучка Е. Н. Потапова мне рассказывала: «В первый день воду из могилы вычерпали, но когда пришли хоронить, она из-за обилия родников в этих местах наполнилась вновь».

Время тогда было тревожное, да власти торопили, так гроб туда и опустили. «А все-таки мы мало о батюшке знаем, — думал я. — А самого главного, пожалуй, совсем не знаем. Например, в чем причина его отъезда из родного села Андросово. Ведь там он вначале учителем, а потом и директором земской школы был, и вдруг разом все бросил и стал священником. И поехал-то в приход не богатый и многолюдный. И вот что интересно. В то время все прихожане считали, что он не жилец, так задыхался и кровью кашлял. Об этом и С. А. Нилусу хозяин постоянного двора говорил. Но батюшка здесь 43 года прожил и умер не от туберкулеза. Значит, он тут, в Спас-Чекряке, вылечился. И дано ли ему было на переезд Божье указание еще в Андросово, или он сам дал Богу обет здесь, в Спас-Чекряке, нам так и не известно.

А еще вот что странно. Батюшка Егор 73 года прожил и столько уже в земле пролежал. И кто, как не Бог, разделит это время на равные отрезки». И тут я увидел некую параллель с другими святым и подумал: «А ведь и преподобный Серафим Саровский тоже на этом свете 73 года прожил, а потом почти столько же в земле лежал, пока его не прославили. Мне давно уже казалось, что между ними существует какая-то связь, которую я пока не понимаю. Это чувствовали, по-видимому, его воспитанницы, которые незадолго до революции всем говорили: «У преподобного Серафима в Дивеево тоже вначале был приют, а потом возник женский монастырь. Так и у

нас будет». И кто знает, думал я, слушая размеренный ход часов, – если у Бога такой замысел, то так оно и будет».

Так с этими мыслями я и заснул, а когда проснулся, то по доносившемуся шуму от экскаватора понял, что работа уже идет вовсю. Я быстро оделся и вышел на улицу. Накануне глава администрации Болховского района Н. А. Краличев обещал прислать сюда второй экскаватор и слово свое сдержал. Два экскаватора рыли на поляне землю.

Надо отметить, что в эти дни все руководители, все службы, да и все православные люди, принявшие в этом деле участие, оказались на высоте. Многие из них молились, просили у Бога помощи, а некоторые даже встали на особую молитву и строгий пост. Нашлись и те, которые написали письма в известные монастыри России с просьбами о молитвенной помощи.

Все предыдущие три дня приезжал в Спас-Чекряк архиепископ Паисий: благословил, переживал, молился. Вместе с епархиальным секретарем о. Иоанном Троицким приехал он и в этот раз.

И вот после нескольких часов безуспешной работы по совету священников было решено вернуться на прежнее место и копать там, где раньше находилась могила. Начали с того, что самым тщательным образом установили по фотографиям месторасположение церкви, а затем определили и расчистили фундамент вдоль всего алтаря. И работа закипела вновь.

В одиннадцатом часу дня из Орла приехала съемочная группа с ОГТРКа вместе с редактором программы «Благовест» Ольгой Ивановной Патенковой. «Я просто не могла остаться в Орле, – сказала она. – Сердце сюда так и тянуло. К тому же сегодня день Георгия Великомученика, и я чувствую, что здесь что-то значительное произойдет». И предчувствие не обмануло ее. В середине дня вдруг выглянуло солнце и осветило окрестные места. И от убогости и запущенности, которые царили тут вокруг, показалось оно необычайным и ярким.

В это время мы с Евгенией Мастепановой пошли на кладбище к бывшей воспитаннице приюта Надежде Дмитриевне Дивногорской. Это она веточками отмечала место батюшкиной могилы, когда ее сносили, а в остальные годы ухаживала за ней и чистила святой колодец. Странная и интересная была у нее судьба. Вскоре после смерти отца Георгия все его родственники были арестованы, и могила у него была без ограды и креста. И тогда Надежда Дивногорская стала собирать деньги. Была она сиротой, своих доходов почти не имела и собирала в основном те копеечки, что клали паломники батюшке на могилку или бросали в святой колодец.

В те годы тяжело жилось людям, особенно в сельской местности. Деньги в колхозах почти не платили, и поэтому собирала она нужную сумму несколько лет. И хоть сама жила в большой нужде, но все же поставила отцу Георгию кованую ограду и крест.

После смерти о. Георгия прожила Надежда Дмитриевна в Спас-Чекряке почти 30 лет и тихо скончалась. А так как была она сирота, то и у нее вначале, как и батюшки, был на могилке лишь земляной бугорок. В начале 1980-х годов приехали в Спас-Чекряк паломники из Болхова и поставили отцу Георгию мраморный памятник и новую ограду, а прежнюю вместе с крестом бросили на поляне. Тут-то и вспомнили вдруг учителя местной школы про Дивногорскую и поставили ей на могилку ту ограду и крест.

Пробыли мы на могилке совсем недолго, а когда возвращались, зашли на святой колодец и встретили там кинооператора Андрея и шофера с ОГТРКа. Они снимали купальню и окрестные места. Я даже не успел еще попить святой воды, как прибежала Ольга Ивановна и сказала ребятам, что захоронение нашли.

Вслед за ними на место раскопок поспешили и мы, и подошли вовремя. Я заглянул вниз и увидел торчавшие сбоку доски. Отец Владимир, Олег с Игорем и несколько человек из МЧС осторожно очищали с них слежавшиеся комья глины.

Гроб оказался обложен дубовым настилом, и ребятам пришлось приложить немало сил для того, чтобы вначале обкопать этот дубовый саркофаг, а потом его и разобрать. Все люди, стоявшие наверху, с замиранием сердца следили за их работой. Медленно и осторожно расчистили ребята и сам гроб. Он оказался почти черного цвета, а к верхней его крыш-

ке был прибит большой деревянный восьмиконечный крест. Тут же измерили и записали его размеры. Длина гроба оказалась 2 м 20 см; высота – 60 см; ширина у изголовья – 80 см, а у ног – 40 см. Нашли батюшку всего в 2-х метрах от его прежней могилы. И нам остается только гадать, ошиблась ли его духовная дочь, когда веточками обозначала могилу, или же умышленно отнесла ее чуть в сторону, опасаясь, что батюшку выкопают богоборцы и увезут. Ибо такие факты были тогда известны. Внутри гроб, как мы и предполагали, был набит землей, но тем не менее, когда открыли крышку, мы отчетливо увидели темное коленкоровое Евангелие и вставленный в руку батюшки кипарисовый крест. Олег с Игорем и ребята из МЧС начали осторожно расчищать кисточками землю, и вскоре стал постепенно вырисовываться осто́в усопшего, одетого в священническую одежду. Вначале расчистили плечи и голову, и тут мы увидели митру. Оказывается, батюшка Георгий был митрофорный, но никто из нас этого не знал. Хорошо сохранились волосы головы и бороды, а также много нетленной плоти. Когда ребята из МЧС попытались немного приподнять батюшкину голову, то раздался характерный для плоти треск.

Все вещи, которые находили в гробу, включая также остатки покрывала и куски от обшивки гроба, передавали наверх, где их фиксировали на видео- и фотопленку и тщательно рассортировывали. Руководили работами наверху – о. Иоанн Троицкий, а внизу – о. Владимир Герченев. Несмотря на то, что был

декабрь, холода из нас никто не чувствовал. Из могилы явным образом шло тепло, растворенное тонким благовонием.

Позже, когда о. Владимир проявил высокочувствительную цветную пленку и отпечатал фотографии, то на них хорошо было видно, как от гроба отходят вверх разного размера светлые шары, а у изголовья струится яркий свет. Одна из таких фотографий была напечатана в 12-м номере «Орловских епархиальных ведомостей» за 2000 год.

В 3-м часу дня начали поднимать по частям батюшкины святые останки, стараясь сохранить их прежний порядок, и укладывать на железный лист. Сначала подняли голову, потом кисти рук и ребра, затем позвоночник, таз и кости ног.

Наконец, когда работа была закончена, четыре священника подняли батюшкины мощи и с пением «Трисвятого» понесли в машину. Я не знаю, что испытывал в тот момент каждый из нас, но меня лично охватил вдруг такой благоговейный и восторженный трепет, что я растерялся и не знал, что делать. Думаю, что такое состояние в тот миг было у многих, в том числе и у епархиального секретаря о. Иоанна Троицкого. Он вдруг в каком-то блаженном восторге достал из машины церковные календари и стал всем дарить, каждому подписывая. Мне он написал: «Дорогому Николаю Николаевичу в память о дне обретения святых мощей священноисповедника Георгия Коссова. С благодарностью за его великий труд. С любовью о Господе».

А у Владыки Паисия в это время брали с телевидения интервью, и, как только закончили, все мы двинулись в Болхов.

Бережно, с любовью и благоговением, батюшкины святые мощи были доставлены в Болховский Спасо-Преображенский собор. Произошло это в двухтысячном году, в день памяти освящения церкви св. Георгия Победоносца в Киеве. Когда батюшку Георгия вносили в храм, на соборной башне часы отсчитывали 16 часов. В соборе в это время началась торжественная воскресная служба. И батюшка на нее минута в минуту успел.

Святые мощи его поставили вначале перед открытыми Царскими вратами и, пропев молитвенное славословие, внесли в алтарь.

В нашей Орловско-Липецкой епархии кроме отца Георгия Коссова в 2000 году были прославлены еще пять человек, но обретение святых мощей случилось за 211 лет впервые. И это немаловажный и отрадный для всех нас факт, подлинный смысл которого мы осознаем лишь спустя некоторое время.

И в заключение этого я, как непосредственный участник всех событий, связанных с обретением и освидетельствованием его святых мощей, хочу заверить, что я верю и исповедую, что это, вне всякого сомнения, св. мощи о. Георгия Коссова. А еще благодарю Бога за то, что мне довелось поучаствовать в таком великом деле и по мере своих сил поспособствовать и послужить как прославлению, так и обретению святых мощей этого славного Божьего Угодника!

Акт

9 декабря 2000 г.

с. Спас-Чекряк Болховского
района Орловской области.

Мы, нижеподписавшиеся: Епархиальная комиссия в составе пятнадцати человек во главе с Архиепископом Орловским и Ливенским ПАИСИЕМ с участием главы Болховской Администрации, антрополога, представителя Управления Культуры в лице археолога, МЧС, духовенства, фотографа, телевизионных работников составили настоящий акт о нижеследующем:

На юбилейном Архиерейском соборе 2000 г. светильник веры и благочестия протоиерей Георгий Коссов, бывший настоятелем храма села Спас-Чекряк Болховского района Орловской области, был канонизирован как священноисповедник Георгий.

Следуя благочестивой традиции, Архиепископом ПАИСИЕМ было подано почтительнейшее прошение СВЯТЕЙШЕМУ ПАТРИАРХУ Московскому и всея Руси АЛЕКСИЮ II, испрашивая его благословения на обретение святых мощей и перенесе-

ние их в Спасо-Преображенский собор г. Болхова. От СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ поступил положительный ответ, благословляющий это святое дело.

Получив соответствующее разрешение от местной администрации, 6 декабря комиссия в полном составе в присутствии жителей села Спас-Чекряк, почитателей, богомольцев в количестве до тысячи человек собрались у могилы.

Перед началом раскопок мы провели большое исследование места захоронения. Все данные сводились к тому, что в 1928 г. после совершения чина погребения гроб с телом батюшки Георгия обнесли вокруг храма и поднесли к вырытой могиле с правой стороны от алтаря. К этому времени в ней находилось немало грунтовых вод. Полностью вычерпать ее не удалось, поэтому настлали на пол кирпичей, на них положили дубовые доски, лапник и на него опустили гроб, который обложили дубовыми досками, и сверху накрыли этот склеп также досками. Но в точности никто не был уверен в месте захоронения, так как в то антирелигиозное время, во избежание паломничества к могиле любимого и почитаемого батюшки, холмик неоднократно сравнивался властями с землей, а почитателей терроризировали арестами, запугиваниями. Так что через 72 года никто с точностью не мог указать место. Зная все это, мы с молитвой, испрашивая помощи Божией, приступили к обретению святых мощей на месте памятника и могильной оградки.

После молитвы, на которой были пропеты тропарь, кондак и величание священноисповеднику Георгию, Архиепископом Паисием была прочитана молитва, и без перерыва началось чтение св. Евангелия священнослужителями, которых присутствовало более тридцати человек.

Не обрета на этом месте ничего на глубине 2,5 метров, на 2 и 3-й день проводили раскопки рядом, у правого бокового придела, и вновь вернулись к правой стороне главного алтаря. После долгих поисков на глубине 2-х метров ближе к центру алтарного фундамента появился уголок обшивки захоронения. Аккуратно лопатами окопав со всех сторон это место, мы с облегчением вздохнули, так как действительно увидели гроб, обложенный дубовыми досками, есть следы лапника, и все это стояло на кирпичах. Так как подземные, болотистые воды все 72 года постоянно протекали через гроб с телом батюшки, то мы обнаружили и внутри обшивки, и в самом гробе полностью все пространство, до крышки, забитое сырой глиной. В этой глине, расчищая останки захоронения, мы обрели на груди требное св. Евангелие, бывшее в оправе, но истлевшее, и требный крест деревянный, хорошо сохранившийся, митру со следами покрывца, покрывавшего лицо, следы епитрахили (пуговицы от нее сохранились) и полного облачения, но сильно истлевшее; хорошо сохранившиеся волосы большой бороды и длинные волосы на голове. Тщательно, осторожно перебирая глину, были собраны все сохранившиеся кости всего

скелета, в хорошем состоянии три нательных креста: деревянный, медный и серебряный.

Все останки и глину перевезли в Свято-Ильинский храм г. Орла, где все приведено в надлежащий вид и положено в приготовленную резную из дерева раку для перенесения в Спасо-Преображенский собор г. Болхова, как благословил СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ АЛЕКСИЙ по просьбе Архиепископа Орловского и Ливенского Паисия. Сомнений или неуверенности в истинности останков батюшки Георгия нет ни у мужей науки, ни у нас, священнослужителей, в чем и составлен настоящий акт.

Тропарь, глас 6

Пастырю добрый Бога в сердце смирением стяжавый / Орловския земли предивное украшение. / Послушанием, терпением страхования преодолевый, / На месте пусте храм и школу создавый. / Любовью Христовой всех согревая, / Силою благодати бесы изгоняя, / Явлением мощей твоих нас ободряя, / Святой праведный отче Георгие, / Молись Пресвятой Троице спастися душам нашим.

Кондак, глас 6

Чудесы и подвиги украшенный / Святое житие оставил еси нам в память. / Мы же с любовью верно чтущие Тя / Молим, покрывай нас от всех бед и напастей / Святою своею любовью, / Священноисповедниче Георгие.

Величание

Величаем Тя, священноисповедниче Георгие, и чтим святую память Твою, Ты бо молиши за нас Христа Бога нашего.

Акафист
священноисповеднику протонерею
Георгию Коссову

Кондак 1

Избранный воине Христов, священноисповедниче отче Георгие, венцем славы небесныя украшенный, похвальное пение тебе приносим, ты же яко дерзновение имея ко Господу, моли Всеблагаго Царя Славы даровати милость почитающим святую память твою и теплым сердцем поющим: Радуйся, отче Георгие, твердый исповедниче и заступниче земли нашея.

Икос 1

От юности Христа возлюбил еси, и Тому тесным путем последовав, сосуд избран Духа Святаго явился еси, дар чудотворения и прозрения восприимый. Орловския земли заступниче, богоизбранне отче Георгие, преславный защитниче от врагов спасения нашего видимых и невидимых, темже нас на

похвалу твою воздвизаеши радостию воспевати ти: Радуйся благочестивых родителей чадо прелюбезное; радуйся страху Божию и чистоте теми наученный. Радуйся, со млеком матерним веру православную впитавый; радуйся, узкий путь и тесныя врата ко спасению избравый. Радуйся Орловския страны в вере утверждение; радуйся, пред престолом Бога Вышняго наш твердый предстателю. Радуйся, отче Георгие, твердый исповедниче и заступниче земли нашея.

Кондак 2

Видя сердца твоего благое намерение, Христос предначерта узкий и тернистый путь спасения твоего. В зиму лютую, в болезни и нищете притекл еси в Спас-Чекряк, идеже место бе пусто и безлюдно. Но обаче то избра Господь да прославится тамо Имя Его, и бысть сие поприщем подвигов твоих. Темже взываем с радостию Богу: Аллилуйя.

Икос 2

Слыша велие житие и благочестие богомудрых отцев и старцев Оптинских, бурею помышлений движимый пришел еси яко странник убогий к великому старцу Амвросию да укрепит твое сердце, и да наставит тя на подвиг пастырского служения. Он же, яко провидев вся Божия произволения о тебе, паки возврати тя в Спас-Чекряк, идеже и обрел еси доброе пристанище и утверждение. Видевше таковое Божие благоволение, глаголем сие: Радуйся, веры

правыя нерушимое основание; радуйся светлый образе простоты и смирения. Радуйся, света Христова носителю; радуйся, всякия правды добрый ревнителю. Радуйся, любвеобилие неистощимое; радуйся, христианских добродетелей насадителю. Радуйся, отче Георгие, твердый исповедниче и заступниче земли наша.

Кондак 3

Имеяй крепкую веру во благое промысление Господа нашего о спасении человеков, во смирении души возвратился еси в приход твой, отче Георгие, и взял еси крест твой на рамена твоя. Святым Даром от мраза замерзающим во храме ветхом, обаче возжигал еси ты свещу пред чудотворным образом Пресвятыя Богородицы и молил еси усердно Владычицу да управит путь твой. Мы же видяще таковое твое твердое упование на милость Царицы Небесныя, воспеваем: Аллилуйя.

Икос 3

Зря труды твоего послушания, враг спасения рода человеческого завистию распалаемь, потщася изгнати тя, гнусными гласы хвалящеся воздвигнути бесы мнози супротив тебе единого. Ты же молитвами старца Амвросия укрепляем, и небесному покровителю твоему Георгию Победоносцу подражая, победил еси древнего змия и разгнал еси нахождения бесовские. Мы же, благодаря о сем укрепившаго тя Господа, с любовию взываем ти: Радуйся, всю на-

дежду на Господа возложивый; радуйся, силою Божией полки бесовские победивый. Радуйся, Оптинскаго старчества достойный приемниче; радуйся, старца Амвросия духовный наследниче. Радуйся, имже наставлен был еси к духовному деланию; радуйся, яко с ним ныне во славе небесней пребываеши. Радуйся, отче Георгие, твердый исповедниче и заступниче земли нашаея.

Кондак 4

Разум Божественных писаний стяжав и силою любви утверждаяся в вере, поревновал еси, отче, Евангельское житие стяжати по образу преподобных отцев Церкви древния. Егда же даде ти Господь разумение сего благоугождения, увидел еси, яко благо есть иго Христово и бремя Его легко есть, темже воспел еси со умилением: Аллилуйя.

Икос 4

Боготечно шествовал еси от силы в силу, отче наш Георгие, и яко достойный быв сосуд Божия благодати, велия чудеса яви Господь, ти яко угоднику Своему. Имея дар прозрения, сокровенная сердец ведый и грядущая яко настоящая, прославил еси имя Христово во всех концев земли нашаея, сего ради вопием ти: Радуйся, на земли от Бога даром чудотворения прославленный; радуйся, нищету духовную себе усвоивый. Радуйся, отче Георгие, земли нашаея защитниче; радуйся, грехми оскверненные молитвами твоими очищающий. Радуйся, супротив

духов злобы доблий воителю; радуйся, на небесех венцем неувядаемым увенчанный. Радуйся, отче Георгие, твердый исповедниче и заступниче земли нашаея.

Кондак 5

Слышавше людие мнози богоугодное житие твое, прихождаху к тебе со упованием получитьи утешение и вспомошествование в житейских скорбех и нуждах. Спаситися взыскующим Царства Небеснаго вспомошествуя, верный путеводитель явился еси им, благодарно взывая к Богу: Аллилуйя.

Икос 5

Светом добрых дел твоих и врачеванием недугов умилил еси души и сердца человеков. И бысть храм твой, яко лечебница безмездная всякому в оньже притекшему – богатому и убогому, премудрому и простому. Ты же едино в сердце утвердив, яко даже наказуя Господь милует, врачеваше всех. Такоуей силе твоего чудотворения и нелицеприятию дивящеся, воспеваем ти хвалебную песнь: Радуйся, неутешных в скорбех утешение; радуйся, требующих помощи стено неоторимая. Радуйся, душевных и телесных недугов скорый врачевателю; радуйся, словом и делом ближнему усердно послуживый. Радуйся, смиренномудрия учителю; радуйся, веры и любви насадителю. Радуйся, отче Георгие, твердый исповедниче и заступниче земли нашаея.

Кондак 6

Провозвестник святости и праведности жития твоего явился святой праведный Иоанн Кронштадтский, именуя тя своим соратником и приемником. Такжеже и братия Оптинския начаша почитати тя яко старца. Ты же смиренно верою и правдою Богу и людям послужил еси, ихже оберегая от невзгод и напастей. Темже людие православнии с радостию прославляют Бога: Аллилуйя.

Икос 6

Хотя Господа нашего Иисуса Христа достойно ублажати, поревновал еси, отче Георгие, новаго храма каменнаго созданию, вкупе же и просвещения христианскаго насаждению и обездоленных ограждению. Мы же, видяще неустанный подвиг твоего пастырскаго служения, изумляемся, како понесе таковыя труды немощь естества человеческого, и усердию твоему поклоняемся, благодарно вопиюще ти: Радуйся, мир с Богом и людьми стяжавый; радуйся, в кротости и смирении поживый. Радуйся, тайныя человеческия помышления прозревавый; радуйся, терпения христианскаго учителю. Радуйся, обидимых неложное упование; радуйся, гордых и заблуждших вразумителю. Радуйся, отче Георгие, твердый исповедниче и заступниче земли нашея.

Кондак 7

Дивный храм Преображения Господа Славы воздвигл еси в глухом сельце, яко в царstem граде

подобаше, и тем исполнил еси благословение старца Амвросия. С усердием молился еси, отче, ко Господу и Пречистей Его Матери: да пребудет храм сей жилищем Божией благодати и да услышит в нем Творец люди Своя, с верою вопиющия: Аллилуйя.

Икос 7

Созидаю храм велий на приношения людския, но обаче жертвы неправедныя, отче Георгие, отвергал еси. Темже в тайная сердца зря, нечестиваго купца, обидящаго сирот и вдовиц, обличил и к покаянию привел еси его, научая за все благодарити и славить Господа. Зряще таковое милосердие твое, поем ти: Радуйся, свет Христов на месте тьмы бесовския утвердивый; Радуйся, на месте идольских капищ храм Божий поставивый; Радуйся, молитвенными слезами основание его оросивый; Радуйся, руками своима краеугольный камень его положивый. Радуйся, непреложно на помощь Божию уповавый; Радуйся, богомудрый учителю и молитвенниче о душах наших. Радуйся, отче Георгие, твердый исповедниче и заступниче земли нашея.

Кондак 8

Стена и прибежище был еси чадом твоим, блаженне, егда во время гладов и смуты нищия и убогия питал еси, приют отроковицам устроая, да обретут тамо сироты душевный покой и спасение. Темже блаженство милостивых унаследовал еси ныне, отче

Георгие, со святыми вечно воспевая на небесех хвалебную песнь: Аллилуйя.

Икос 8

Ревностно потрудившись на благо ближним своим, создал еси училище народное, идеже кротко и богомудренно добродетелем поучал еси, в милосердии, сострадании и целомудрии вся утверждая. Добре упасл еси Богом врученное тебе стадо, да не похитит враг невидимый едину от овец твоих. Тем же ты хвалим и зовем ти сице: Радуйся, юныя души для Царствия Небеснаго возрадивый; радуйся, во главу угла любовь христианскую положивый. Радуйся, бездомных и сирот пристанище; радуйся, имже яко отец родной и добрый учителю пребывавший. Радуйся, любовь к труду и молитве в сердца отроков владавший; радуйся, любовью своею невзгоды других покрывавший. Радуйся, отче Георгие, твердый исповедниче и заступниче земли нашея.

Кондак 9

Новаго заступника, молитвенника и ходатая за Россию дарова ты Господь в годину тяжких испытаний всем верным, яко мнози отпадаху от спасительнаго корабля Церкви Православныя в море всепагубных треволнений. Ты же, отче, маловерныя и заблуждшыя усердно наставлял еси, ереси и учения тлетворная обличая, многия от пути погибели обратил еси ко Христу Жизнодавцу, научая пети Ему: Аллилуйя.

Икос 9

Видя державы Российския разорение, народа духовное падение, ересей чуждых востание и христиан верных злое погубление, молился еси непрестанно ко Господу, да пощадит Человеколюбец отчину нашу от погибели всеконечныя ходатайством Царицы Небесныя и сонма Святых Русских. Сего ради вопием ти таковая: Радуйся, безбожия идольского неустанный сопротивоборче; радуйся, пастырю добрый и стада твоего от волков лютых защитниче. Радуйся, души заблудшие к Богу приводивый; радуйся, к единению с Матерью Церковью отпавших призывавый. Радуйся, во ограду церковную расточенныя овцы собиравый; радуйся, незлобия и всепрощения образ всем показавый. Радуйся, отче Георгие, твердый исповедниче и заступниче земли нашея.

Кондак 10

Бури безумия и злоречия не убоялся еси, священноисповедниче отче Георгие, егда предложенный ти союз со враги на пагубу Отечества ничтоже сумняся отвергл еси. Мы же почитая во Христе твои страдания, просим твоя помощи и заступления. Утверди и нас в вере и терпении и подаждь нам разум воспевати Богу присно: Аллилуйя.

Икос 10

Кто убо исчислит лишения и болезни твоя, егда восташа на тя вожди бесовские и предаша му-

кам заточения за имя Христово. Ты же к вечному спасению и мучители твоя обратил еси, чудеса и исцеления творя, да узрят силу Божию в немощи совершаемую. Мы же припадая к честному образу твоему, со умилением взываем ти: Радуйся, хулы и напасти от заблуждших претерпевый; радуйся, за обидящих и гонящих тя молитвенниче усердный. Радуйся, среди поруганий яко отроча беззлобное пребывая; радуйся, к покаянию мучителей призывая. Радуйся, сокрушенные слезы за оставивших путь Христов проливая; радуйся, за виновных пред Судиею милостивый ходатаю. Радуйся, отче Георгие, твердый исповедниче и заступниче земли нашея.

Кондак 11

Многи скорби и болезни претерпел еси, отче наш Георгие, егда твердо стал еси супротив сил вражиих, ихже козни и коварства обличая и бесы от одержимых теми отгоняя. Темже до конца дней твоих помогал еси страждущим и скорбящим, непрестанною молитвою славословя Господа: Аллилуйя.

Икос 11

Тако подвизаяся, в молитве усердной в руце Господа предал еси чистую душу твою, юже ангелы вознесоша со славою в горния обители. Ты же и по святей кончине твоей не оставил еси сирыми нас, чад твоих, наставляя и исцеляя всех с верою к тебе приходящих, моляся за ны пред престолом Божиим. Сего ради прими от нас малое моление сие: Радуй-

ся, в истине Христовой даже до муки смертныя пре-
бывый; радуйся, до конца всякия скорби от диавола
претерпевый. Радуйся, в скорбное время печальниче
и утешителю верных; радуйся, яко многия чада твоя
за Христа исповедницы и мученицы быша. Радуйся,
при жизни добрый подвижниче; радуйся, и по смер-
ти на небесех наш добрый предстателю. Радуйся, от-
че Георгие, твердый исповедниче и заступниче зем-
ли нашея.

Кондак 12

Бурею злобы и неистовства дышуще, служите-
ли безбожныя и после смерти гнаху тя, могилу твою
сравняша, храм же разориша, темже и Спас-Чекряк
безлюден бысть. Мняху нечестивии дело твое и ве-
ру православную zde до конца истребити. Но обаче
пред кончиною твоею паки сотвори Господь чудо и
дарова источник воды живой, егоже ты освятил и
благословил еси всем в нуждах и скорбех приходити
семо, якоже и к тебе самому приходяху. Сии же свя-
тыя воды явишася бесом поругание, верным же ис-
целение и утешение, занеже воспеваем Богу: Алли-
луйя.

Икос 12

Действом Промысла Божия меж двух тысяще-
летий прославлен был еси Архиерейским Собором,
священноисповедниче Георгие, и в лике Святых про-
сиял еси. По сих же дарова Господь Орловстей зем-
ле сугубую милость, явив из под спуда святыя мощи

твоя. Ныне с надеждою притекая к сей многоцелебней раце, ублажаем святую память твою вси, поем и славим тя: Радуйся, неугасимый светильниче земли Русския; радуйся, прославивый имя Божие среди человеков. Радуйся, весь живот твой Христу Богу предавый; радуйся, блаженне, любовью и кротостию злобу века сего победивый. Радуйся, блаженства Святых на небесех удостоенный; радуйся, и нас грешных молящихся тебе милостию твоею не оставляющий. Радуйся, отче Георгие, твердый исповедниче и заступниче земли нашея.

Кондак 13

О, дивный угодниче Христов и чудотворче, священноисповедниче наш Георгие, приими сие малое моление, якоже вдовицы две лепте. Услыши ныне и нас грешных, скорбьми, болезнями и печальми одержимых, обаче с верою почитающих честныя мощи твоя, яко многоценный залог предстательства твоего о нас ко Господу. Моли убо Владыку нашего да избавит нас от погибели вечныя, и да сподобит блаженства со Святыми воспевающих Ему хвалебную песнь: Аллилуйя.

Молитва

О, преблаженне отче наш Георгие! Призри ныне от горния славы на нас смиренных и немощных, обремененных грехи многими, твоея помощи и утешения умильно просящих. Темже молим тя, отче святой, испроси и нам у Бога благоприятное и спасительное время на покаяние. Да отпустит Всемилостивый Господь народу нашему грехи за предание и убиение Царя, Помазанника Божия, за осквернение и разорение храмов Православных, за поругание всякия святыни земли Русския. Вемы яко осуетихомся умом и сердцем предахомся непотребным и лютым страstem, благочестие презрехом, паче же бесовское нечестие возлюбихом. Простри убо ныне молитвенно руцы твои ко Владыце всех и Господу, и испроси щедродательную Его милость да избавит нас от беззаконий наших, от всяких бед и скорбей за еже на ны пришедших, от расколов и ересей и от гонений иноплеменников на Церковь Православную.

Веруем, отче всеблаженне, яко аще Христовою любовию возлюбил еси ближния твоя еще на земли тебе бывшу, кольми паче любиши вся ны и на небесех ныне водворяяся. Умоли, священноисповедниче наш Георгие, купно со всеми Мученики и Исповедники, Господа Бога Царя Сил, да подаст и нам грехов прощение, да процветет в России вера Православная и водворится паки ликование праведных и да возстанет из забвения престол православных царей.

Не презри убо молений наших, изливаемых ныне пред тобою, и вознеси я ко всещедрому Богу,

яко кадило благовонное, да твоими ходатайствы по-
чиет благодать Его во граде нашем, идеже почитают-
ся преславное имя и многоцелебные мощи твои.
Темже сохраняеми твоим предстательством, мирно
и благочестно да поживем в вещи сем, да никтоже во
уповании своем на тя посрамлен будет, и да обрящем
благодать и милость Господа нашего, Ему же подоба-
ет всякая слава, честь и поклонение ныне и присно
и во веки веков. Аминь.

Содержание

Вместо предисловия	3
Батюшка Егор и Божий Промысл	6
Тернистый путь семьи Коссовых	39
Незабываемое	51
Знамение	75
Живая память	83
Славный Батюшка из Спас-Чекряка	95
Четыре дня в Дскабре	168
Акт Комиссии по обретению мощей священноисповедника Георгия Коссова	187
Тропарь, глас 6	191
Кондак, глас 6	191
Величание	191
Акафист священноисповеднику протоиерею Георгию Коссову	192

Усов Николай Николасвич

Источник Воды Живой

Священноисповедник
протоисрей Георгий Коссов

Тираж 10 000 экз. Заказ 2611.
Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

